

Виктор Ермолин

Из ниоткуда в никуда

18+

Виктор Ермолин

Из ниоткуда в никуда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48450650

SelfPub; 2019

Аннотация

«Из ниоткуда в никуда» – роман-аллегория о темном подполье человеческой души. Пытаясь побороть страх смерти, герои превращают свою жизнь в театр. Любовь, творчество, осознанные сновидения и многие другие практики станут их средством ухода от реальности... В оформлении обложки использовано изображение фрагмента картины "Жемчужина". Автор Врубель М.

Содержание

I. Архетип нашего времени	5
II. Se omnia	22
III. То, что отличает нас от животных	24
IV. Обыкновенная трагедия	57
V. Viam abierunt	79
VI. Способность оживлять и убивать словами	83
VII. Портрет мертвого изнутри художника	102
VIII. Из ниоткуда	111
IX. Театральный роман	132
Действие первое	133
Действие второе	140
Действие третье	151
Действие четвертое	162
X. Инспиризм, или мир сквозь призму вдохновения	165
Фрагмент первый	166
Фрагмент второй	169
Фрагмент третий	171
Фрагмент последний: Грамматика любви	173
XI. Идеальная геометрия	176
XII. История русского степничества	208
XIII. Жестокие игры	217
XIV. Камень	244

XV. Сломанные люди	252
1. Правдивая история Петра Ершова	252
2. Недоразумение	257
3. Прикладное христианство	261
4. Месиво	264
5. Нежданная поездка	267
6. Мухи	270
7. Смещенный центр тяжести	272
XVI. Смешной человек	273
XVII. Дневник сновидений	276
XVIII. Эпилог	300
XIX. В никуда	304
XX. Последнее путешествие Феликса Флеймана	307

*У каждого сновидца свой собственный мир,
У всех же бодрствующих – один общий.
(Аристотель)*

I. Архетип нашего времени

В прокуренных венах опьяневшего города Екатеринбургa есть одно крайне странное место. Говорят, там находят приют только люди, потерявшие всякое ощущение счастья от жизни. Причем найти это место не составит труда – достаточно просто пройти по улице Мамина-Сибиряка, и, перейдя перекресток с улицей Первомайской, завернуть в первую подворотню. Там, среди пестрых рекламных щитов и типичных серых построек каждый зрячий без труда заметит черно-белое пятно – баннер первого и единственного городского джаз клуба.

Не удивляйтесь – здесь не принято встречать гостей. Любому переступившему порог всегда предоставляется право выбора – либо вернуться назад, либо спуститься вниз по подвальной лестнице, практически на самое дно центра города. Пройдя лишённые какой бы то ни было отделки бетонные стены, вы выйдете в темный зал, где вам улыбнется и предложит купить билет человек, царственно восседающий на одиноком стуле. И вот уже когда вам отсчитают сдачу и протянут ее вместе с глянцевым клочком бумаги, вы пойме-

те, что вокруг сидят лишь обыкновенные люди: нищие студенты, влюбленные парочки, друзья местных музыкантов.

Милая девушка-официант проводит вас до маленького столика прямоугольной формы. Тоже улыбнется и предложит меню в виде обрезанной грампластинки. Непомерно завышенные цены за угощения скорее всего удивят, отчего придется заказать самый дешевый в рамках заведения френч-пресс черного чая. Немного погодя свет в зале приглушат, и на узкую сцену выйдет местное трио, чтобы удивить разношерстную публику отменным джем-сейшн. Гармоничные звуки трубы, клавиш и струн несомненно вас поразят, но уже через пять-десять минут после завершения выступления вы признаетесь себе, что ничего толком не понимаете в этой музыке.

Евгения была самой что ни на есть здоровой в психическом и физическом плане девушкой. Решение пойти в джаз клуб в одиночестве было вызвано скорее любопытством, чем потребностью. Особой любви к джазу она не испытывала, да и в принципе музыка редко вызывала у нее сильные чувства. На вопрос, какая музыка нравится больше – она отвечала, как большинство – разная. Грубо говоря, ей было все равно на жанры и группы. Если понравилась песня – запомнит ее и добавит в плей-лист; если не очень – то пропустит ее мимо своего внимания.

Ее выбор пал на понедельник неспроста. Во-первых, это был день выступления резидентов клуба, что лучше всего

подходило для новичков и непросвещенной публики; во-вторых, цена за билеты была самой низкой – всего сто рублей.

– Один билет за столиком, пожалуйста, – сказала Женя, протягивая билетеру пожелтевшие-посеревшую купюру.

– Номер вашей брони? – незамедлительно спросил хозяин одинокого стула.

– Простите?

– Вы оставляли заявку по телефону или на нашем портале?

– Нет. Меня, в принципе, устроит любое место.

Билетер надменно посмотрел на девушку с высоты его обычного стула. Нелепый, с густым топорщащимся пухом на щеках, он чувствовал небывалое превосходство над неосведомленной гостьей.

– Любое место сегодня? В понедельник?

– Ну, да. Что в этом такого?

– Сегодня же джем-сейшн! Все столики уже давно зарезервированы.

– Вы шутите? Какой нормальный человек в понедельник вечером пойдет в паб слушать музыку? – возмущенно произнесла девушка свои мысли вслух.

– Вы же почему-то пришли?

Женя резко осеклась.

– Я не против послушать стоя.

– У нас так не принято. Могу только предложить подо-

ждать. Если кто-нибудь из ожидаемых гостей не появится за пять минут до начала – займете его место.

Женя растерянно посмотрела по сторонам в поисках поддержки. Незнакомый молодой человек, купивший перед Женей последний билет за столиком встретился с девушкой взглядом. От вида полных печали глаз он был вынужден вмешаться:

– Если вы не против моей компании, то могу предложить свой столик.

– Не утруждайте себя так, – вразрез со своими настоящими мыслями произнесла Женя. Она опустила глаза в пол, чтобы сделать вид, что ей совсем неловко.

– Вы мне не мешаете, – невозмутимо продолжал уговаривать незнакомец.

– Если только вы настаиваете, – ответила Женя и перевела хитрый взгляд на билетера.

Подойдя ближе, молодой человек учтиво помог Жене снять пальто, и отнес его в гардероб. От этой любезности девушке стало по-настоящему неловко. Она долго сопротивлялась, но все же дала волю фантазии. Встреча с симпатичным незнакомцем, спасителем, любителем джаза вполне могла закончиться необычным романом, прямо как со страниц сентиментальной остросюжетной прозы.

Женя заинтересованно посмотрела на лицо молодого человека. Острые, точно бы вытесанные топором, скулы придавали его внешности немного грубой мужественности. Ед-

ва заметные завитки русых волос пробивались сквозь приличный слой лака, воска или какого бы-то ни было еще вида средства для укладки. Редкая зеленая радужка принимала ядовитый оттенок от палящих с потолка прожекторов. Неестественным выглядел только разрез глаз – девушке он показался каким-то змеиными.

Следуя за молодым человеком к столику, Женя увлеклась своими мыслями еще сильнее. Посмотрев по сторонам, она обратила внимание, что зал наполовину пуст. Ей стало казаться, что вся эта история с бронями могла быть спланирована еще задолго до ее прихода. Нельзя было исключать, что вежливый незнакомец и приторно улыбающийся кассир в сговоре. А что, вполне рабочая схема: один отстегивает пару внушительных купюр, другой разыгрывает ситуацию со столиками. Затем девушку разводят, и, кто знает, чем все это закончится?..

Однако оснований так думать оказалось ничтожно мало. Стоило им только сесть, как Женя тут же почувствовала совершенную незаинтересованность соседа в ней, как в молодой и привлекательной девушке. Незнакомец дождался свой необоснованно дорогой стакан рома «Бакарди», и, уткнувшись взором в сцену, стал тщательно разглядывать ожидающие своих хозяев инструменты.

От такого непредвиденного поворота событий Женя сильно расстроилась. Но, поймав себя на мысли, что изначально не ставила никакой цели познакомиться или завести случай-

ный роман, она тут же одумалась, и стала спокойно ждать свой маленький чайник пуэра и предстоящее выступление.

Вскоре на сцену вышло горячо встреченное овациями трио. Самым старшим в творческом коллективе выглядел ударник. Его аккуратно уложенные волосы уже покрывала серо-черная седина. В ожидании коллег он стоял величественно и статно. Оголенные закатанными рукавами рубашки руки издали напоминали детально проработанную карту цветного атласа, реки которого были заменены вздутыми бурлящими каналами кровеносных течений. Трубач в контраст был в меру упитан. Он держал свои длинные волосы в хвосте и производил впечатление неугомонного весельчака. Улыбка, превращающая глаза в узкие щели, ни на мгновение не сходила с его испещренного лучами мимических морщин лица. Клавишник же выглядел на фоне своих товарищей самым невзрачным. Долговязый, небритый, серый – он точно бы подчеркивал всем видом свою простоту. Будь его воля, подошел бы к микрофону и объявил бы всему залу, что он обыкновенный человек и не нужно обращать на него внимание.

Наконец слепящий свет прожекторов погас, и зал окутала ритмичная афроамериканская музыка. Женю с первых нот поразило, как по четко выверенной математической формуле пальцы трех пар рук создают невероятно гармоничное по звучанию духово-ударно-клавишное произведение. Казалось, что джазмены играют так, словно живут сегодня в по-

следний раз. За пределами сцены стояла гробовая тишина. Никто не мог и посметь брякнуть чашкой или стаканом.

Любопытства ради Женя перевела взгляд на симпатичного соседа. Тот с закрытыми глазами бесшумно и максимально точно отбивал ритм тонкими пальцами по глянцевой поверхности стола. В унисон рукам он кивал головой, и было видно, какое неземное наслаждение он испытывает от музыки. Подобное наблюдать, да и самой испытывать, девушке еще не приходилось.

Спустя шесть композиций джаз-бенд удалился на получасовой антракт. Впервые за долгое время Жене посчастливилось вновь глотнуть уже остывшей земляной заварки.

– Краем глаза видела, как вы наслаждаетесь выступлением, – дождавшись ухода музыкантов, призналась Женя незнакомцу, – даже как-то завидно, что человек способен так погружаться в музыку.

– Вы наблюдали за мной? – удивленно переспросил молодой человек.

– Не поймите меня неправильно. Я просто пару раз взглянула на вас. Ну, в смысле... Я не странная...

Женя осеклась. На протяжении двадцати двух лет своей жизни она часто совершала необдуманные поступки, за которые потом ей становилось стыдно. Все эти глупые и нелепые фразы и действия она достаточно часто прокручивала в своей голове, ворочаясь на подушке, не в силах уснуть.

– И мысли не было называть вас странной, – сказал и неж-

но улыбнулся незнакомцу, увидев терзания милой девушки. – Иногда я так увлекаюсь музыкой, что перестаю за собой замечать, что делаю.

– Простите меня.

– Страсть как люблю Чета Бейкера, – обходя неловкости ситуации, продолжал незнакомец. – Особенно в исполнении этого трио.

– Это заметно, – начав расслабляться, ответила Женя.

– А кого любите вы?

– Из джазовых исполнителей? Еще пока никого. Я сегодня впервые слушаю джаз.

– Решили открыть новый мир музыки?

– Я не уверена, что ради музыки сюда пришла, – призналась Женя. Незнакомец от этих слов свел брови в удивлении.

– Так зачем же вы пришли?

– На людей посмотреть.

Лицо незнакомца исказилось еще сильнее – он столкнулся с чем-то действительно необъяснимым, странным.

– Почему именно здесь? За людьми наблюдать можно и на улице. Их там больше, и за просмотр платить не надо.

– У каждого свои причуды.

Женя продолжала держаться достойно. В глазах незнакомца стал разгораться интерес к соседке. Он посмотрел на девушку, как на диковинный экспонат музея современного искусства, и наконец спросил:

– Как вас зовут?

– Почему вы спрашиваете именно сейчас?

– Получилось как-то неправильно, что мы не представились раньше.

– Евгения.

– Феликс.

– Достаточно редкое имя, – подметила девушка. – Любопытно узнать, как звучит полностью?

– Феликс Константинович Флейман.

– Красивое сочетание.

– И все-таки, Евгения, зачем вы смотрите на людей?

– Вы давно живете в Екатеринбурге?

– Сколько себя помню.

– Вы когда-нибудь замечали, насколько здесь замкнутые и необщительные люди?

– Мне не с чем сравнивать.

– А я приехала сюда учиться из маленького нефтедобывающего городка, пройти который вдоль и поперек можно за пару часов спокойным шагом. Представляете масштабы? Население – всего шестьдесят тысяч. Все друг друга знают. В магазин идешь – каждый встречный улыбается, здоровается.

– Это что за город такой?

– Когалым. Примерно тысяча триста километров отсюда. Не поверите – там улицы настолько чистые, что можно лежать на асфальте – не замараются. Мусор каждый день убирают. Машин почти нет. Они там и не нужны – до магазина проще пешком дойти. Еще – зимой снег белоснежный, чи-

стый. Некоторые его даже растапливают, чтобы пить. И самое удивительное – там нет ни одного алкоголика. Их всех выселяют, как тунеядцев. А квартиры с аукционов продают.

– И вы променяли такое идеальное место на Екатеринбург?

– Жить там невыносимо скучно. Выходишь вечером на улицу и слоняешься без дела пару часов среди однотипных домов и деревьев. Изо дня в день все те же улицы, лица. Есть правда кинотеатр и торговый комплекс, но они довольно быстро приедаются.

– Когда сюда переехали, стало интересней?

– Екатеринбург оказался еще хуже. Здесь есть все: рестораны, ночные клубы, парки. В каждом районе по два-три торгово-развлекательных центра. Людей миллион. А элементарного человеческого общения – нет. Все куда-то спешат. Как ни вечер, так у всех неотложные дела, личные заботы. Оттого и приходится бродить везде в одиночестве, смотреть на случайных прохожих в надежде заметить себе подобных.

– Может еще слишком мало времени прошло и вы просто не успели ни с кем познакомиться?

– Я живу здесь уже пять лет.

– Одна?

Услышав последний вопрос, Женя напряглась. Вот-вот забытая фантазия о незнакомце, пытающемся развести девушку на одну ночь заиграла в ее голове с новой силой. Но теперь она уже сама хотела острых ощущений, потому реши-

лась рисковать и говорить правду.

– Да, снимаю квартиру в центре.

– В центре?

– У Южного автовокзала. На 8 Марта.

– Похоже у вас хорошая работа, если можете себе ее позволить, – загадочно улыбнувшись, подметил Флейман.

– Мне помогают родители. Они работают в нефтяной компании. Им деньги все равно не на что в Когалыме тратить, поэтому в меня вкладывают.

– Потом пойдете по их стопам?

– Не думаю, что буду полезна в их сфере. Я учусь на философском в УрГУ.

– Бакалавр философии?

– Уже почти магистр. Вас это удивляет?

– Почему же? Дело ваше, где учиться.

– Не спорю, есть и более практичные варианты, но к ним как-то душа не лежала. Я прекрасно понимаю, что от строителя или инженера больше пользы. Те хотя бы дома возводят, телефоны новые придумывают. А мы все о себе говорим. Ну, а так, кто знает – может мои знания больше пользы принесут человечеству, чем новенькая плазма?

– Я сам гуманитарий, поэтому прекрасно вас понимаю. Хотелось внутреннего развития и все такое?

– Так вы тоже студент?

– Переводчик с Физтеха.

– Физтеха?

– Да, с Физтеха в УПИ.

– Разве так бывает?

– Директор института не хочет платить деньги преподавателям английского из ФЭУ, поэтому содержит свою кафедру.

– Технических переводчиков?

– Обыкновенных, но со знанием металлургии и теории вероятности.

– Это любопытно. Удивите меня?

– Чем?

– Например, интересным фактом о металлургии?

– Необычная просьба.

– Не можете?

– Уличные люки делают из чугуна.

– А из английского языка можете?

– Дайте немного подумать.

Переводчик нахмурил брови, уставившись в глянцевую поверхность стола. Понаблюдав за соседом пару секунд, Женя перевела взгляд на черные полотна с иконами джаза на стенах, но, не узнав никого, вернула свое внимание обратно на собеседника.

– Неужели таких нет?

Флейман уязвлено выдохнул из ноздрей и спросил:

– Вам известно, что английское слово dream имеет два значения – «сон» и «мечта»?

– Да бросьте, это же банально.

– Дослушайте, прежде чем делать выводы.

– Просите. Продолжайте.

– Буквально недавно я заметил, что во многих языках, кроме русского, «сон» и «мечта» обозначаются одним словом. В английском, как я уже сказал – это dream, на иврите – halom, японском – уиме.

– Заимствования?

– Если бы. Здесь разная география, непохожие корни, неродные языковые группы.

– Что это, в таком случае?

– Необычный факт мировосприятия человека. Вы только задумайтесь – это же удивительно, как людям пришло в голову придумать те или иные обозначения предметов и явлений. С одной стороны, в именах проглядывается простая человеческая логика, с другой – нечто необъяснимо-божественное. Обывателю может показаться, что понятия «мечты» и «сна» не объединяет ничего общего. Но что-то же побудило разные народы планеты обобщить эти явления? Сны видят все люди без исключения. Только не все их осознают. Мечтать тоже присуще всем людям. Однако и это не все осознают. Абстрактность? Сколько не слушай, какие бывают у людей сны и мечты, каждый раз удивляешься, как все у всех одинаково, но в то же время непохоже. Возможно, что вся суть лишь в нереальном месте и времени, в котором они существуют.

Женя вновь погрузилась в свои мысли. Ей было все равно на эти пространные размышления и софистику, но теперь

она абсолютно точно чувствовала уверенность, что у Феликса нет на нее никаких планов. Он случайный сосед, хороший слушатель, но не более того.

– Не совсем английский, но действительно интересный факт. Или предположение, – заключила она.

– Рад, что смог вам угодить, – произнес Феликс и, переведя взгляд на сцену, добавил: – Поразмышляйте как-нибудь на досуге, почему для разных предшествующих народов «сон» и «мечта» схожие по своей сути понятия.

– Считаете, оно того стоит?

– Размышлять – лучший способ развивать воображение.

– Внутри вас похоже тоже живет философ?

– Поверьте, от этого вам точно хуже не будет.

Колоритное трио вновь вернулось на сцену, настроило инструменты и продолжило играть мелодичный джаз. Женин сосед моментально погрузился в прежнее преднирванное состояние, однако ей самой уже было скучно от этой однообразной музыки. Все ее существо требовало продолжение общения: ей нравилось рассказывать о себе, описывать в красках свое прошлое, а иногда даже слушать необычные истории других. Но Феликса Флеймана интересовали больше дела собственной души, а не привлекательная собеседница.

Тяжело вздохнув, Женя перевела взгляд на пару за соседним столиком. Несколько минут назад официантка принесла им два шкварчащих, сочащихся мясным соусом, переполненных овощами, говядиной и красным луком бургера на

толстых досочках. Лысый бородатый хипстер, одетый в белую рубашку и узкие джинсы на красных подтяжках, изысканно отрезал от блюда маленькие кусочки и медленно, чуть трясущейся в руках вилкой, отправлял их в рот. Девушка же с булкой не церемонилась: держала ее двумя руками и жадно откусывала, мазав выкрашенные тоналкой щеки маслянистой начинкой.

Слева от любителей фастфуда был организован торжественный банкет. Дюжина сытых теток в вычурных блестящих платьях весело праздновала юбилей такой же, как они, толстушки. До антракта они вели себя тихо – молча и неподвижно, словно пришли на классику в филармонию. Теперь же они пили вино и хохотали. Несколько самых незакомплексованных из них, перебрав лишнего, подтянулись к сцене и стали по-цыгански трясти в танце грудью в сторону музыкантов.

Появились какие-то дети. Страшененькая кудрявая девочка в милом платье принцессы, встала по центру зала и начала, как клушка, топтаться на месте. Бойкий мальчишка лет семи, повторяя за сверстницей, поскользнулся и упал плашмя, но тут же вскочил и уже намеренно бросился на пол, словно изначально все так и задумывал.

Тем временем бургерные влюбленные уже закончили поедать свои кулинарные шедевры. Придвинувшись ближе к своему кавалеру, девушка вытянула трубочкой губы, чтобы сойтись с ним в луковом поцелуе. Женя всегда называла этот

процесс «обменом свежестью».

Наблюдать за людьми было ее хобби. Каждый отдельно взятый человек в глазах Жени виделся как персонаж с уникальной судьбой. Имея неутолимую жажду в общении, она часто представляла диалоги, в которых могла участвовать со случайными встречными. Но сейчас она желала узнать поближе именно своего соседа. Его характер, предпочтения, жизненный путь были слишком далеки от понимания. Феликс Флейман, переводчик – это все, что она смогла выудить из их короткого разговора.

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе – по такому принципу экстравертной девушке было проще жить. Если мужчина не делает первый шаг, то за него его совершает женщина, и это нормально. Но ей стоило дожидаться антракта – Флейман явно был не готов отрываться от музыки.

Вдруг Женю стала тревожить мысль, что она сейчас плохо выглядит: размазалась косметика или торчат в разные стороны пряди. Тихо встав, девушка последовала к зеркалу в уборной. Завитые светлые локоны длинных волос аккуратно спадали на плечи и грудь – такая форма укладки сохранилась еще со времен выхода из дома. А вот подводка на глазах уже успела размазаться. Смочив водой бумажное полотенце, Женя принялась вытирать с век смольные полосы. Прекратила играть музыка – это был знак, что пора возвращаться обратно.

Выйдя снова в зал, Женя тут же заметила, что их столик

пуста. Неестественно высокая официантка с большой головой на вытянутой шее, отдаленно напоминающая леденец на палочке, принялась активно собирать посуду со стола.

– Оставьте, пожалуйста, чайник и кружку. Мы еще не уходим, – подойдя ближе, сказала Женя.

– Простите, я думала, что вы уже закончили, – стала извиняться испугавшаяся официантка.

– Мы еще даже не оплатили.

– Молодой человек уже оплатил. Он оставил деньги за оба счета.

Женя непонимающе посмотрела на девушку. Она не сразу поверила, что Феликс Флейман ее бросил по-тихому. Сначала она огляделась по сторонам, затем походила по залу и направилась к гардеробу. Плотная спрессованная толпа возле небольшого закутка с верхней одеждой толкалась, ругалась и проталкивала свои многочисленные бирки. Отыскать молодого человека среди этого хаоса было невозможно, потому Женя просто огорченно выдохнула и вернулась за столик дожидаться, когда все куда-то спешащие люди уйдут по своим невероятно важным делам в преддверии полуночи.

«Такие люди здесь крайне редко встречаются», – промелькнуло напоследок в ее голове, после чего все мысли вновь вернулись к спокойной повседневной действительности.

II. Se omnia

От расправленного дивана в гостиной до письменного стола на балконе было примерно двенадцать шагов взрослого человека. Я медленно преодолевал этот маршрут от начала до конца, возвращаясь снова и снова на исходную точку, ради достижения одной, казалось бы, бессмысленной цели. В очередной раз я коснулся гладкой деревянной поверхности, чтобы взять в руки восемь монеток разных номиналов: от одной копейки до десяти рублей. Каждая из них по-своему уникальна – начиная от размера и веса и заканчивая шероховатостями на ребре. «Главное, не нарушить порядок», – то и дело крутилось в моей голове, – «от меньшей к большей».

Петр открыл глаза. Его голова утонула в мягкой пуховой подушке. С тех пор, как погасли в доме огни, он не размыкал веки и не касался ступнями пола. Восемь монет были выстроены аккуратным рядком вдоль края стола. Их металл давно уже промерз от балконного холода. Тонкие пальцы Петра помнили изгибы и мельчайшие подробности каждого круглого «жетончика», однако это были лишь воспоминания. Настоящий физический контакт являлся плодом его воображения. Хозяин этого странного мыслительного акта доподлинно не мог, да и не пытался, понять существуют ли вообще эти рубли и копейки. Возможно, и их он выдумал.

«Сон ли это?», – спрашивал себя он.

«Нет, не сон».

III. То, что отличает нас от животных

Днем – университет, вечером – книги: такой ритм жизни Женя поддерживала последние несколько лет, пока не вступила в секту. Произошло это как-то случайно. Неподалеку от университетской аллеи с памятником революционеру Свердлову, где по своему обыкновению девушка наблюдала за прохожими, стали появляться подозрительные люди с брошюрами. Сначала Женя старалась не обращать на них внимание, игнорировать их обращения или просто проходить мимо, но совсем скоро незнакомцы стали вести себя агрессивно – подсаживаться рядом на скамейку, а иногда даже преследовать несколько кварталов до трамвайной остановки. Замученная навязчивостью докучателей, Женя даже перестала гулять на всем протяжении Главного проспекта. Так продолжалось целый месяц, пока в один прекрасный день все раздражители бесследно не испарились.

Заметив исчезновение назойливых людей, Женя поспешила вернуться на любимую для наблюдения площадку. Перейдя дорогу, она бодро пошла вдоль голой пост-зимней аллеи в надежде найти свободную скамейку с хорошим обзором на прохожих. Но сесть ей было не суждено – все было забито шумными студентами, местными преподавателями и

отдыхающими от долгой ходьбы стариками. Единственный вариант – не занятое место возле скучающей девушки.

Увидев беспокойно слоняющуюся Женю, незнакомка спокойно указала рукой рядом с собой. Женя кивнула и приняла приглашение.

Во внешности незнакомки было что-то кавказское. Во-лоокая, она была награждена от природы двумя лучистыми солнцами черных ресниц. Нефтяного цвета волосы непослушными потоками выбивались из бежевого берета и стекали ей прямо на плечи. Завершал образ выдающийся прямой нос.

«У нее должно быть глубокий голос», – подумала Женя, краем глаза поглядывая на соседку.

– Здесь раньше стояла лютеранская кирха, – вдруг ни с того ни сего сказала девушка, словно почувствовала любопытство Жени. Ее голос оказался именно таким, каким представляла Женя.

– Простите?

– Говорю, на пересечении Ленина и Красноармейской протестантская церковь была. Большевики ее взорвали. Жалко, – указывая на здание рядом с оперным театром, пояснила незнакомка.

Женя посмотрела еще раз на угловое здание: непримечательный пятиэтажный дом в классическом стиле скучно застыл на своем традиционном месте. Ей стало странно, что кто-то вообще скорбит о зданиях, которых сейчас нет.

– М-мм, не знала.

– Видела старые фотографии: стоит красивое готическое здание с крестом и двумя колокольнями, а вокруг – ничего. Даже дороги нет. Это уже при советской власти трамвайные пути проложили, все асфальтом облагородили. А раньше грязь кругом была и только обозы ходили.

– Не понятно только, зачем нужна на Урале протестантская церковь. Понимаю еще мечеть...

– Вообще лютеранская община здесь появилась вместе с городом. Горные специалисты, инженеры, ремесленники были в основном приезжие – шведы, немцы, голландцы.

«Она из этих, – прошмыгнула мысль в голове Жени, когда она вспомнила тех странных людей с брошюрами. – Что же мне так везет-то со всякими фриками постоянно?».

– А этот театр, – продолжила незнакомка, указывая пальцем на здание в традиционной для русской архитектуры эклектике – открылся только в 1912 году. До него оперу целых сорок лет ставили в кинотеатре «Колизее». Раньше правда это был главный городской театр, где в основном играли сомнительные комедии и водевили. Но оно и не удивительно – большинство актеров на сцене были из крепостных.

– Понятно, – выражая на лице незаинтересованность, ответила и кивнула Женя.

– Вам нравится театр?

– Лично я особой любви к зданиям не питаю.

– Вы меня неправильно поняли. Я спрашивала о спектак-

лях.

– Я на них не хожу.

– Почему, если не секрет?

– Ну, я в пьесах ничего не смыслю.

– Чтобы научиться понимать – не нужно быть гением или профессиональным театралом. Обычному человеку достаточно усвоить, что такое «идея», а смысл уже сам подтянется.

– Можете мне не объяснять, что такое «идея». Я в курсе.

– Тем проще, – ответила девушка и пожала плечами. – Знаете, это как у Достоевского – есть христиане и идеологи. Первым проще, потому что они всё через Библию прогоняют. Даже в жестких триллерах и фильмах ужасов могут библейский смысл найти. А вторые мучаются – под себя все притягивают.

– А большинство – ни те ни другие.

– А вы бы сами к кому себя отнесли? Христианам?

«Начинается», – подумала Женя, прежде чем ответить. В вопросах веры ей было ни жарко ни холодно. Она старалась не отрицать существование Бога, но и думать о Нем тоже особо не пыталась. Главное – считала она – сохранять золотую середину. А «прилипалам» говорить, что верующая, чтобы те сразу отставали. – Да. Я регулярно посещаю церковь.

– Значит, когда вы смотрите фильм или читаете книгу, то все равно оцениваете все через свое мировоззрение?

– Получается, что так.

– Аналогично и с театром. Вам не обязательно знать, какой глубокий смысл вкладывал автор или режиссер. Главное, чтобы происходящее на сцене вас касалось. Или подтверждало какие-то ваши мысли.

– Даже если я понимаю суть, мне все равно не с кем туда ходить. Так что не вижу смысла это обсуждать.

– У вас нет друзей, которые бы пожертвовали вечер ради вас?

– Простите, а с какой целью вы так интересуетесь?

– Я хочу пригласить вас на пьесу.

Женя с удивлением посмотрела на девушку. Ей еще не доводилось получать такие предложения от представительниц женского пола.

– Знаете, мне это не интересно.

– Почему?

– Я же уже говорила, что если бы понимала, что и как там делается, то может быть и пошла.

– Это можно легко устроить.

Девушка достала телефон и стала быстро листать длинный список контактов.

– Меня зовут Лиля. А вас как?

– Ну, Евгения.

– Приятно познакомиться.

Лиля поднесла телефон к уху.

– У вас есть планы на вечер?

– Я собираюсь поехать домой дописывать главу магистер-

ской.

– Научный руководитель ждет?

– Да.

– Какой крайний срок?

– Сегодня до восьми.

– Сейчас только два. Еще успеете.

– Куда вы звоните?

– Секунду, – подняв указательный палец, сказала девушка. – Алло, Сонь, вы еще там? Я сейчас приду с гостьей. Не разбегайтесь... Ага, хорошо. Давай.

– Подождите, я же еще не дала свое согласие. Мне не понятно, что вы собираетесь сделать.

– Хочу показать вам мастерскую «Э.С.Т.».

Женя насторожилась. Произнесенное девушкой название показалось ей незнакомым и слишком странным. Подключив знание латыни, она пришла к выводу, что *est* – это форма третьего лица единственного числа латинского глагола «быть», что можно перевести, как «Он есть» (или другими словами – «Бог есть»). «Мастерская» же – это отсылка к ма-сонским ложам, которые нередко уходили в разные псевдо-религиозные крайности.

– Давайте как-нибудь в другой раз. Я правда спешу.

– Успеете еще отправить. Это не займет много времени.

Лиля встала и медленно пошла к переходу. Женя осталась сидеть на месте.

– Да не бойтесь вы так, я вас не съем, – резко остановилась

и сказала девушка.

– Мне не хочется вас обижать, но я стараюсь не ходить по разным «мастерским».

– Нам можете доверять. Хоть у нас и нет до сих пор своего здания и нам приходится кочевать, но в Екатеринбурге мы уже десять лет.

– Я не местная, поэтому раньше о вас ничего не слышала.

– Оно не удивительно. В последнее время дела у нас идут туго. Местные стали забывать, что мы есть, а за чертой города – о нас ничего не слышали. Хотя раньше «Э.С.Т.» знали и в Перми и в Челябинске. А сегодня гостей буквально приходится уговаривать ходить на наши выступления.

– Это ваши люди ходят здесь с брошюрами и ко всем пристают?

– Я и говорю – у нас не лучшие времена. И в дождь и в холод стоим с листовками. Был бы еще толк от этого.

Лиля вмиг погрузилась. Жене стало как-то неловко продолжать сопротивляться, когда девушка так старается.

– Я только на десять-пятнадцать минут зайду.

– Как скажете, задерживать на дольше вас не стану.

Женя нехотя встала со скамьи и последовала за Лилей. Несмотря на бешено колотящееся сердце в груди, она подсознательно себя успокаивала, что сможет в любую минуту уйти.

– А ваша мастерская далеко отсюда?

– Сейчас мы собираемся в квартире в «Городке чеки-

стов».

– И вы все влазите в обычную квартиру?

– А нас не так уж и много – постоянных всего семь человек. Есть приходяще-уходящие, но они не в счет.

– И вас при этом знают во всех крупных уральских городах?

– Я же говорю – «раньше». Когда-то нас было человек двадцать, но старенькие поуходили, а новенькие не готовы посвящать нашему делу много свободного времени. Да и к тому же мы придирчивы к новым лицам.

– А вы, случайно, не секта?

– Секта? Ну, если за «сектой» понимать закрытую общину, которая открыта только для избранных, тогда – да, – непосредственно, словно в шутку сказала Лиля.

Дико реагирующая на окружающий мир Женина фантазия заиграла новыми красками. Она представила, как в каком-то облезлом сыром подвале ее приковывают цепями к батарее и заставляют брать кредиты под гигантские проценты. Машинально ее рука потянулась в сумку за паспортом, но сакральный для приезжей девушки документ оказался дома, за что оставалось благодарить только судьбу.

– Вы здесь квартиру купили? – вдруг последовал неожиданный вопрос от Лили.

«Почему все так равнодушно к моему жилью?» – негодуя, спросила себя Женя. – Снимаю комнату у одного омовца. Строгий дядька. Если я до десяти домой не возвра-

щаюсь, то сразу начинает меня искать. На телефон названивает. Профессиональная болезнь у него такая – паранойя.

– Вот как? А как же личная жизнь?

Мысли вновь унесли Женю в альтернативную вселенную ее фантазии. Только теперь она стала жертвой какой-то неистовой и аморальной оргии.

– Евгения, вы со мной?

– Да... Просто задумалась о своем молодом человеке. Что-то давно он мне не звонил. Ревнивый жутко. Постоянно проверяет, где я и с кем.

– Везет вам с равнодушными мужчинами.

– И я о том же.

– А мы уже почти пришли.

Лиля показала пальцем на старый пятиэтажный дом недалеко от Окружного дома офицеров. Каменная постройка внешне ничем не отличалась от Жениного дома, разве что внешней отделкой. Ее хрущевка была скрыта от людских глаз, потому стояла вся облупленная и исписанная граффити; эта же выходила прямо на улицу Первомайскую, оттого поддерживалась местными властями в хорошем состоянии для приезжающих в город гостей.

Внутри же дом был такой же, как везде. Одна половина всех стен в зеленой краске, другая – в белой извештке. Там же написанные черным маркером матерные слова и бессмысленные фразы, среди которых интересным был только чей-то крик души: «В. В. Маяковский – жив». А на потолке огарки

запущенных неведомым образом спичек.

– Нам на третий.

Вход в «мастерскую» преграждала сожженная хулиганами железная дверь. Сама Лиля описала это, как вполне естественное для центра явление. Но Женя чувствовала, что подобное совершают не просто так. Заранее настроив себя, что увидит внутри какое-то безумие, она нехотя переступила порог за Лилей и тут же была поражена. Небольшая толпа молодых людей стояла в плотном кольце лицом друг ко другу и издавала дикие животные звуки. Сначала все оскалили зубы и протянули громко «Ы-ыы», затем вытянули губы и прогудели дружно «У-уу» и «О-оо», и в завершении раскрыли рты и прокричали «А-аа».

«Надо уходить», – решила Женя, обливаясь холодным потом, но было уже поздно. Лилия заперла дверь на ключ.

– Чего вы так испугались? – увидев широко раскрытые глаза гости, спросила Лилия.

– Вы чем-то странным тут занимаетесь.

– Станным? Это же обычная разминка артикуляции.

– Зачем?

– Сейчас будет репетиция спектакля.

– Какого еще спектакля?

– «Еще»? Мы в принципе ставим только спектакли.

– Но вы же религиозная община?

– Кто вам такое сказал?

– Вы.

– Я же сказала, что мы – «Э.С.Т.».

– Но вы не объяснили, что такое «Э.С.Т.».

Лиля умиленно рассмеялась, точно бы маленький ребенок сказал ей какую-то глупость.

– Серьезно? Неужели я забыла расшифровать? Простите, «Э.С.Т.» – это «Экспериментальный студенческий театр».

Женя покраснела. В ее голове наконец-то сложился пазл всего разговора с незнакомкой, в котором элемент «секта» вдруг заменился на «театр». От осознания этого ей стало стыдно.

– Выходит, вы кочевой театр?

– Ага. Бродяжный, – ответила с долей сарказма Лиля.

– И никак не связаны с религией?

– Нет, конечно.

– Фуф, это многое меняет.

– Теперь меня тревожит вопрос – куда вы сами шли?

– Я? Один только Бог знает.

– Судя по всему, вы отчаянная авантюристка, – заключила Лиля, и предложила Жене пройти и познакомиться с труппой.

Крайне редко случается, когда человек запоминает все новые имена при первом знакомстве с большой компанией людей. Все эти Маши, Сони и Павлы смешиваются в голове и начинают звучать, как китайские имена из известной скороговорки: «Як, Ципа, Ципа-Дрипа, Як-Цин-Драк». Закончив с официальной частью, одна Ципа-Дрипа повела Женю в го-

стиную и усадила на диван. Появился какой-то Як-Цин-Драк и предложил гостье чай. Тут же возник некий Лимпомпони и стал допытывать ее вопросами, пока не вернулась Лиля и всех не разогнала.

– Простите их за назойливость. Они подумали, что вы новая актриса, – извинилась Лиля, присаживаясь рядом.

– Ничего страшного. Мне нравится быть в центре внимания, – в шутку призналась Женя.

– Сейчас будет прогон сценки. Мы редко кому-нибудь показываем еще сырой материал, но для вас сделаем исключение.

Двое молодых людей принесли пластиковые стаканчики и выделили ими на полу гостиной пределы импровизированной сцены.

– В зависимости от площадки мы отмечаем еще зоны микрофонов.

– А где вы играете, если у вас нет своего здания?

– На улице, – пошутила Лиля. – На самом деле – в музее Эрнста Неизвестного.

– Не слышала о таком.

– Меня это почему-то уже не удивляет.

Лиля произнесла название пьесы и ее автора, но в ушах Жени все вновь прозвучало, как китайский язык.

– Ребята уже готовы, сейчас начнем.

Свет в комнате гасить не стали. Лиля включила на телефоне музыку и двое актеров вышли на середину импровизиро-

ванной сцены. Простые, в повседневной одежде, они ничем не отличались от обыкновенных студентов. Когда к ним присоединилась еще одна девушка, репетиция превратилось в какой-то кавардак: все стали путать и забывать слова, а вскоре так вообще кривляться и шутить.

– Эй, давайте чуть серьезней. Не позорьтесь перед гостьей, – не выдержав всеобщей расслабленности, возмутилась Лиля.

– Да ладно тебе. Как должно быть – она на премьеру увидит, – вступился один из актеров.

– Пусть лучше посмотрит на то, как мы на самом деле готовимся, – поддержал другой.

– Вот так и репетируем, – сказала Лиля, пожав плечами.

– Я правильно поняла, что в вашем театре играют только студенты?

– Да, причем среди них нет никого с актерского, – пояснила Лиля. – Данил, например, юрист, а Соня – физик-ядерщик.

– Мы – просто группа энтузиастов, которые ставят сценки ради самого творческого процесса, – добавила одна из актрис.

– Выходит, что вы этим не зарабатываете?

– Наоборот – мы в это вкладываем все свое время и деньги.

– Короче говоря, это наше хобби.

Женя всегда с завистью смотрела на таких людей. Все ее

увлечения, как правило, быстро прогорали. Причем по одному и тому же сценарию: сначала она с головой погружалась в какую-нибудь новую для нее сферу, полностью отдавала себя ей, а затем резко теряла к ней всякий интерес. Так было с музыкой, фитнесом, бальными танцами. Видя эту большую и веселую компанию, объединенную общим интересом, она вдруг почувствовала, что тоже желает быть в театре, но не ради «творческого процесса», а общеста.

– Допустим, мне захотелось стать участницей вашей труппы – что от меня требуется? – поинтересовалась Женя.

– Ты хочешь играть в нашем театре?

– Ну, я сказала «допустим»...

– Для начала показать, что умеешь. Стихотворение наизусть, танец, миниатюру – что хочешь, – ответила Лиля.

– Наша «мать» особо не придирчива. Если хоть что-нибудь умеешь – значит не бездарность, – добавила одна из девушек.

– Почему снова «мать» -то? – возмущенно переспросила Лиля.

– Потому что ты наша «мать».

– Лиля – наш босс, режиссер и идейный вдохновитель, короче говоря, – пояснила другая девушка.

– А еще мы прощаемся со всеми, кто прогуливает репетиции.

– Да-а, была у нас пара – из трех собраний в неделю прогуливали два. Причем всегда отмазывались, что проспали. В

пять вечера, ага. А потом вообще улетали в Питер за неделю до премьеры. Лиле самой пришлось выйти на сцену – мужика играть.

– Не напоминай.

– А я, кстати, видела их в городе недавно. Они что-то не шибко долго в Питере пожили. Сейчас оба тамадами подрабатывают.

– Удалась театральная карьера.

– Тогда, можно я попробую? – спросила Женя.

– Ты же еще час назад говорила, что ничего не смыслишь в театре, – косо посмотрев на Женю, напомнила Лилия.

– Я открыта для всего нового. Чем глубже погружусь, тем скорее начну понимать.

– Странно, конечно, но дело твое. Куда приходиться – знаешь. Мы здесь собираемся в понедельник, среду и воскресенье.

– Я бы пришла в среду.

– Тогда милости просим с двух до шести.

Женя улыбнулась и перевела взгляд с Лили на настенные часы. Стрелки уже преодолели половину четвертого – до дедлайна оставалось все меньше и меньше времени.

– Мне пора бежать. Приятно было с вами познакомиться.

– Тебя проводить?

– Не стоит. Здесь до остановки рукой подать.

– Что ж, тогда удачи.

– Давай, пока-пока.

– Ага, до свидания.

Женя быстро надела обувь, накинула на себя пальто и пулей выскочила на улицу. Яркое солнце апреля до сих пор нещадно жгло сетчатку. Под ногами мешалась непонятная субстанция из грязи, остатков снега, сигаретных окурков и разносортного мусора. Однако бег продолжался недолго. Жара так разморила Женю, что у нее пропало всякое желание куда-то спешить. Рубашка, став мокрой от пота, прилипла к ее спине, и с каждым порывом, пускай и слабого, ветра по всему телу чувствовался неприятный обжигающий холодок. Ей захотелось немного обсохнуть. Неторопливо дойдя до университета, она свернула в сторону плотинки и медленно пошла по тротуару. Люди, наконец-то дождавшись завершения зимы, стали медленно покидать свои пещеры. Именно сейчас, думала Женя, настало лучшее время, чтобы наблюдать счастливые и беззаботные лица.

Вдруг где-то внутри сильно кольнуло и Женя вспомнила, что ей надо спешить. С новыми силами ускорив шаг, она вмиг достигла брошенную посреди Проспекта Ленина остановку. Просматриваемая на несколько кварталов вдаль, длинная улица бесперспективно пустовала. Только лишь полчаса спустя на горизонте появился единственный заблудившийся «Двадцать третий» трамвай. Его маршрут обыкновенно проходил мимо Северного вокзала, когда как Жене нужно было попасть на Южный. В общем-то подобным ее было не удивить: следующий в неизвестном направлении

транспорт является традиционным в городе Екатеринбурге.

– До ВИЗа. В депо. До ВИЗа, – проорала хрупкая женщина-водитель в громкоговоритель, после чего обернулась и выругалась матом на бабушку, спросившую, едет ли трамвай по маршруту.

«А не послать-ка мне все куда подальше?», – спросила себя Женя и отчаянно запрыгнула в ненужный ей трамвай.

С переездом в Екатеринбург Женя по-настоящему полюбила бесцельные поездки и прогулки. По душе ей был и час дороги от дома до университета, когда перспективы ехать сидя не было совсем. Ведь именно тогда можно было всецело посвятить время своим мыслям.

Начало удивительной истории Жениных размышлений восходит к такой посредственной вещи, как сломанный плеер. Раньше этот простой механизм скрашивал повседневную скуку хозяйки, однако все изменилось, когда наушники перестали блокировать звуки внешней колонки. Причем случилось это в самый неподходящий момент, когда беременный сонными, раздраженными и страдающими людьми трамвай окутала мелодичная и вдохновляющая музыка. «Имей совесть» и «Выруби, дура, не одна едешь», – тут и там посыпалось на невинную девушку с разных сторон. Стыд и негодование от поведения людей нахлынули на Женю с такой силой, что вмиг вызвали отвращение к самому процессу наслаждения музыкой в общественном месте.

Вскоре получилось так, что поломка пошла Жене на поль-

зу. Ведь именно благодаря этому событию она обнаружила безграничный, красочный и совершенный мир внутри себя. Мир намного лучше, чем музыка. Мир именуемый «мыслями». За сотни часов туда и обратно Женя повторила в голове все сцены сохранившегося в памяти прошлого, осмыслила каждый свой странный и сомнительный поступок, переиграла альтернативные варианты развития неудачных событий. А когда ей все это надоело, она начала фантазировать – сочинять и моделировать несуществующие реальности, придумывать истории, представлять сюжеты. В них главной героиней была не Женя; она была в них актрисой главных ролей.

Однако внутри «Двадцать третьего» мысли в голове Жени никак не складывались. Вдруг начало чесаться под ногтями и стало казаться, что она забыла, но почти вспомнила кое-что важное. Пребывая в замешательстве, девушка перевела взгляд с забрызганного грязью окна на полупустой вагон, но и там не было никаких зацепок, а только листовки с рекламой, бегущая строка с глупыми анекдотами, размякший от духоты кондуктор, бабушка, нервозная мамашка с двумя детьми. На общем фоне выделялся только ухоженный молодой человек в трех спинках сидений от нее. Несмотря на богатый выбор мест, он сидел на неудобном, обжигающем солнечными лучами, повернутом ко всем лицом, месте.

«Странный выбор при такой свободе, – подумала Женя, заинтересовавшись молодым человеком. Будучи уверенной, что уже где-то встречалась с ним, она попыталась вспом-

нить, кто он такой. – Может, бывший одноклассник? Хотя это вряд ли. У нас их было всего четверо: Паша, Максим, Миша и еще этот, который свалил на первом курсе в Москву».

Женя не спешила смотреть на пассажира, поскольку еще с детства помнила, что пялиться на людей неприлично. Но любопытство было сильнее принципов и постепенно брало вверх. С первой попытки у нее получилось разглядеть только тонкие и изящные, как у девочки, руки, держащие закрытую книгу Дэвида Стивенсона «1914 – 1918» на английском языке.

«Тогда может одноклассник? – продолжала перебирать она. – Да, конечно... стал бы кто из этих пропащих читать книги, да еще и на английском языке».

Со второго подхода Женя смогла рассмотреть длинную парку и редкую щетину на лице пассажира.

«Может кто-то из театралки, кого я пропустила мимо внимания? – все не унималась она, чувствуя все большее негодование от своей памяти. – Надо бы взглянуть еще раз».

Но третьей попытке случиться было не дано. Молодой человек захлопнул книгу, встал и повернулся лицом к выходу, причем так резко, что Женя совсем не успела его рассмотреть. Для обзора остался только затылок с непослушными волнистыми волосами.

«Да уж, такие волосы возможно уложить только приличным слоем укладки, – заключила Женя, как вдруг ее осени-

ло. – А это случайно не странный парень из джаз-клуба? Переводчик. Ну, конечно же».

После того короткого, да и несодержательного диалога с Феликсом, Женя пребывала в подавленном состоянии еще пару дней. Такая болезнь, как неудовлетворенность от результата общения, присуща многих экстравертам. Девушке было любопытно узнать об этом новом человеке больше; ее гложит недосказанность. Такое чувство можно сравнить с тем, когда читаешь увлекательную книгу, но в силу непредвиденных обстоятельств закрываешь и откладываешь ее, и больше никогда к ней не возвращаешься.

«Я подойду и поздороваюсь с ним, – решила в своих мыслях она. – Но с чего я начну? Привет, помнишь меня? Это я, та ненормальная из джаз-клуба. Ну, бред же... Или так: Феликс Флейман? Какая встреча! Добрый день. Как ваше ничего? Куда направляетесь? Можно с вами?.. Ар-р, еще хуже!».

Пока Женя выбирала фразу, с которой начать разговор, Флейман дождался полной остановки, вышел из транспорта и пошел в сторону «Дворца молодежи». Параллельно с этим Женя обнаружила, что ее объект мысли в очередной раз мистическим образом исчез. Это заставило ее резко вскочить с места и оглядеться вокруг.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка... – громко раздалось в вагоне трамвая.

Женя суматошно побежала к двери, спрыгнула на подножку и вылетела на остановочный комплекс, чуть не сбив

случайно проходящего мимо мужчину. Флейман далеко уйти не успел – он стоял на горящем красным светофоре.

«Я просто подойду и поздороваюсь, – восстанавливая дыхание, заключила в уме Женя. – Остановит меня – будет славно; проигнорирует – черт с ним, пройду мимо».

Вот только мысли Жени несколько разнились с ее поведением. Она, выдержав приличную дистанцию, последовала за Феликсом, точно шпион. Останавливался он – останавливалась и она. Ускорялся он – ускорялась и она.

«Что ты делаешь, Женя? Догони уже его», – говорила она себе, но никак не решалась. Ее сжатые в кулаки пальцы в карманах безудержно дрожали.

Женя, следуя за Феликсом по пятам, перешла дорогу, затем еще одну, и пошла по мокрому тротуару Московской улицы в сторону Челюскинцев. Слева от молодых людей стали проноситься машины и угрожающе разбрызгивать жидкие грязевые лужи. Женя чувствовала, как мелкие влажные точки окропляют капроновые колготки, как становится влажной стелька внутри обуви. Но преодолевая дискомфорт, она все равно продолжала следовать за Флейманом.

«Он же возвращается туда, откуда только что приехал, – заметила Женя, когда с улицы Ельцина они снова завернули на 8 Марта. – Может он пропустил нужную ему остановку и решил пройтись до нее пешком? Но зачем идти такими окольными путями?».

Преследование растянулось практически на половину

улицы 8 Марта: Флейман вернулся на Площадь 1905 года, на которой Женя села в трамвай, прошел станцию метро Геологическая, свернул на улицу Большакова, и затем вышел на Степана Разина. На углу перекрестка, в типичном для русской архитектуры сером здании, расположилась «Европейская пекарня». Туда Флейман и зашел после часового блуждания.

«И это все, ради чего ты мотался по всему центру?» – негодуя, мысленно спросила Женя. Застыв у двери маленькой кафе-пекарни, она не решилась последовать за Феликсом дальше.

В полупрозрачных, заляпанных жирными руками окнах неприметного заведения было видно, как Флейман подошел к кассе и заказал продолговатую булочку со стаканом неведомого напитка. Невозмутимый, весь из себя флегматик, он сел за крайний круглый столик и стал медленно жевать приобретенное лакомство. Продолжая стоять и смотреть на это заторможенное создание, Женя стала переполняться злостью, по большей части на себя, за впустую потраченное время. Ко всему прочему у нее проснулся сильный голод.

«Бог с этим Флейманом. Он все равно меня не вспомнит. Устала. Пойду и просто закажу себе чего-нибудь», – решила Женя и наконец зашла в пекарню. Не обращая внимания на Феликса, она, как ни в чем не бывало, приблизилась к витрине с разными пирожками, ватрушками, денишами и гурманами.

– Добрый день, – обратилась к ней пышущая здоровьем и румянцем кассирша.

– Одну слойку с чаем, пожалуйста.

– Кушаете здесь?

– Да, – ответила Женя, подумав над ответом пару-тройку секунд.

Забрав сдачу и свой заказ, девушка направилась к столикам. Их было всего три – они стояли в одном ровном ряду вдоль окна. В таком тесном помещении пройти мимо Флеймана было практически невозможно. Нацелив свой взгляд на самое дальнее от ее знакомого места, Женя попыталась проскользнуть незамеченной, но тут же получила слова прямо в спину:

– Добрый день.

Женя вздрогнула, чуть не выронив поднос из рук. Выдержав паузу, она повернулась и посмотрела Флейману прямо на лоб, чтобы не встречаться с ним глазами.

– Здравствуйте, – срывающимся голосом, ответила она.

– Скажите, зачем вы меня преследуете?

Лицо девушки вспыхнуло алым.

– В каком смысле? Я вас не понимаю.

– Вы шли за мной от «Дворца молодежи».

– С какой стати я должна была следовать за вами?

– Это я хотел у вас узнать.

– По вашему я не могу просто прогуливаться по центру? – выражая уязвленность, спросила Женя.

– Можете, но не по кривому маршруту, которым я вас водил.

Признание Флеймана сбило Женю с толку. Стыд и осознание собственной несуразности сдавили ей горло словно аркан, отчего потерялись все слова.

– Почему вы молчите? – продолжал допытываться молодой человек.

– А что я вам скажу?

Флейман резко выдохнул из ноздрей – сдержал смешок.

– Я вас узнал, Евгения.

– Я вас тоже.

– Помните, в ту нашу встречу я отрицал, что вы странная? Так вот, я беру свои слова обратно – вы самая странная девушка из всех, что я встречал.

Слова Феликса показались Жене достаточно грубым. Выразив на лице безразличие ко всему услышанному, она гордо пошла к столику, за который собиралась сесть.

– Да ладно вам, не обижайтесь. Я шучу, по-доброму, – произнес Флейман, вскочив со стула и нежно схватив Женю за плечо.

– Не трогайте меня.

Самоуверенно, но в то же время учтиво, он взял Женин поднос и поставил его на свой стол.

– Не уходите, я хочу кое-что спросить.

Сердитая, она молча на него посмотрела. По глазам молодого человека было видно, что он действительно нуждается

в разговоре. Только поэтому, смягчив сердце, она приняла его приглашение и села напротив.

– Ну, и что же? Хотите узнать, насколько удачно вышел фокус с исчезновением?

– Это было недоразумение. Мне нужно было срочно уйти. Я собирался с вами попрощаться, но вас не оказалось рядом.

– Можете не оправдываться – мне все равно.

– А у вас настоящий талант.

– В чем?

– Еще пару минут назад я злился на вас за преследование, но сейчас чувствую свою вину.

– Повторяю – я вас не преследовала.

– Пусть будет так. – Флейман сделал глоток кофе. – Насколько помню, вы с философского УрГУ?

– Может обойдемся без «вы»? У нас не такая уж и большая разница в возрасте.

– Как скажешь, – пожал плечами Феликс. – И все-таки?

– Да, с философского.

– Есть такой местный писатель – Арсений Асагунов. Слышал, он работает у вас на кафедре.

– «У вас»?

– «У вас» – философов.

– Он мой научный руководитель.

– Серьезно?

– Да. А что в этом такого?

– Это же живой классик XXI века.

– Ты сам его читал хотя бы?

– Как раз об этом – недавно у него вышла книга «Искусство онтологии». В интернете ее нельзя скачать или купить. В книжных тоже нет. Но она по-любому есть у автора. Вот я и подумал, что ты могла бы мне помочь ее найти.

– Прости, но не могу.

– Я заплачу, сколько скажешь.

– Мне не нужны деньги.

– Что-нибудь съедобное?

– Не нужно.

– Тогда скажи, что ты хочешь?

– Ничего.

– Я даже приеду, куда скажешь – хоть к дому, хоть к универу.

– Не в этом дело. Мне не трудно это сделать безвозмездно. Просто нет желания помогать незнакомому человеку.

Женя и Феликс притихли. Молодой человек сильно потерял висок и перевел взгляд на свое отражение в кружке. Девушка же стала разглядывать бессодержательный пейзаж за окном. Сложившаяся ситуация оказалась неловкой для них обоих.

– Получается, мы будем молчать? – не выдержав тишины, спросила Женя.

– А что ты хочешь услышать?

– То есть даже не попытаешься рассказать о себе?

– А должен?

– Видимо, ты не так уж и хочешь эту книгу.

– Уверен, что в прошлый раз еще все о себе рассказал.

– Даже о самом скучном человеке нельзя рассказать все полностью.

– Сомневаюсь.

– Ты даже не пытался.

Флейман снова уткнулся в стол, чтоб собраться с мыслями. Ловя момент, Женя откусила кусочек соблазняющей своим видом слойки.

– Меня зовут Феликс Флейман, – вновь переведя взгляд на уже испачканное сахарной пудрой лицо девушки, начал перечислять факты о себе молодой человек, – учусь на переводчика. Каждый понедельник хожу на джем-сейшены. Другие выступления пропускаю, так как стипендии и подработки на фрилансе едва ли хватает на еду, съемную квартиру на Сортировке и билеты за сотку. Был бы рад найти нормальную работу, но учеба не позволяет. Уважаю только джаз и классическую литературу, потому что убежден, что все должно проходить испытание временем. Иногда даю шанс современным писателям, но чаще всего в них разочаровываюсь. Это все.

– Как на «отвали» перечислил.

– Уж прости. По-другому не умею.

– О происхождении слов ты как-то живее и красочней рассказывал, чем о себе.

– Не знаю. Не помню ничего такого.

Разочаровавшись в равнодушии собеседника, Женя

невольно захотела немного поглумиться над ним. Будучи убежденной, что Флеймана будет не остановить, начини он размышлять о всякой софистике – она решила спровоцировать его на подобный диалог.

– Слушай, а поделись со мной еще каким-нибудь интересным фактом?

– Я так похож на рассказчика-фактолова?

– Тебе же есть, чем поделиться?

– Думаешь?

– Уверена.

– Ты же сама сказала, что едва ли меня знаешь.

От слов Феликса Женя чуть не фыркнула.

– Давай тогда поступим так: если сможешь поразить меня необычной мыслью – я принесу тебе ту книгу с личной подписью и пожеланием автора. Безвозмездно.

– Ты шутишь?

– Я серьезно.

Молодой человек томно посмотрел на Женю. Казалось, что он хочет сказать, что видит ее насквозь, но по неведомой причине дает девушке право так себя вести.

– Я попробую.

Флейман ушел в свои мысли. Наблюдая за молодым человеком, Женя впервые заметила, насколько привлекательным становится его лицо, когда он сосредоточен и серьезен.

– Как насчет такого: в природе почти не существуют идеальные геометрические фигуры.

– Да ну?

– Лично я смогу назвать только две. Попробуешь больше?

– Апельсин – это раз.

– Он пористый и теряет форму на стыке с веткой.

– Пятна гепарда.

– Ты их давно видела? Они не такие уж и ровные у него.

– Хорошо, тогда Луна.

– С ее кратерами?

– Солнце?

– Тоже.

Варианты Жени неожиданно закончились. Она отвернулась к окну в надежде найти там хотя бы маленькую подсказку. Дома и билборды были практически правильные по своей форме, но оставались творениями человека. А лужи, камни, деревья, листья казались слишком неровными.

– Точно! Зрачки человека – круглой формы, – вдруг осенило Женю.

– Одна идеальная фигура в человеческом теле. И все. Представляешь?

– К чему ты клонишь?

– Все эти кубы, пирамиды, параллелепипеды раньше вообще не существовали. Их придумали люди.

Женя по-настоящему загрузилась. Она еще раз попыталась вспомнить хотя бы одну гору, лист, дерево или рисунок на теле животного, чтобы опровергнуть слова Флеймана, но все было безуспешно.

– Ладно, может быть ты и прав.

– Тебя не тревожит вопрос, почему так?

– А ты знаешь ответ?

– Нет, но могу предположить.

– Ну, предположи.

– Если Бог действительно есть и Он создавал нас по своему образу и подобию, то от Себя Он вложил в человека именно желание творить и создавать что-то новое. В том, что люди создали идеальные геометрические фигуры, я вижу отголоски этого дара.

– Так ты верующий?

– Я верю в свои идеи.

– И они не отрицают существование Бога?

– Бога, души и всего остального, что не поддается рациональному объяснению.

– Но при этом ты не христианин?

– Нет.

– Агностик?

– В том числе.

«Становится интереснее», – промелькнула мысль в Жениной голове.

– Тебе не кажется, что в этом есть какой-то парадокс?

– В чем?

– Что человек много веков стремится к совершенству, пытается воплотить абсолютное в искусстве, архитектуре, более того в обыденной жизни, а идеальное оказывается даже

ближе, чем под носом. Прямо в глазнице.

– Не думала об этом раньше.

– А еще больший парадокс в том, что без наличия глаз весь наш разговор был бы лишен смысла. Геометрия, идеальные формы – какое они имеют значение, если мы ничего не видим? Я не ошибусь, если скажу, что наличие глаз подарило человеку возможность воображать.

– Если следовать твоей логике, то слепые от рождения люди лишены фантазии.

– Не фантазии, а воображения.

– Разве есть какая-то разница?

– Воображать – это способность мысленно восстанавливать в памяти увиденные ранее образы.

– А фантазировать?

– Способность создавать в уме то, что в действительности не существует.

– Слишком сложно.

– Ладно, представь, что ты никогда не видела жирафа. Ты не знаешь, что слово «жираф» означает, но тебе дали подсказку, что это животное. И ты начинаешь представлять некую невиданную зверушку, которая даже близко не похожа на жирафа. Она – твоя фантазия. Воображение предполагает, что ты уже однажды видела жирафа, и сможешь восстановить его образ у себя в голове. И чем чаще ты встречаешь жирафов, на картинах, фотографиях, в статуэтках, тем шире твое воображение. Если услышать слово «жираф» уже

после сотой встречи с этим животным, то в мыслях возникнет не тот жираф, которого видел каждый человек на планете, а твой собственный. Жираф, которого ты мысленно создала. А без глаз как раз невозможно составить в голове конкретный четкий образ.

– Кажется, я уже перестала улавливать ход твоих мыслей. Как мы вообще от геометрии пришли к воображению?

– Остановимся на этом?

– Постой. А какой вывод получается из всего этого?

– Фантазия и воображение – это два уникальных дара, которые отличают нас от животных. Они не стремятся придумать или создать то, чего никогда не было.

«Что, прости?» – непонимающе спросила про себя Женя.

Феликс встал, протянул руку Жене и добавил:

– Ваше копыто.

Прослушав последнюю фразу, Женя машинально потянула хрупкую девичью кисть. Молодой человек коснулся ее, но не поцеловал.

– Прощай, Женя. Ты мечта любого занудного рассказчика.

Тут Женя резко опомнилась, покраснела и повернулась на стуле к уже уходящему собеседнику.

– Я принесу тебе книгу.

– Мне это уже не интересно, – коротко ответил Флейман и продолжил идти к выходу.

Женя проводила Флеймана взглядом до самой двери. В

широком окне молодой человек не появился – видимо, пошел в противоположную сторону.

«Странный все-таки человек.», – заключила она и продолжила наслаждаться уже слегка подсохшей слойкой и совершенно остывшим чаем. Пока вновь не вспомнила о магистерской.

IV. Обыкновенная трагедия

Взмах длинных ресниц. Ослепительное, как от сварки, свечение опускающегося на город циркуляркой солнечного круга на какое-то мгновение лишило Женю способности видеть. В густой белой дымке за окном угадывалась только идеально ровная коробка здания напротив.

– Прямо-таки идеально? – подметила Женя, тяжело поднимаясь с кровати.

Дом словно был лишен жизни. Тени, выпрыгнувшие из неведомого мрака, бесшумно танцевали на досках старого скрипучего паркета. К свету тянулась только пыль.

Шаркая по полу, Женя подошла к зеркалу. Волосы от долговременного пребывания на подушке топорщились в разные стороны – такой проблемы она не знала, когда волосы были настолько длинные, что доставали до талии. Несмотря на это, новый образ ее вполне устраивал: боб-каре с удлиненными боковыми прядями «на ножке» преобразовало ее лицо с милостивыми девичьими чертами, которые, по неведомым самой Жене причинам, ей хотелось скрыть или сделать более грубыми. Помимо волос Женю устраивали еще уши: сверху чуть заостренные и снизу с большой мочкой, они казались настоящим произведением искусства. Глаза, обыкновенные-голубые, девушку совсем не впечатляли – такие были у многих из ее окружения.

«Совершенных людей не бывает, – подумала Женя, глядя на свое отражение. – Насколько несовершенны люди я сужу, в первую очередь, по себе».

Женя посмотрела на часы – была пора собираться. Арсений Юрьевич Асагумов вел пары в УрГУ всего один раз в неделю по средам, причем не по финансовой нужде, а по старой преподавательской привычке. В другое время пребывающего в постоянных разъездах писателя выловить было невозможно. Выходило так, что если Женя опоздает сегодня, то до следующей встречи придется ждать, в лучшем случае, семь дней.

Наспех надев драные джинсы, футболку с логотипом NASA и косуху, она выскочила на улицу. Краситься ей не пришлось – спала она в косметике, придя уставшая после полуденных пар. Ускоряя шаг, порой переводя его на бег, она перебирала в своей голове варианты отмазок, почему не отправила магистерскую. Среди них были и стандартные, и печальные, и фантастические, но не нашлось хотя бы одной, в которую бы поверил Арсений Юрьевич.

Она влюбилась в него еще на первом курсе. В тот же год она сильно в нем разочаровалась. И такое отношение к знаменитому писателю было у многих. Высокий, статный, крупный, как медведь – он выглядел на сорок в свои шестьдесят пять. Отчасти он напоминал Маяковского, особенно своими грубыми чертами лица и коротковыбритой головой. Но, боже, как же он любил все время лить воду. Его лекции увле-

кали своей свежестью и дерзостью, и в то же время оставляли ощущение бесполезности и пустоты. Онтология – была и оставалась основой его мировоззрения и всех трудов. Однако, какой был в ней смысл – не знал никто, включая самого Асагумова.

Но несмотря на свое неоднозначное отношение к Арсению Юрьевичу, Женя почему-то выбрала именно его своим научным руководителем на втором курсе. Тогда единственно верным философским течением ей виделся экзистенциализм. Она верила, что красная революция беспощадно истребила нашу, русскую, философию, которую полвека кропотливо ткали Толстой и Достоевский, а затем оформляли Бердяев и Шестов. В ее глазах Хайдеггер, Сартр и Камю были лишь раздражителями – ведь никто из них не смог собрать и организовать экзистенциализм в целостное учение. Только поэтому Женя считала, что эта задача все еще лежала на плечах русского человека.

– Я хочу написать курсовую об экзистенциализме как исконно русском философском течении, – сказала Женя Арсению Юрьевичу во время их первой встречи на кафедре.

– Постой, о чем ты собираешься написать?

– О том, что Толстой и Достоевский – это первые экзистенциалисты.

– Это же полная херня, – отрезал Асагумов и затянулся сигаретой.

Тогда Женя считала эту реакцию Арсения Юрьевича

оскорбительной. Но уже через год она стала придерживаться такого же мнения.

– Почему сразу... фигня? Я читала, что в «После Бала» есть первая зарисовка «экзистенциальной тошноты». И в «Бесах» доведенный до абсурда философ-самоубийца Кириллов...

– Я не утверждал, что этого нет.

– Почему тогда?

– До тебя все кому не лень об этом писали.

– Так, чтобы исчерпывающе – не писали. Было бы полезно собрать все наблюдения вместе.

– Тебя Таней зовут, да?

– Женей.

– Скажи, Женя, зачем ты на философию поступала?

– Ну, она мне нравится.

– Ты же совсем не смыслишь, зачем писать научную работу.

– Кто бы нас еще научил, как правильно писать.

– Я не утверждаю, что ты бездарна или бесполезно трастишь свое время на философском. Хотя и не без последнего. Просто хочу навести тебя на мысль, что ты можешь написать, о чем-нибудь более новом и полезном.

– По-вашему, я должна всякие сомнительные теории рассматривать?

– Во-первых, давай сразу перейдем на «ты», – настоял Асагунов (позднее эта фишка с переходом на неформаль-

ное обращение так понравилась Жене, что она сама стала ей пользоваться). – Во-вторых, почему сразу «сомнительные теории»? Осмысли и зафиксируй какой-нибудь проблемный вопрос, которым до тебя не занимались.

– Например?

Женин вопрос застал мужчину врасплох. В надежде отыскать зацепку на своем столе, он перевел взгляд на «вавилонскую» башню из книг, среди которых только одна не принадлежала его авторству: массивное собрание дневниковых записей известного советского режиссера – Андрея Тарковского. Открыв издание на случайной странице, писатель скользнул взглядом по одной фразе и тут же задумался.

– «Трагедия одиночества художника и его плата за постижение истины», – зачитал Асагунов вслух.

– Это новый проблемный вопрос?

Поняв, что студентка права, Асагунов вновь полез в «Мартиролог» Тарковского. Полистав еще несколько страниц в начале, середине и конце книги, он свел от напряжения брови и вздохнул от отчаянья. Сигарета, обволакивающая кафедру густым дымом, почти что дотлела в пожелтевших волосатых руках ученого. В очередной раз бросив уже лишенный всякой веры взгляд на книгу, Арсений Юрьевич наконец-то увидел мысль, которую так жаждал найти.

– Назовем твою тему – феномен русского степничества.

«Серьезно? Просто полистал первую же подвернувшуюся книгу и определил случайной фразой мою курсовую?», – пе-

реполненная негодования спросила про себя Женя.

– Как тебе?

– У меня нет представления, что такое «степничество».

Мы это еще не проходили.

– Вы и не будете проходить.

– Тогда объясните мне сейчас.

– Это, другими словами – особое русское отношение к невозможности преодолеть в себе человеческое в стремлении к духовности, – сказал Асагунов словами из книги. – Это тебе как раз все сумасшедшие дядьки, которых ты так любишь: и Иван Карамазов, и Отец Сергей, и может даже сам Толстой.

– Я не уверена, что мне эта тема будет интересна. Я бы лучше вернулась к экзистенциализму.

– Ты просто бери и пиши. Интерес к тебе сам придет, позже.

Женя притихла, пытаясь придумать, как убедить Асагунова не писать на такую сомнительную тему. Однако довлеющий взгляд мужчины оказался настолько тягостным, что она сразу же сломалась.

– Ладно, скажите... то есть «скажи», кто основоположник, я поищу в библиотеке.

– Его нет, – посмеялся Асагунов зажег еще одну сигарету.

– Где упоминается тогда?

– Пока нигде.

– Так может никакого феномена и нет?

– Может есть, может нет, – ответил и пожал плечами Асагумов.

– Это шутка такая?

– Это предположение. Я более чем уверен, что такой феномен существует не только в художественной литературе. Но даже если результат будет отрицательный – это все равно результат. Если что, в заключении так и напишем.

– Я даже не представляю, как приду к отрицательному выводу.

– Посмотри сначала Дмитрия Сергеевича Мережковского. Он не писал о «степничестве», но его «диалектика души» идейно очень похожа.

– Как, еще раз?

– Мережковский. Он писал о естественном свойстве человеческой души совмещать в себе два противоположных начала: положительное и отрицательное. Это отражено и в самом слове – диалектика – искусство спорить. Если разбираешься в христианстве, то там это называется по-другому – «Адамовым грехом». Это такая метафорическая притча о том, как люди получили знание о добре и зле, но не смогли от него избавиться, даже когда пришел Мессия. Дескать, человек рождается и умирает с этим знанием. И не важно, насколько святую и праведную жизнь он ведет – мысли о чем-то плохом или грязном будут всегда всплывать в голове. Отсюда и главная задача любого верующего – как можно сильнее склонить одну чашу весов. При этом избавиться от вто-

рой полностью – невозможно.

– А причем здесь «степничество»? – спросила Женя, мысленно закатив глаза на очередной литье воды Асагумова.

– Обычный человек не задумывается о том, что его душа амбивалентна. И это нормально. Самой природой обусловлено, что люди обманывают, завидуют, злятся и так далее. Благо есть мораль, этика и другие прелести цивилизации. Но время от времени появляются люди, которые становятся исключением из правил. Они начинают рыться в своей душе и чем глубже копают, тем большие страдания получают. Такие индивиды чаще всего пускаются во все тяжкие: подаются в христианство, буддизм, ислам или ищут правду во всевозможных философских веяниях. Но нередко они уходят в отшельничество или в нашем случае «степничество».

– Ты имеешь в виду аскетичных монахов?

– Я говорю сейчас о людях, которые живут среди нас. Они, как и мы, заселяют высотки, ходят в магазины, театры, встречаются на улице, и по внешнему виду обычные, но с окружением стараются не взаимодействовать.

– То есть ты предлагаешь изучить страдающих от одиночества людей?

– Не страдающих, а вполне здоровых в своем одиночестве. Таких, которые уединяются, потому что другие мешают им познавать себя.

– Не уверена, что такие есть.

– Узнаем, когда напишешь.

Но ни к концу третьего курса, ни к защите диплома узнать было не суждено. Так называемые «степные» обитали лишь на просторах книжек и не выходили за границы художественного мира. Из-за этого тема «русского степничества» стала постепенно обрывать новыми смыслами, пока не скатилась в «проблему Святого Антония», основателя отшельнического монашества. И даже сейчас, спустя четыре года, этот научный труд скорее складывался как элементы пазлов из разных коробок – фрагменты вроде подходят, а картинка все равно не сходится.

Женя посмотрела на часы и вмиг вернулась из воспоминаний в реальность – до конца пары оставалось меньше десяти минут. Благо университет был уже на горизонте. Быстро добежав до огромной, вдвое превышающей ее рост, двери, Женя юрко проскочила в оставшуюся от выходившего пару секунд назад студента щель, затем также ловко прошмыгнула мимо поста охраны без предъявления студенческого и остановилась в ступоре у главной лестницы. Ее магия заключалась в том, что если подняться по ней на третий этаж, то отделение философии окажется слева, а филологии – справа, но если вдруг захочется пойти по боковым лестницам, то будет все наоборот: философия справа, а филология слева. Этот факт всегда сложно вспомнить, когда стоит выбор конкретного крыла. Проблема Жени же заключалась в том, что Арсений Юрьевич выбирал исключительно боковой выход, поскольку он находился ближе к его кафедре, а это значило,

что пойдешь девушка не правильно – она могла с ним разми- нуться.

Однако удача сегодня благоволила Жене – выбрав кры- ло наугад, она чудом вышла прямо к нужной ей кафедре. Подойдя ближе к двери, она заглянула в замочную скважи- ну: там небольшая группа студентов уже стояла и собирала вещи. Асагунов еще успевал напоследок раздавать свои пу- стые напутствия. Слушая этот грубый высокий голос, девуш- ка вспомнила, каким бывает Асагунов, когда он зол: орет, го- ворит гадости, размахивает руками. От этих мыслей ей стало не по себе и она попятилась назад.

«Вот я дура – поперлась с пустыми руками, – подумала она. – И ради чего? Какой-то книги?».

Вдруг распахнулась дверь и из кабинета хлынул поток за- мученных студентов.

«Черт, надо бежать», – решила Женя, но было уже поздно – Арсений Юрьевич ее заметил.

– Женя, сука-родина, где магистерская? – в своей есте- ственной манере гаркнул на весь коридор Асагунов.

– Прости, я не принесла сегодня.

– Ее рецензент уже ждет. Долго еще тянуть собираешься?

– Мне буквально пару абзацев осталось дописать, – отводя глаза в сторону, соврала Женя.

– То же самое ты говорила месяц назад.

– На следующей неделе уже точно – я обещаю.

Сдерживая ком в горле от эмоционального всплеска, Же-

ня развернулась и уж было хотела пойти, когда ее догнал Асагумов и нежно погладил по талии.

– Ты что, обиделась? – сменив строгий взгляд на нежный, спросил Арсений Юрьевич. Он не любил кричать на девушек, которым симпатизировал, потому всегда сразу извинялся, если перегибал палку.

– С чего бы это?

– По лицу вижу.

– Тебе показалось.

– Пойдем покурим.

Асагумов всегда водил девушек подымить только в одно укромное место – мужской туалет. Несмотря на запрет ректора, на курение писателя на кафедре и в уборной все закрывали глаза. Даже студент, замеченный с сигаретой в руках в компании Арсения Юрьевича получал неприкосновенность, что, конечно же, не поддавалось никакой логике. Смущало это действие разве что мальчиков-первокурсников, и то только первые месяцы.

– Давай начистоту. Куда ты ходила вместо работы над магистерской? – вышагивая по коридору в обнимку с любимой студенткой, спросил Асагумов.

– В мастерскую театра. Смотрела на репетицию, – честно призналась Женя. За последний год Арсений Юрьевич стал единственным близким человеком девушки во всем городе, поэтому ему она всегда говорила правду. Порой он действительно заменял ей отца. Бывало привозил ей домой лекар-

ства, когда она сильно болела или подвозил до университета в холодную погоду. Но все же смотрел он на нее далеко не отцовским взглядом.

– Актрисой хочешь стать?

– Может быть.

– Что ж, уверен, что у тебя все получится. Только на учебу не забывай. У меня на тебя большие планы.

– Это какие?

– Во-первых, опубликовать твою работу в местном альманахе. Во-вторых, взять тебя с собой на недельную конференцию в Москву.

– Знаешь, Сень, я сомневаюсь, что смогу позволить себе перелет и проживание в столице, пускай и неделю. А у родителей как-то стыдно выпрашивать деньги. Они и так меня обеспечивают.

– Тебе не надо будет ни за что платить. Я сниму нам номер в гостинице на двоих.

Женя прекрасно понимала, к чему ведет эта поездка, поэтому всячески пыталась ее избежать.

– Мне нужно будет в эти числа уехать к родителям.

– Москва, Женя. Это важно для твоей будущей карьеры.

– Я знаю.

Когда Женя и Арсений Юрьевич подошли к мужскому туалету, их чуть не сшиб дверью второкурсник-стиляга. Одет он был по самой последней моде: в спортивное трико, заправленное в белые носки (при таком сочетании вся одежда

выше торта уже не заслуживает никакого внимания). Стрижка тоже не отставала от современных трендов – коротко выбритые виски резко переходили в длинную копну волос на макушке, собранную в самурайский хвостик.

– Прошу прощения, – извинился студент, обходя преподавателя.

– Это что за хер румяный? – провожая молодого человека взглядом, спросил Асагунов.

– Сеня, он нормальный парень.

– Нормальный? Почему тогда как педик ряженный?

– Он хипстер, скорее всего. Это субкультура такая.

Арсений Юрьевич достал из кармана пачку и вытянул две сигареты – себе и студентке. Сама Женя была против курения, но отказать Асагунову не могла – это была своего рода традиция еще со второго курса. Для нее еженедельная порция никотина в легких была лишь символической платой за дружбу с писателем.

– Бред. Не существует такого понятия, как «субкультура». Это все равно, что говорить – есть люди и полулюди. – Асагунов затаился и выпустил клубок дыма. – Вот процесс курения – это самая что ни на есть культура.

– Как и картошка – тоже культура.

– Диаметр советских папирос был семь-шестьдесят два, – словно прослушав колкое замечание Жени, подметил Асагунов. – Чтобы в случае чего можно было быстро перевести производство на выпуск патронов.

– Слушай, Сень, а ты не подпишешь мне книгу? – доставая из сумки ручку и экземпляр «Искусства онтологии», спросила Женя.

– Давай сюда, – оставив сигарету в зубах, сказал Асагумов и потянулся за экземпляром собственного творения.

– А можно с личным обращением?

– Любимой Женечке от Арсения?

– Не мне.

– А кому? – спросил Арсений Юрьевич и с любопытством посмотрел в глаза девушке.

– Знакомому.

– У тебя стали появляться знакомые?

– Отстань. Напиши просто: «Феликсу Флейману от Арсения Юрьевича, дружески».

– Феликс Флейман? Так зовут твоего нового парня?

– Он мне не парень. Я же сказала, что так, знакомый. Твой фанат, между прочим.

Асагумов ухмыльнулся и стал коряво выводить на форзаце продиктованную Женей фразу.

– Что краснеешь тогда?

– Хочу и краснею.

– Ты влюбилась, что ли? – наклонившись почти вплотную к пылающему лицу Жени, спросил писатель.

– Не смешно уже.

– Я не сторонник того, чтобы лезть в твою личную жизнь с советами, но: будь горда – не влюбляйся. Уважающая себя

девушка влюбляет в себя, но сама никогда не унижается до такого дурацкого чувства.

– Видимо, по этой же причине у тебя самого никакого нет, – саркастично подчеркнула Женя.

– Я тебя предупредил. Дальше будет только хуже.

– Ладно-ладно. Мне пора идти.

– Магистерскую писать?

– В театральную труппу поступать.

Асагумов оскорбился, но из любви к Жене только рассмеялся, словно она произнесла хорошую шутку.

– Жду готовую работу сегодня, до конца дня. Поняла?

– Поняла, – ответила девушка и грустная вышла из уборной.

Арсений Юрьевич все неправильно понял – Женя просила подписать книгу не потому, что влюбилась и хотела угодить едва ли знакомому ей парню, а просто из принципа, что она должна выполнить обещанное. Подсознательно может она и мечтала о продолжении общения с Флейманом, но не более того. Хотя и влюбиться скуки ради было бы неплохо.

Восстановив в памяти прошлонедельный маршрут, Женя медленно зашагала в сторону мастерской. Спешить девушке не хотелось – не по причине хорошей погоды, а в силу боязни, что ее выступление не понравится труппе. Единственное, что она смогла подготовить за несколько дней – это короткую хореографическую зарисовку, разученную еще в по-

ру школьного увлечения бальными танцами.

Стоя на светофоре, Женя заметила знакомое лицо на противоположной стороне дороги. Это была маленькая рыженькая девушка из студенческого театра. Ее короткие, подстриженные в каре, волосы небрежно топорщились в разные стороны. Из покрасневшихся глаз под круглой оправой очков неудержимо текли слезы. Слишком жаркий для весны пуховик с пышной расклешенной юбкой был весь забрызган грязью, а ниже подола виднелись разбитые в кровь колени.

«Упала, наверно, – собрав воедино картинку, подумала Женя. – Еще и плачет... Черт, а я даже не помню ее имени».

Загорелся зеленый сигнал светофора. Продолжая заливаться слезами, девушка так быстро проскочила мимо Жени, что та даже не успела никак отреагировать.

«Может догнать ее?» – промелькнула мысль в голове Жени, когда она уже пересекла по щиколотку затопленную дорогу и достигла противоположного берега тротуара. Зеленый тут же сменился красным, и расстояние между девушками стало сильно увеличиваться.

* * *

– Сейчас встретила на светофоре рыжую девушку из вашей труппы. Кажется, она была вся в слезах, – сообщила Женя Лиле тут же с порога.

– Соню? Не обращай на это внимание, – вздохнув, ответила руководитель труппы.

– Просто...

– Мы уже несколько месяцев эти сцены наблюдаем. Надоела уже. Лучше бы во время спектаклей так выкладывалась.

– Может у нее что-то серьезное случилось?

– Да кого там. Она от неразделенной любви страдает, к Петру.

– А Петр это?..

– Видишь того крупного, бородатого на диване? Это Петя. Приятно познакомиться.

– Точно.

– Он новенький, пришел к нам этой зимой. Соня на него сразу глаз положила. Я, конечно, понимаю, что красивый и все такое, но у него девушка вообще-то есть.

– В театре драма не только на сцене?

– Типа того. Хотя в чем-то он сам виноват – имел неосторожность как-то двояко ответить на ее признание. Оставил надежду. Вот сейчас и получает.

– Прискорбно.

– Ладно, не будем сплетничать. Ты проходи, садись на диван. Я принесу чаю.

В самой комнате сидело трое: собственно Петр, кудрявый парень в очках и девушка, кажется назвавшая себя в прошлый раз Кристиной. Молодые люди были явно настроены друг к другу враждебно – обменивались взаимными обвинениями и оскорблениями. Пришедшая уже к кульминации, Женя не поняла суть конфликта, но абсолютно точно догадалась, что он разгорелся после ухода Сони.

– ... нахрена ты назвал ее «больной тварью»?

– А какое она право имела рыться в моем телефоне и читать переписку?

– Блин, да ты сам ей его дал.

– С чего ради?

– Таких ублюдков, как ты, вставляет унижение людей.

– Слишком много болтаешь, гад.

– За своим языком следи лучше.

– Эй, прекратили там быстро, – возмутилась Лиля, гневно крикнув прямо из кухни. – Соня сама во всем виновата. Ведет себя как блаженная.

– И ты, Лиля, его защищаешь? Да пошли вы, – психанул кудрявый парень и ушел в коридор.

– Дима, вернись, пожалуйста, – произнесла Кристина и отправилась следом за молодым человеком. Громко хлопнула входная дверь.

– Всем привет, как бы, – иронично поздоровалась Женя, когда в комнате никого не осталось, кроме Петра.

– Привет, – грустно ответил молодой человек, стыдливо отводя глаза в сторону окна. – Прости, что тебе пришлось это наблюдать.

– Ничего страшного. Я же в мастерской театра все-таки – была готова увидеть накал страстей.

– А ты?..

– Женя. Я приходила на прошлой неделе.

– Женя, значит? Кажется, припоминаю.

Женин собеседник словно хотел что-то еще добавить, но перегорел на полуслове и притих. На вид ему было не больше двадцати пяти, но, как оказалось позже, его возраст уже перевалил за тридцать. Это было незаметно, особенно из-за глаз – таких лишних, слишком добрых и наивных. В целом и нельзя было сказать, что он похож на актера. Скорее на лесника с горой мышц и пышной бородой.

«Если сбрить бороду – за ней окажется малышок, – подумала Женя, злорадно смеясь про себя. – Такая детина с телом мужика».

– Ты чья-то подруга, поэтому сюда ходишь? – вдруг снова заговорил Петр.

– По правде сказать, я хотела вступить в вашу труппу.

– Даже так? – Петр выдержал паузу, точно бы надеялся услышать более развернутый ответ от Жени, но так его и не дождался. – А тебе оно точно нужно?

– Почему нет?

– Театр требует много жертв. Для начала – все свободное время. Поймешь это в первое же воскресенье, когда захочешь завершить все домашние дела – прибраться, постирать. Весь день на репетицию убьешь, а вернешься уже никакой.

– Подобным меня не напугаешь.

– А готова ли ты вкладывать свои же деньги: на декорации, костюмы, грим? Иногда за аренду сцены даже платить?

– Что ж, любое увлечение требует вложений.

– Еще здесь публика тяжелая. Среди актеров много экс-

центричных и неуравновешенных личностей. Да ты и сама уже в этом убедилась.

– Если в театре так много минусов, то почему ты здесь?

– Я – актер по специальности.

– В студенческом театре?

– Нужно начинать с меньшего. Постепенно делать себе имя.

– Выходит, ты мечтаешь о великой славе?

– Я был бы рад играть даже в местном камерном театре.

Что уж говорить про Питер и Москву.

– Может и я начну, а там кто знает – может и до столицы дойдет

Петр с улыбкой принял ответ Жени, хоть он и показался ему слишком несерьезным и наивным.

– Можно я еще кое что спрошу?

– Давай.

– Что у тебя на руке?

Актер удивлённо поднял запястье, словно бы не знал, что у него там находится. Толстый металлический браслет с рунами блеснул на свету и скатился по предплечью.

– Это? Сакральная атрибутика Асатру.

– Асатру?

– Вера в древних богов. Этот браслет, например, дань моему покровителю – Одину. Я не должен его снимать ни при каких обстоятельствах.

– Так ты увлекаешься скандинавской мифологией?

– Асатру – это религия, а не какая-то мифология.

– Ну, мифология – это и есть первозданная религия. Например, древние люди боялись молнии, потому обожествляли ее, приписывая ее появление Тору, Зевсу, Юпитеру и похожим ребятам.

– Может быть ты и права, но Асатру – это древнейшая из индоевропейских религий. Она существовала еще до появления буддизма, ислама и христианства.

– То есть вы отвергаете мировые религии?

– Почему сразу отвергаем? Мы ищем в них истинную основу, которую люди благополучно утратили и исказили.

– Хорошо, а в чем суть этого вашего учения? Чем оно лучше того же христианства.

– По Асатру: люди – это носители божественной сущности, через которую говорят Боги. Наша миссия – научиться слышать их голоса, найти с ними гармонию.

Женя представила, как Петр бежит по лесу с топором и орет сколько есть мощи: «Оди-и-ин». А тот ему отвечает: «Пе-е-етр». Забавно, да.

– Что обсуждаете? – спросила Лиля, вернувшись в комнату с подносом. На нем был чайник и сервиз на пять персон.

«Слава богу, ты вернулась», – подумала Женя, несколько утомившись от компании Петра. Хоть он и был интересным, но все же не лишенным странностей и заморочек.

– Да так, религию.

– Опять втираешь про асатру?

– Между прочим, она первая спросила.

– Кто бы тебе еще поверил?

– Это правда было познавательным, – вступилась Женя, хоть сама так и не считала. – Я не знала о их существовании раньше.

– Ну, ладно, мне на самом деле все равно. Я бы лучше послушала, что ты подготовила.

– В моем выступлении не будет слов. Только танец.

– Любопытно. Может оно и к лучшему. Пока в нашей группе никто хорошо не танцует.

– Мне показать прямо сейчас? Или дождемся остальных?

– Кто хотел – уже давно пришел. Так что начинай.

Не успела Женя встать, как раздался звонок. Гудел он протяжно и настойчиво.

– Простите, мне нужно ответить, – извинилась Лиля, поднося телефон к уху. – Алло (пауза). Данил, я тебя не понимаю (пауза). Успокойся и скажи понятно (пауза). Нет, это не правда!

Эмоции стекали по лицу Лили, словно воск по сгорающей свечке. Тревога сменилась страхом, который вмиг обратился ужасом. Она уже не слышала голос, доносившийся из динамика. Ее сознание всячески отказывалось верить произошедшему.

– Что случилось? – предчувствуя беду, спросил Петр.

– Соня... повесилась.

V. Viam abierunt

Тело валялось на грязном, обледенелом полу, собирая на себя разносортную пыль: омертвевшую кожу, ногти и выпавшие волосы. Оно едва ли справлялось со своим невыносимым недугом: психическим расстройством, возникающем от наплыва животной тоски. Когда подобное случалось (а это как минимум два раза в год: весной и осенью), ему становилось страшно закрывать глаза. В непроглядной темноте век появлялись лица умерших родственников и знакомых. Но даже в видениях они были не живые, но трупы в гробах, какими их видели в последний раз.

Тело, кстати, звали Петром. Оно пробовало лечиться, ходить на реабилитационные курсы, наблюдаться в «Сосновом бору» – местной психиатрической лечебнице, но медицина все только ухудшала. Образы становились четче, а длительность припадков только увеличивалась. Друзей, которые бы поддержали в эти особенно трудные минуты, у него тоже не было – им было в тягость водиться с ним, ведь для этого пришлось бы жертвовать своим личным временем. Но даже в таком страшном одиночестве тело было сильным. Оно ежедневно познавало себя и мир все глубже и глубже, пытаясь в тайнах бытия найти чудесное исцеление от недуга.

Когда болезнь отступала, тело становилось здоровым и чрезмерно счастливым. Ему удавалось выходить в свет, что-

бы посещать любимые музыкальные и театральные заведения. Тогда же оно бросало все силы на творчество: писало художественную прозу, в которой не было ни намека на мрак обыденной жизни. Вот только сохранить это волшебное состояние надолго никогда не удавалось – случайная статья в интернете или новость по телевизору о насилии, зверствах и убийствах могла вмиг вернуть все кошмары в былых красках. Хуже того становилось, когда кто-то умирал из близкого окружения.

Буквально недавно у тела появился еще один вариант исцеления – на него оно случайно наткнулось в интернете. Некий врач психотерапевт из Москвы разработал новую методику лечения глубоких психических заболеваний через осознанные сновидения. Человек погружается в закрома своего подсознания в состоянии полудремы и пытается лицом к лицу встретиться со своими страхами, чтобы побороть их.

Подобное лечение проходит в три этапа. Первый – приручение сна. Под присмотром врача пациент ограждает себя от влияния внешнего мира: отказывается от общения с людьми, просмотра телевизора, чтения новостей или книг. В течение целой недели человек пребывает в изоляции, наполняется тишиной и спокойствием. Затем ему необходимо изучить и запомнить все, что находится в пределах одной комнаты или палаты. Важна каждая мельчайшая деталь, вплоть до того, какие предметы находятся на столах, полках, в шка-

фах. Далее наступает практика детального восстановления в уме всего интерьера. Важно совершать это в темноте, пытаюсь уснуть. Мозг, пребывающий в постоянной работе, рано или поздно научиться не уходить в бессознательное состояние, а его хозяин получит возможность живо восстанавливать в мыслях любые события из прошлого.

Второй этап – встреча лицом к лицу со своим страхом. Пациент на протяжении длительного периода пытается в своих снах вновь пережить переломный для его психики момент. Это важно для осознания причин появления болезни. Человек учится жить со своей проблемой, принимать ее как нечто естественное, как неотъемлемую часть его жизни. Данный период является самым опасным для нуждающегося в исцелении человека, потому текущая практика проходит под строгим присмотром специалиста.

Последний этап – абсолютное замещение. Любое человеческое воспоминание является воспоминанием какого-то более раннего воспоминания. Это значит, что оно может быть далеким от действительности и искажено течением времени. Зная этот факт, ученые осозновидцы (именно таким неологизмом они себя именуют) предлагают подменять страхи светлыми воспоминаниями, которые вызывают исключительно положительные эмоции. Данный феномен получил название – «Эффект триггера». В течение длительного времени (от трех месяцев до двух лет) пациент в своих сновидческих практиках видоизменяет страх на нечто прият-

ное. Мозг запоминает комбинацию и при всех последующих психических вспышках самостоятельно замещает воспоминание на нужное. Спустя время страх уходит в небытие.

Единственный минус такой методики – гигантский ценник за полный курс лечения. Пациент не только должен все время находиться в Москве или Петербурге (к сожалению в стране только два филиала без официальной поддержки правительства), но и иметь заработок выше среднего. Жителям провинции подобная реабилитация не по карману. Но один выход, хоть и с большими рисками, все же есть – это научиться управлять снами самостоятельно.

Тело знало, что это последний его выход. Иначе только смерть.

VI. Способность оживлять и убивать словами

Последний май стал поворотным месяцем в жизни Жени. Раньше ей не приходилось так близко видеть смерть своими глазами. Когда она родилась, всех дедушек уже не было в живых, а бабушки жили в сотнях километров от ее дома. Так сложилось, что особой привязанности Женя к старикам не испытывала, и даже когда они умерли (в один год, примерно семь лет назад) девушке было все равно. Животных в ее семье тоже никогда не было – мама в Когалыме страдала от аллергии на шерсть, а папа считал, что птицы – тупые, рептилии – гадкие, хомяки – вонючие. Но даже по приезде в Екатеринбург Женя никого не завела, потому что привыкла, что все нельзя.

В день, когда Соня повесилась, внутри Жени все перевернулось. Как опрокинутый сосуд, она разлила половину того, что любила. Даже спустя годы не все получилось восстановить: одно потерялось, другое сделалось горьким. Она даже не сразу заметила, что перестала бесцельно наблюдать за случайными прохожими, и лишь оттого, что страшно оставаться наедине с мыслями, что все эти снующие туда-сюда люди когда-нибудь умрут.

Начало же той проклятой трагедии Женя запомнила от-

рывками. Прежде чем начать делать хоть что-нибудь адекватное, Петр и Лиля кричали и бросали друг в друга взаимные оскорбления. В какой-то момент они просто резко сорвались и побежали в общежитие (именно там в шкафу нашли уже мертвое тело). Все это время, пребывая в каком-то кошмарном полусне, Женя безотчетно следовала за театральными. Благо увидеть труп ей никто не дал: комнату опечатал отряд полиции. Дмитрий, прибывший на место раньше других, успел сообщить участковому, что это Петр во всем виноват. Однако следователи отказались допрашивать молодого человека, объясняя это тем, что если бы они сажали всех, из-за кого покончили с собой, в тюрьмах бы не осталось места.

День спустя, ведомая чувством вины, Женя выпросила у Лили по телефону адрес Сониных родителей. Она, считавшая себя причастной к смерти их дочери, решила просить прощения на коленях.

– Встаньте, – вымолвила мать, ошарашенно глядя на прильнувшую к ее ногам девушку. – С чего вы взяли, что ответственны за смерть моей дочери?

Женя подняла глаза. Ссохшаяся женщина лет пятидесяти, уже лишенная красоты (которой, возможно, никогда не обладала), смотрела на девушку с каким-то остервенением. В ее глазах не было печали, а только злоба, что именно сейчас на нее свалились эти проблемы.

– Я видела ее перед смертью и ничего не сделала, – вста-

вая, объяснила Женя.

– Пройдите, – повелела женщина и указала на низкий пуфик в коридоре. – Сядьте. – Мать смерила глазами девушку так, словно ее раздражало, как та выглядит. – Если следовать вашей логике, то все мы причастны к ее смерти.

– Не все, но...

– Я знала, что рано или поздно это случится. И что, я, по-вашему, убийца?

– И мысли не было вас обвинять.

– Все мы уже устали от ее истерии. Может оно и к лучшему, что все так закончилось. Это ее выбор. Только бы нас еще в это не втягивала.

Жене стало не по себе от мысли, что эти слова произнесла мать в отношении своей ушедшей дочери.

– Я могу что-нибудь для вас сделать?

– Оставьте меня в покое.

– Спасибо, что выслушали.

– Уходите уже. Вы тратите мое время.

То было лишь началом поджидающей Женю вакханалии. Следующим звеном стало то, что хоронили усопшую в буквальном смысле за оградой – в какой-то глуши среди советских могил, подальше от главного входа и часовни. Причиной тому был отказ церкви отпевать самоубийцу (прощение заслуживают только герои и душевнобольные). Настоятель даже не раз намекнул, что не только в этом мире, но и в раю девушку не пустят дальше забора, а хуже того отпра-

вят прямиком в ад. Якобы налагающий на себя руки вдвойне оскорбляет Бога – и Творца, и Искупителя.

Никаких официальных поминок не было – погребальный обряд и без того влетел родственникам в копеечку. Единственный стол организовала Лиля на собственные сбережения только для своих. Исключение сделали лишь для Жени, необъяснимо мелькающей все это время перед глазами.

Но даже в доме бывших чекистов все стремительно скатывалось в сплошное безумие. Без вести пропавший Петр стал любимым объектом всеобщих споров. Причиной этому был Дмитрий, который неустанно распространял слухи о подстрекательстве Петра. Буквально за час труппа раскололась на два агрессивно настроенных лагеря: защитников и ненавистников. Нейтралитет в этой войне сохраняла лишь Женя, смотрящая на все с полнейшим недоумением.

Вдруг раздался дверной звонок.

– Кто бы это мог быть? – произнесла Лиля в воцарившейся тишине.

Все присутствующие в квартире проводили хозяйку взглядом и замерли в ожидании развязки. Та медленно вышла в коридор, оттянула задвижку ригельного замка и распахнула дверь – под раздражающий скрип несмазанных петель в проеме показался Петр. Явно перебравший алкоголя, он еле стоял на ногах и покачивался.

– М-можно пройду? – медленно прожевал оба слова незванный гость.

– Зачем? – с явно выраженной неприязнью на лице спросила Лиля.

– Я тоже часть труппы. Имею право.

– Иди домой, тебе проспать надо, – с проступающей сквозь суровость робостью продолжала держаться девушка.

– Отойди уже. Надоела.

Петр схватил Лилю за плечо и оттолкнул в сторону. Бородач вроде бы не прилагал никаких усилий, но этого было достаточно, чтобы девушка попятилась назад. По квартире раскатился гвалт. Игнорируя его, Петр неуклюже сел на пол и стал нервно дергать за запутавшиеся шнурки. Точно бы марионетка в руках кукловода, нога в тяжелом берце с легкостью запрыгала вверх-вниз. Куски грязи ошметками полетели в разные стороны, забрызгивая мелкой крапинкой кафельный пол и стены. Но ботинок так и не поддался.

– Дерьмо, – выругался Петр и прямо в обуви последовал в комнату. Все выжидательно притихли. – Что замолкли, а? Давайте, поминайте свою актрису.

В следующий миг Женя впервые увидела как буквально крошится чья-то жизнь. Пустой граненый стакан в руках Дмитрия с неистовой силой пронесся мимо девушки и вдребезги разбился о Петино лицо. Толстые осколки стекла с хрустом разлетелись по всему столу, попадая гостям в наполненные тарелки.

– Тварь, – протяжно проскулил Петр и повалиться на пол. Дмитрий, все больше теряя человечность, взобрался на

«подстрекателя» сверху и стал безжалостно бить того по лицу. Удар, удар, удар и с каждой новой атакой линолеум и обои покрывали все новые багровые брызги.

«Нужно отвернуться», – подумала Женя не в силах отвести глаза. Этот резкий всхлип разрываемой плоти пленил всех собравшихся какой-то особой магией. Все происходящее было ужасным ровно настолько, насколько может быть прекрасным уничтожение чего-нибудь одновременно красивого и плохого. Кто-то должен был сполна заплатить за все те злодеяния, которые происходили в мире.

Женя встряхнула головой. Нельзя было вновь вспоминать то, что тогда произошло. Нарастающая тошнота выносимо сдавила ей глотку. Временно откатить это чувство мог только сильный алкоголь. Оглядевшись по сторонам, она заметила знакомое черно-белое пятно – баннер первого и единственного городского джаз клуба

«Целый месяц здесь не была, – подумала она, застыв посреди ведущей в подворотню арки. – И ведь сегодня понедельник даже».

Поддавшись условному рефлексу, Женя сунула руку в сумку. Небольшая философская книжечка в мягком переплете до сих пор лежала на самом дне, заваленная салфетками, ручками, билетиками из автобусов, сахаром из кофеен и прочим бесполезным мусором. Брошюрка странствовала со своей хозяйкой на протяжении долгого времени, а та в свою очередь забыла, что когда-то давала обещание ее подарить.

«Но я и не устанавливала себе никаких временных рамок. Тем более он сам сказал, что книга ему не нужна, – разъяснила себе девушка. – А вот напиться под скучную музыку – очень даже неплохая идея».

Женя бросила взгляд на часы – до начала инструментальной импровизации оставался еще целый час. Решив все же пойти, она уверенным шагом направилась в сторону главного входа джаз-клуба. Оттолкнув дверь, она быстро засеменила вниз, точно была уже здесь, как своя. Нелепый парень с пухом на щеках сидел на прежнем месте, в той же одежде, с теми же прыщами на лице.

– Один билет за столиком, – твердо произнесла Женя и протянула деньги, не забыв в ответ на прошлую надменность билетера холодно измерить его взглядом.

– Вас кто-то уже ожидает в зале? – скрипучим голосом уточнил молодой человек.

– Ну, разумеется, – ответила девушка с невозмутимым лицом, самостоятельно взяв один билет со стола.

– Давайте-ка я вас провожу.

– Спасибо, сама дойду.

И только уже оказавшись в зале, Женя ощутила нарастающее чувство паники. Сев за единственный свободный столик буквально в одном метре от сцены, она потупила взгляд в пол и живо представила, как этот гаденький тип со входа выгонит ее, когда появится хозяин этого места.

«Сделаю вид, что пошла покурить, а сама просто уйду, –

решила Женя, медленно переводя взгляд на выход. – Не такие уж и большие деньги потратила, чтобы стоять еще и оправдываться».

Но настоящие владельцы брони не заставили себя долго ждать и уже появились в проходе. Причем то, что это точно они, у Жени не было сомнений – прыщавый парень несколько раз указал рукой в ее сторону. На вид то была самая обыкновенная семья: статный отец в темно-зеленой рубашке поло и серых брюках, мать-брюнетка в одноцветном платье с юбкой ниже колена, широко улыбающийся мальчик лет семи – отцовский двойник в такой же одежде и с такой же прической. Только собаки по типу ретривера не хватало, чтобы поместить их групповой портрет на рекламу плавленого сыра или творожных сырков.

Краснея с каждой секундой все сильнее, Женя освободила столик и стала бродить, точно как в картинной галерее, среди портретов великих джазменов. Все эти Колтрейны и Эвансы звучали для нее, как пустые звуки. Поэтому просвещение ей вскоре надоело, и она отправилась к барной стойке – изучать меню. Но и там названия оказались не более занимательными. Сгорая от стыда, оставалось только встать в длинную очередь в уборную неподалеку.

«Как только этот парень вновь пойдет провожать, я рвану наружу», – решила Женя, медленно перемещая взгляд в сторону выхода. И в тот самый момент, когда ее взор должен был достигнуть одинокого стула, она случайно встретилась

взглядом с человеком за крайним столиком. Девушка его тут же узнала – это был Феликс Флейман.

«Похоже на сюжетный поворот дешевой беллетристики», – подумала и тут же забыла об этом Женя. Ее удивил ухоженный вид молодого человека (в строгом костюме и с уложенными лаком волосами), каким он не обладал в последнюю их встречу.

– Снова совершаешь свои аферы с местами? – колко подметил Флейман, улыбаясь приближающейся к его столику Жене. – Или может следишь за кем-то?

– Остроумно, но мимо. Я здесь по делу.

– Неужели?

– Да, мой друг работает в джаз-клубе, барменом. Я приходила к нему.

– Почему же не дошла? – неожиданно уточнил Флейман. Он наблюдал за девушкой с момента ее прихода.

– А тебе-то что? – покрасневшись, грубо ответила Женя, но тут же осеклась.

– Мне просто любопытно, – не теряя своей холодной флегматичности и сонной томности в глазах, пояснил переводчик.

– Кстати, та книга Асасгумова у меня с собой, – перевела тему Женя, чтобы уйти от неловкой ситуации. – С подписью автора и личным обращением, как и обещала.

– «Искусство онтологии»?

Легким движением руки Женя открыла сумку и достала

маленькую книжку-брошюру. Ее мягкая обложка оказалась уже сильно загнутой и помятой, на что сразу обратил внимание Флейман.

– Вот, держи.

Змеиные щелки глаз переводчика сузились чуть сильнее и снова раскрылись. Это движение издали напомнило Жене взмах крыльев бабочки. А ведь даже эти прекрасные создания могут вызывать отвращение, если разглядывать их вблизи. Тогда они становятся настолько же противными, насколько и все насекомые.

– Я же говорил, что она мне не нужна.

– Мне – тем более. Я все равно собиралась ее выкинуть.

Феликс неуклюжим движением выхватил книгу из рук Жени и уже с более живым интересом стал разглядывать обложку, оглавление и рукописные слова на форзаце.

– Можешь не благодарить, – произнесла она и совершенно спокойно повернулась к выходу. – Прощай, Феликс.

– Как? Уже уходишь? – встрепенулся Флейман (хоть и медленно, но все же дошло осознание своей неэтичности). – Постой, давай я тебя чем-нибудь угощу.

– Спасибо, не стоит. Иначе получится так, что я попросилась.

– Тогда может просто поговорим?

«А смысл»? – хотела произнести Женя, но задержала слова на выходе. До сих пор она не допускала мысли, что может излить кому-нибудь душу. А этого парня она видит не в пер-

вый, но последний раз. Поэтому – не все ли равно?

– Удивительно – за полчаса до твоего прихода я как раз думал о тебе.

– Обо мне? – с изумлением на лице переспросила Женя и села напротив молодого человека.

– Помнишь, как тогда мы фантазировали о мышлении слепых?

– Прости, ты хотел сказать – «я фантазировал»?

– Так вот, – продолжал Феликс, игнорируя собеседницу, – в своих размышлениях я пошел дальше и представил систему мышления глухих от рождения людей. И знаешь, что я понял? Она лишена слов. То есть наполнена исключительно визуальными образами. Типа всплывающих картинок. А это значит, что мы, люди, мыслим отголосками фраз, которые когда-то давно услышали и запомнили. – Флейман испытующе посмотрел на Женю, но та никак не отреагировала. – Что думаешь на этот счет?

– По правде говоря, мне нет дела до того, как мыслят слепые.

– Любые знания полезны. Даже о чем-то маловажном, страшном или неприятном.

– Ты считаешь себя в край умным?

– Скорее хорошо осведомленным.

– В таком случае ответь мне – как люди доходят до самоубийства?

– Не понял, к чему этот вопрос? – нахмурил брови Флей-

ман.

– К тому, что это единственное, что меня по-настоящему тревожит.

– Честно – не знаю. Может, всему виной одиночество.

– А ты бы повесился, не будь у тебя семьи, друзей и любимого человека?

– Лично я – нет, поскольку подобное состояние не воспринимается мной, как нечто плохое. Да и нельзя сказать, что человек часто попадает в положение абсолютного одиночества, когда, например, становится последним живым существом на Земле или попадает Робинзоном Крузо на необитаемый остров. Все относительно: можно быть окутанным заботой семьи, но скучать по веселым друзьям; или быть душой компании и желать всем сердцем настоящей любви. А кроме того, можно вообще никого не иметь, но ощущать себя вполне комфортно. Мне, например, как интроверту, просто в тягость вести разговор. Я редко проявляю инициативу в выборе, развитии и поддержании тем. Если можно переложить эту непосильную обязанность на кого-нибудь другого, то я этим пользуюсь. А когда я один – мне более чем комфортно. Не нужно напрягаться и что-то выдумывать.

– Сказал человек, который превозносит фантазию и воображение.

– Для них вообще-то не всегда нужно общение с людьми.

– Так странно, только сейчас об этом задумалась. В последнюю нашу встречу ты говорил, что именно фантазия и

воображение отличает нас от животных. Но если так поразмыслить, они и самоубийством-то никогда не кончают.

– Потому что только люди способны преодолевать пределы.

– Пределы?

– Мысленные барьеры, за которыми заканчивается грань дозволенного.

– От этого твоя мысль не стала понятнее.

– Пойдем тогда другим путем. Читала ли ты Библию?

– Разумеется, я же с философского.

– То есть, правильно понимаю, для тебя эта книга не сакральная?

– Почему ты так решил? Я верующая, как все.

– Хорошо. А бывали ли у тебя мысли, что в главе, где Магдалена вытирает божьи ноги своими волосами, все происходит крайне эротично?

– Эм-м?

– Сам факт того, что человек может до такого додумался – это последняя черта. Но если он пойдет дальше и начнет, например, представлять эту молодую еврейскую девушку полностью обнаженной, то это уже будет преодоление предела.

– Если честно, подобное мне незнакомо.

– Тогда другой вопрос – у тебя есть родители?

– Да. Мама и папа.

– Ты когда-нибудь задумывалась о том, что они занимаются любовью?

– Чего, прости? – совсем не ожидая подобный вопрос, переспросила и тут же покраснелась девушка.

– Согласись, все рано или поздно приходят к этой мысли.

– Достаточно. Не хочу себе это представлять.

– Все правильно – потому что ты не можешь преодолеть подобный предел. А некоторые люди могут.

– А меня-то зачем ты заставляешь об этом думать?

– Чтобы ты осознала, что идея самоубийства идет еще дальше. Человек разрешает себе не только вообразить, но и исполнить нечто ужасное. А живое воплощение чего-то подобного – вообще противоестественно природе. Но люди все равно на это способны, понимаешь?

– То есть ты утверждаешь, что люди совершают самоубийство только потому, что они это могут.

– Вот именно.

Несмотря на всю убедительность слов Флеймана, Женя так и не смогла найти ответ на свой вопрос. Более того, ее возмутила сама идея, что любой человеческий поступок оправдывается возможностью его совершить.

– Феликс, почему ты все так усложняешь? – тяжело вздохнула она.

– Прежде, чем критиковать, приведи свои доводы.

– Самоубийцу звали Соней. Она была актрисой маленького студенческого театра. Месяц назад она затянула петлю на шее только потому, что невозможно было любить одного ужасного человека. Частный случай, вот и все.

Флейман скрестил руки, откинулся на спинку стула и нервно затряс ногой, словно бы осознал, что прогадал с ответом.

– Она была красивая?

– Разве это так важно?

– Да.

– У нее были рыжие волосы и очки с круглой оправой...

А вообще я плохо помню ее внешность.

– Но ты же была с ней знакома?

– Только визуально.

– Почему ее смерть тогда тебя беспокоит?

– Иногда мне кажется, что я могла ее остановить.

– Почему ты так думаешь?

– Примерно за час до трагедии мы прошли мимо друг друга на светофоре. Я видела, что с ней что-то не так. Ее одежда была вся в грязи. Еще колени разбиты в кровь, видимо, от падения. И лицо все в слезах. Короче, она явно нуждалась в поддержке.

– Но ты же не знала.

– Не оправдывай меня. Я знаю, что проявила безразличие. – На глазах Жени выступили слезы. – Возможно тебе это покажется странным, но я даже пошла на похороны. Потому что чувствовала вину перед ее родителями, близкими, друзьями. Это ужасно.

– А что стало с тем, кто довел ее до такого?

– Ничего... Его просто выгнали из театра.

– Верится с трудом. Ты чего-то не договариваешь.

– Один из актеров... изуродовал ему лицо. Разбил об него стакан, а затем мочил кулаками, сколько есть сил, пока живого места не осталось.

– М-да, не театр, а бойня какая-то.

– Все остальное помню смутно, как в тумане. Диму забрала полицию, а Петю увезли на скорой. Всех актеров обязали давать показания, а мы с Лилей сбежали в больницу.

– И? Что было дальше?

– Врачи сказали, что Петр лишился глаза. А кожу на лице собирали по кусочкам, как пазл. Его вряд ли уже когда-нибудь назовут красавчиком. И уж тем более не предложат играть на сцене. Диме тоже досталось. Сейчас его судят за нанесение телесных повреждений тяжкого характера. До двадцати лет в колонии светит.

– А ты как?

– Я? – Женя замолчала, пытаюсь прежде осмыслить, что хочет сказать. – Словно выпала из жизни. Только и думаю о всей этой чернухе. А еще мне постоянно снятся кошмары с этой покойницей. И в них она меня обвиняет за то, что я могла, но не сделала.

До последнего пытавшаяся казаться сильной, Женя не выдержала и разрыдалась. Флейман же, увидев плачущую девушку, испугался и отвел глаза в сторону. В тот же самый момент он заметил, что все близсидящие гости джаз-клуба шепчутся и с особым интересом смотрят в его сторону. От

такой сцены совершенно всем в одночасье стало неловко. Но выдохнув, Феликс все же нашел в себе силы, чтобы пододвинуть стул и, едва касаясь, обнять Женю за плечи.

– Послушай, Женя, ты не виновата в том, что эта девушка оказалась *сломанным человеком*.

– Что ты хочешь этим сказать? – донеслись слова сквозь ладони.

– Нормальные люди не обрывают свою жизнь от безответной любви. Она и без участия того подонка была предрасположена к суициду. Ты же не знаешь – может она с самого детства значилась неуравновешенной. И даже останови ты ее тогда, она бы все равно покончила с собой. Не в тот день, так через неделю или месяц. Поэтому перестань себя винить.

– Не только в этом проблема.

– А в чем еще?

– Я умудрилась нажиться на ее смерти.

– Каким образом?

– Я забыла упомянуть, что никакого отношения к их театру не имела. Меня как-то случайно занесло к ним на репетицию, а потом я просто мечтала попасть к ним в труппу. Мне понравились сами люди, но я бы вряд ли попала к ним, потому что объективно бездарна. Однако в глубине души я все же надеялась, что Лиля обратит внимание, как я переживаю со всеми, как делю с ними тяжелое время. И ведь так оно и вышло. В больнице она сказала мне: «Знаешь, все это время ты была с нами, поэтому мне уже не хочется тебя отпускать».

– Но ведь это же наоборот здорово, что ты их поддержала.

– Ничего подобного я не делала. Только таскалась за всеми, как хвостик. И добилась своего – мне отдали Сонину роль из последнего спектакля, даже без конкурса. Несложную. Там даже слова не нужно учить, потому что их нет.

– Посмотри на это все с другой стороны. Театр переживает нелегкие времена – он потерял сразу трех актеров. Будь я на месте Лили, то тоже бы считал твое появление чудом.

– Я боюсь не оправдать ее ожидания.

– Просто делай, что можешь. Это все, что от тебя требуется.

– А если я совсем ничего не могу? Такая, как я – все завалит.

– Сколько у тебя осталось времени на подготовку?

– Премьера уже на следующей неделе, в четверг.

Феликс замолчал, чтобы хорошо все обдумать и сказать самый верный ответ. Но Женя его опередила:

– Какая дура, черт возьми.

– Прости?

Девушка резко изменилась в лице. Наспех вытирая глаза ладонью, она засуетилась так, словно куда-то опаздывала.

– Нет, это ты меня прости.

– За что? – непонимающе посмотрел на девушку Флейман.

– Забудь, пожалуйста, все, что здесь произошло. Не знаю, что на меня нашло. Я-я, пожалуй, пойду.

Женя уж была готова встать и уйти, когда Феликс ухватил ее за рукав, чтобы сказать последнюю фразу. Он был уверен, что именно эти слова она хочет от него услышать:

– Я приду тебя поддержать.

– В смысле? Зачем? – искренне удивилась и широко раскрыла глаза Женя.

– Если ты будешь знать, что я в зале, то тебе уж наверняка не захочется ударить в грязь лицом.

Женя вопросительно посмотрела на Флеймана, пытаясь понять – то ли он серьезен, то ли шутит.

– Музей Эрнста Неизвестного. В шесть.

– Я буду.

– Глубоко сомневаюсь, Феликс. Прощай.

– До свидания, Женя.

Как только девушка встала и повернулась спиной к Феликсу, он вздохнул с облегчением, что все разрешилось само собой. В душе Флейман знал, что на спектакль он не придет. По крайней мере, так бы все и сложилось, если бы Женя не оставила на столе очки.

«Разве все это время она в них ходила? – не поверил своей памяти молодой человек. Любопытства ради он потянулся за ними, чтобы примерить. – Самое странное, что в них я вижу намного лучше».

VII. Портрет мертвого изнутри художника

За большим столом, кроме меня, сидит троица: отец, старуха и молодая девушка.

«Ну, слава Богу, значит, не...», – думаю я с радостью, но мысль обрывается. – Только не говорите, что я умер?

– Нет, ты не умер – раздаются трио чужих голосов.

– Тогда, сон ли это?

– Да, это сон, – подтверждают они.

«Только бы не проснуться», – не успеваю заключить я в мыслях, как все погружается во мрак.

* * *

– Куда ты подевался?

Я стою в крошечной тьме зажатый между двумя дверьми. Железная холодит мне спину, а от деревянной невыносимо болят колени.

– Словно сквозь землю провалился.

Глаза стали привыкать ко мраку. Запрокинув голову, я стал тщательно рассматривать потолок. На первый взгляд он казался идеально ровным. На белой извешке только единственный изъян бросался в глаза – в углу. В темноте его не разглядеть, но он очень напоминает вздутую вену.

– Где же ты?

Я сконцентрировал все свое внимание на вене. Расплывчатый образ медленно приобретал очертания, пока не собрался в гадкое насекомое с целой сотней тоненьких лапок. Замерев, оно якобы что-то выжидало.

– Почему ты не здесь?

Я сразу понял, что это игра – гляделки, в которой проигрывает тот, кто первый моргнет. Однако удерживать себя в сознании в темноте оказалось непросто: перед глазами тьма стала сгущаться, и я потерял ощущение земли под ногами.

«Проснись».

Когда сознание вернулось, многоножки уже нигде не было. Поискав глазами, я понял, что все тщетно. Вдруг медленно, точно расплавленный тягучий гудрон, неприятные ощущения начали медленно стекаться к груди. Попытавшись поднять руки, я обнаружил, что тело совсем не слушается. Захотелось закричать: открыл рот, но голос не прозвучал.

«Проснись, проснись, проснись...».

* * *

На стене висят часы без кукушки.

– Почему?..

– Что «почему»?

Бабушка листает книгу при приглушенном свете. Я лежу на кровати и разглядываю узор на обоях. Захотелось зевнуть, но осекся. Вспомнил наказ бабушки: «Нельзя широко зевать!». Но почему нельзя, она мне не объяснила. Причину я додумал сам: потому что душа через рот может выйти.

Нелепо, однако очень похоже на правду.

– Почему мир делится на живой и неживой? – спрашиваю я.

Она замолчала, погружившись в серьезную задумчивость.

* * *

Тугоплавкий проводник, помещенный в заполненный инертным газом сосуд, накален до двухсот семидесяти градусов по Цельсию. Этого достаточно, чтобы выжигать на сетчатке синевато-красные узоры. Скача пружинообразно и сплетаясь в танце, они точно бы умоляют запечатлеть их на память.

Сквозь эти блики проступают силуэты.

– Почему мы должны искать тебя по всему дому?

– Почему ты прячешься?

– Неужели ты не хочешь задуть свечи и загадать желание?

– Это же твой праздник!

Некто хватает меня за предплечье и начинает тащить. Я упираюсь ногами в порог.

– Да что с тобой не так?

– Может, ты не хочешь, чтобы тебе пели «каравай»?

Я перестаю сопротивляться. Меня отпускают, но окружают со всех сторон.

– Не хочу, – отвечаю я.

– Но ведь без этого нельзя считать день рождения полноценным!

– Отстаньте от меня. Я не хочу.

– Хватит капризничать.

– Почему я должен выбирать кого-то одного?

Зрение возвращается. Я практически могу распознать лица, но тут же отключаюсь.

* * *

Руки из взрослых вновь превратились в детские. Впереди какой-то парк, справа идет отец. О, я помню этот день: он был обыкновенный. Тогда не произошло ничего знаменательного.

– Пап, а почему медведи зимой спят? – помню спросил я тогда.

– Им слишком скучно зимой. Они впадают в спячку, чтобы скорее пришла весна, – моментально ответил он мне. Отец всегда предпочитал долго не думать над моими вопросами.

– А когда спящие медведи кушают?

– А тебе кушать хочется, когда спишь?

– Кажется, нет.

– Вот и им не хочется.

– А почему небесные медведи не похожи на лесных?

– Небесные?

– Ну, да. Их совсем немного. Только большая и малая медведица.

– Это же созвездия.

– А почему их не назвали, как созвездия? Они же совсем не похожи на медведей.

– Предположим, я назову тебя как-нибудь по-другому. Тогда ты перестанешь быть собой?

– Кажется, нет.

– А если я звезды назову как попало, они перестанут быть звездами?

– Не знаю. Скорее нет.

– Ответил на твой вопрос?

– Пап?

– Да?

– А ты умрешь?

Он замолчал, погружившись в серьезную задумчивость.

* * *

Сложно представить песню, которая делала бы людей несчастным. Нет, речь идет не о грустных песнях (грусть – вполне естественное для человека состояние). А о тех, которые заставляют страдать. Все дело в ассоциациях. Сама песня или музыка может и не несет в себе негативные эмоции, однако воспоминания, которые она вызывает, вполне способны вгонять человека в дискомфортное состояние. Такой песней для меня был проклятый «каравай».

Круг сужается, расширяется.

– ...кого любишь – выбирай!

Момент настал. В комнате воцарилась тишина. Все застыли, как манекены в мертвых позах за витриной. Я обвел глазами каждого. Правильного выбора не было. Каждый требовал жертв и сулил неприятные последствия.

– Я люблю, конечно, всех...

И вот самый унижительный момент.

– ...но себя больше всех.

Аплодисменты. Бабушка выносит большой торт с семью свечками. Я набираю полные легкие воздуха. Слишком рано. Во всей этой суматохе я забываю, что желал больше всего на свете, и загадываю первое, что приходит на сердце.

«Пусть все, кого я люблю, будут живы и здоровы».

Дую изо всех сил. Буквально на мгновение комната погружается во мрак, но тут же освещается тусклым светом. Из семи свечей одна загорается снова.

– Что, воздуха под носом не хватило?

– Давай еще раз!

Я совершаю вторую попытку. Фитиль издает жалобные потрескивания и пускает черный дымок. Кажется, все самое худшее позади.

* * *

Поздним вечером того же дня я вышел из своей комнаты пожелать родителям спокойной ночи. Я уж было хотел постучать и войти, как вдруг уловил среди прочих звуков свое имя. Идти дальше отказывались ноги.

– ... никогда не выбирает меня.

– В следующем году выберет, вот увидишь.

– Следующего раза может не быть.

– Прекрати.

– Прости.

– Зачем поднимать эту тему перед командировкой?..

– Прости, не подумал.

– Может... не поздно еще отказаться?

– В последний раз съезжу и уйду в отставку, обещаю.

– А какой в этот смысл?

– Есть незавершенные дела. А как вернусь, мы сразу переедем отсюда.

– Куда хотели?

– Да – на улицу Мира.

Минутное молчание.

– Возвращайся скорее.

Я развернулся и ушел к себе в комнату.

Отец уехал рано утром. Будить меня не стал. А мне так хотелось попрощаться.

* * *

Убили. Какое странное слово...

У-би-ли. Так неестественно его произносить.

Похоронили майора

28 февраля в Екатеринбурге состоялись похороны тридцативосьмилетнего майора, погибшего в Грозном 22 февраля. К ДК ГУВД, где проходило прощание с сотрудником органов госбезопасности, нескончаемым потоком шли сослуживцы и друзья. Офицер погиб вместе с двумя своими сослуживцами, когда автомобиль, в котором находились чекисты, был обстрелян боевиками. У погибшего остались жена и

несовершеннолетний ребенок. Майор похоронен на Лесном кладбище в Екатеринбурге.

Единственный выживший в перестрелке, капитан Белогай, был доставлен в военный госпиталь Ростова-на-Дону. Две недели врачи боролись за его жизнь, но их усилия не увенчались успехом. Тело погибшего было доставлено самолетом в Екатеринбург.

* * *

Когда я спросил себя, что такое «жизнь», то не смог найти ответ. В толковом словаре написано, что это особая форма существования материи, физиологическое бытие организма. Но разве этих слов достаточно, чтобы объяснить такое сложное явление?

Я смотрю в свое отражение в зеркале. По простой прихоти мысли зрачки перебегают с предмета на предмет. Черная точка в радужной оболочке глаза сужается и расширяется. Открываются и закрываются веки. Я вижу разные составляющие своего организма в движении, и мне кажется, что я существую.

Мыслю, чувствую, существую – значит, я живу. Я – неотъемлемая часть жизни. Но то, что некогда росло, цвело и радовало своей необычной красотой, но завяло, истлело, исчезло, разве не является частью жизни?

* * *

Снова за большим столом, кроме меня, сидит троица: отец, старуха и молодая девушка.

– Зачем вы умерли? – вдруг спрашиваю я, вспомнив о смерти.

В зале из ниоткуда появляется еще одна девушка. Цвет ее волос – рыжий.

– Я убеждена, – сказала она – что становление человека, как личности, происходит за счет факторов, которые ломают «чистую доску».

Стоило ей это произнести, как молодая девушка, сидевшая за столом, упала на пол. Раздался душераздирающий треск ломающихся костей.

– Ты можешь также называть это «разбитыми розовыми очками» или «переходом из незнания к знанию», – продолжила рыжеволосая. – Но такова суть – все мы уникальны в том, что нас когда-то давно сломало.

Пришла очередь старухи. Ее стало бросать из стороны в сторону, бить о стены, пока тело не превратилось в кровавый комок.

– И обратный процесс не существует.

Раздался одиночный выстрел.

* * *

Когда Петр открыл глаза, подушка оказалась мокрой от слез. Очередная попытка побороть свой страх смерти увенчалась провалом.

VIII. Из ниоткуда

Постоянным обитателем лоджии считался стол. Помимо книги с надписью «Замок», различной канцелярии, пустой чайной кружки из коричневого французского стекла, кактуса со скривившейся набок верхушкой (оттого, что растение долгое время вплотную прилегало к нависающей над ним полкой), оловянной фигурки, конечности которой то и дело ломались или сплющивались, на гладкой деревянной поверхности лежали две тетради. Первая внешне напоминала старую советскую папку с надписью «Дело». На разлинованном по центру прямоугольнике было написано название аккуратным почерком с округлыми хвостиками букв: «Инспиризм, или мир сквозь призму вдохновения. Записки Ф. К. Флеймана». Вторая, совсем не примечательная внешне, была намного удобнее предыдущей благодаря широким металлическим кольцам на корешке. На ее обложке значилось заглавие – «Дневник». Правее него можно было распознать силуэт еще одного слова, но то ли оно было наполовину стерто, то ли запачкано чем-то.

Потолок и стены лоджии, которая в теплые времена года использовалась как кабинет, были обшиты досками. Пребывание в ней всегда вызывало ощущение словно попал в русскую баню. Особенно сильно это чувствовалось в жару летом, когда древесная смола начинала подтаивать, заполняя

округу приятным лесным ароматом, а температура внутри помещения достигала выше той, что на улице. Зимой же сидеть в ней было невыносимо: ветер дул из всех щелей стен, плинтусов и оконной рамы, по укрытому ковровым полом тянул неприятный мороз. Иногда температура внутри падала до плюс девяти, если кто-то случайно закрывал единственную, связующую с гостиной, дверь.

Гостиную же сложно было называть гостиной, ведь она являлась и спальней, и столовой, и даже библиотекой. Книжки заполняли каждый закуток кубообразной комнаты. Ими были забиты полки, выдвижные шкафчики, тумба, маленький кофейный столик, сиденья стульев. Некоторые особо ненужные издания служили подпорками дивана, который когда-то давно разрывал ножками линолеум. Но даже несмотря на такое обилие печатной продукции, все было аккуратно разложено и максимально педантично прибрано.

Вдруг Флейман захотел покурить. Такие резкие порывы наполнить легкие никотином наступали у него крайне редко, поскольку кружащее голову ощущение от первой сигареты зачастую вызывало у него тошноту. Однако сейчас он не мог не вкусить дешевый табак из-за растущей нервозности. Одымлял он себя исключительно на той самой лоджии, где непринужденная картинка за окном расслабляла его еще сильнее. Правильно затягиваться он никогда не умел: сначала набирал дым в рот, а затем проталкивал его глубже следующим резким вдохом. Наконец, закрывая глаза, он медленно

опустошал легкие.

Сделав пару глотков дыма, Флейман отвернулся от распахнутого окна и устремил свой взгляд на тетради. Сев на обшарпанное кожаное кресло на колесиках, заменить которое не поднималась рука из-за удобной, принявший изгиб тела хозяина, спинки, он раскрыл «Дневник» на пустой странице. Важно было зафиксировать все, что произошло за последнюю неделю, но мысли никак не шли.

Флейман закрыл глаза, чтобы все доподлинно вспомнить.

Вход в белый цветущий Дендропарк близ Гринвича смрадил хуже, чем уборная вокзала. Зловоние витало не потому, что с яблонями было что-то не так, а благодаря канализации, которую уже несколько лет не могли починить ответственные службы. То было каким-то наказанием: нумерация домов резко обрывалась на той цифре, где должен был стоять музей Неизвестно, и по злейшей иронии приходилось искать потерявшееся здание среди невыносимой вони.

Вдруг из-за поворота появилась счастливая, держащаяся за руки, пара. Я не расслышал ни слов из их диалога, но отдаленно напоминающая «музей Эрнста» фраза дала знак, что нужно следовать за ними. Причем преследовать долго не пришлось – здание оказалось буквально там же, где я распознал отзвуки того, что искал.

Зайдя вовнутрь, я сразу завернул налево, интуитивно предполагая, что в том маленьком закутке находится касса.

Тесная, она едва ли могла вместить четырех человек, однако именно там был расположен гардероб и диванчики для смены обуви.

– Вам на что? – раздался сиплый голос морщинистой дамы в очках. Ее пылающее алым пухлое лицо напоминало подтаявшую свечку: мешки под глазами набухли, щеки и шея обвисли.

– Я, по правде говоря, не знаю, – растерянно ответил я. А что мне оставалось сказать? Я не и имел и малейшего представления о том, на что меня пригласили. – Сегодня есть какой-нибудь спектакль?

– «Резо», – выфыркнула она, – брать будете?

– Давайте.

– Пятьсот рублей.

Я выложил на стол свеженькую, недавно вышедшую мне из банкомата купюру с Петром Великим, взял билет и довольный последовал по ступеням вверх. Кругом висели фотографии, картины, экспонаты, но времени разглядывать их у меня не было – я и так зашел в музей на грани перед самым началом спектакля.

– Пожалуйста, проходите, – приторно улыбаясь, сказала женщина у парапета, указывая пальцем направо.

Я зашел в маленький темный зал. Сложно передать словами удивление, когда перед моим взором предстал обшарпанный пуфик за полтысячи. Какое обдиралово! Сам же зал оказался чуть больше моей комнаты: в нём едва ли помести-

лось ряда два сидящих и один ряд стоячих мест для тех, кто был готов выложить только три Больших театра за творческую самодеятельность.

Сутулясь, в силу неожиданно возникшей стеснительности от таращащихся на меня глаз, я прошел до самого конца «партера» и сел на крайнее место первого ряда. Впереди, в метрах двух от меня, стояла якобы грузинская девушка в бедном крестьянском платье черного цвета. Голова ее была покрыта белым платком, волосы аккуратно убраны. Руки актрисы, испачканные мукой, раскатывали скалкой по прямоугольной гранитной плите массивный блинчик теста.

Ее я сразу узнал: ровные красивые девичьи черты лица, испорченные полупустыми голубыми глазами были у единственного человека моего окружения. Ей можно было дать двадцать семь, или даже двадцать девять лет. Возможно, причиной тому была иллюзия, создаваемая короткой прической. Раньше она носила длинные волосы ниже талии, потом решила сменить стиль. Женственности от этого не побавилось, лишь сбился идентификатор возраста. Имя ее, Евгения, вполне соответствовало внешности и образу в целом.

Продолжая разглядывать ее, я чуть маякнул рукой, чтобы обозначить, что я пришел и свое обещание выполнил. Я знаю, что в тот момент она не смотрела на меня, но жест мой однозначно заметила, быть может боковым зрением. Пожалуй, это одно из самых важных правил актера – не выходить

из роли, пока находишься на сцене.

Немного погодя я осознал, что спектакль еще не начался. То была лишь прелюдия, погружающая зрителя в атмосферу грузинской деревушки начала прошлого века. Все это я почувствовал только, когда в зале ошутимее приглушили свет и пустили чуждую моему слуху этническую музыку. Следом за звуками неизвестного струнного инструмента из ниоткуда возникла другая девушка. Ее хрупкое девичье тело обрамляло аналогичное черно платье, которое почему-то смотрелось на ней гораздо роскошнее обыкновенного крестьянского. В изящных руках с длинными пальцами она держала выпуклый полупрозрачный кувшин с длинным носиком, в котором мне показалось красное вино. Плавая легкой походкой, она медленно приблизилась к первому ряду, чтобы продемонстрировать причудливую утварь зрителям. Плавные движения ее кистей постепенно стали приобретать некий сакральный характер.

Вблизи, в свете тусклых прожекторов, мне удалось лучше ее разглядеть. Яркие рыжие волосы в косе до копчика. Аккуратные тонкие губы в алой помаде. Белая кожа. Еле заметная родинка на ямочке под носом. Темно-зеленые глаза.

Мы встретились взглядом: две идеально черные точки с оттенком глубокой печали на какое-то мгновение отразились в моих глазах. Вдруг мне почудилось в них что-то родное, до боли знакомое. Но не успел я осознать что, как она упорхнула обратно на сцену.

Появился главный герой – высокий мужчина с черным барашком волос. Зрителям он представился как Резо – известный (но не для меня) грузинский театрал и художник. Отдаленно он, конечно, мог сойти за грузина, если бы не славянский нос, который быстро разрушал образ. Да и тело актера, покрытое костюмированными лохмотьями, не вызывало должного эффекта. Худощавое, бледное, венозное – оно было далеко от моего представления о кавказцах. Речь же в контраст была с акцентом, к тому же поставленной, четкой, как у профессионального диктора.

Рассказывая от первого лица жизнь грузинского писателя, актер, кажется, даже и не собирался давать вставить слово своим помощницам. Он тянул монолог на протяжении часа или двух, оставляя актрисам лишь вспомогательную роль – то ли декорации, то ли реквизита. Но я его не слушал. Слова все шли мимо моего внимания, а я лишь думал о том, как вновь встретиться взглядом с рыжей незнакомкой. Она то пропадала за кулисами, то проскальзывала мимо меня. И все это время я не мог оторвать глаз от нее или порога, за которым она скрывалась. Сам того не ожидая, я так увлекся этой девушкой, что даже не заметил, как закончился спектакль.

Не дожидаясь появления Жени, с которой мне не захотелось встречаться, я с общим потоком зрителей спустился вниз и вышел на улицу. Со стороны дендропарка повеяло свежестью с ароматом цветущих яблонь и черемухи. Достав сигарету, я с особой жадностью втянул в себя дым, и глубоко-

ко задумался. «Такое интересное лицо», – пронеслось в моей голове. Яркая и живая, она предстала в моей памяти человеком, к которому тянешься также, как мотылек тянется к свету. И стоило мне мысленно воссоздать ее образ, как я осознал, что жажду вновь ее увидеть.

На часах было детское время: половина десятого. Прижавшись спиной к столбу близ входа, я стал по-пёсьи покорно ждать ее появления. Из музея до сих пор выходили зрители – те, что остались поглазеть на непонятное творчество Неизвестного. Еще минут тридцать дверь то и дело открывалась и хлопала, затем снова открывалась и хлопала, пока наконец не скрипнула и застыла. Заморосил дождь. Хотелось вновь закурить, но погода уже не позволяла вредить легким. Улицу Добролюбова стала окутывать тьма с легким ритмом барабанищих по карнизам каплям. Наконец, примерно в половину одиннадцатого, дверь в очередной раз распахнулась. Резко потянуло теплом, блеснул холодный свет и передо мной предстала она – безобразная дама-свечка.

– Что вам надо? Что вы забыли? – с подозрением обратилась она ко мне, сощурив свои маленькие бульдожьих глазки.

– Я жду свою подругу. Она играет здесь в театре.

– Актеры час назад ушли. Они выходят через другой вход.

– Вы серьезно?

– Я закрываю дверь. Уходите, – раздраженно произнесла она, нервно проворачивая ключ в замочной скважине.

Послушав морщинистую даму, я пошел домой. В мое ли-

цо вновь ударил смрад улицы Радищева, отчего на душе стало еще сквернее. В таком настроении я брел пешком до улицы Ленина, где сел в пустую маршрутку. В пути мое разочарование разгорелось с новой силой: я вспомнил ее лицо, тонкую линию губ, глубину глаз. Каждая секунда в голове растянулась в минуты. Не изменяя себе я вспомнил фразу лектора по психологии, что кухарка у плиты воспринимает время иначе, чем живой судак, которого она жарит на раскаленной сковородке. Забавно, но я сам не понял, зачем это вспомнил.

Дома мой мозг стал лихорадочно порождать варианты, как снова встретиться с зеленоглазой незнакомкой. Ждать ее у входа в музей – бред. Расспрашивать сотрудников внутри – еще нелепее. Брошюра? Точно, брошюра! Ведь в них всегда печатают имена актеров. Засунул руку в сумку, нашарил глянцевую бумажку, сложенную втрое, раскрыл ее на последней странице.

– Данил Ветров – Резо;

– Евгения Перескокова – девушка #1;

– Василиса Воскресенская – девушка #2.

Василиса Воскресенская? Такое сочетание имени и фамилии мне показалось слишком причудливым, несуществующим, чтобы оказаться правдой. Но несомненно стоило попытаться удачу ее найти. Выйдя в социальную сеть, я ввел в поисковик это странное сплетение букв и получил три десятка совпадений по России. Ограничив географию до Екатерин-

бурга, я свел результат к одному варианту, который впрочем меня не удовлетворил. На своей страничке девушка продемонстрировала свои округлые формы на камеру в одном нижнем белье, в откровенных позах, в разных обстановках. Ее храбрости можно было позавидовать: она фотографировала себя не только дома или в примерочных магазинов, но даже во дворе на улице. Но сколько бы я ни листал, ни на одном из сотен снимков не было ее лица.

Вернув стандартные настройки, я перепроверил всех пользователей с таким же именем, тщательно разглядывая каждую фотографию, но и то оказалось напрасным. Уставившись в потолок, я принялся обдумывать новые пути. Попытаться отыскать через Жениных друзей? Разумно, если бы ее саму можно было найти. Видать, такая мода сейчас – не называть себя в сети настоящим именем.

Вдруг меня осенило: у любого театра должна быть официальная группа. На все той же брошюре значилась простая аббревиатура названия без расшифровки – «Э.С.Т.». Итог ввода оказался весьма положительным: «Экспериментальный Студенческий Театр (Екатеринбург)». Однако искать среди восьми сотен участников я не решился. Пролистав мириады имен и фотографий, я ощутил себя ловцом воздуха в дырявый мешок. Благо в галерее оказался фотоархив спектаклей. «Превращение» Кафки, «Роман с кокаином» Агеева, пьесы Метерлинка – на этих выступлениях не было никого похожего на незнакомку. Даже на кадрах с выступлений «Резо»

мелькали совершенно другие люди, словно спектакля, на котором я присутствовал, никогда и не было.

На следующее утро я серьезно задумался. А что, если мне все это приснилось? Нет, все вчерашнее не могло оказаться сном – яркая брошюра на столе была тому подтверждением. Я изучил ее снова со всех сторон, затем вновь зашел в группу социальных сетей и на второй круг пересмотрел фотографии. Что и требовалось доказать – никого похожего на нее.

Только запись о повторном показе «Резо» в следующий четверг теплила хоть какую-то надежду. Но как прожить целую неделю, когда каждый день проходит в настоящем бреде? Днем угадываешь в каждой третьей девушке знакомые черты: то мелькнут рыжие волосы, то лицо у прохожей похожее, то платье в черно-белой цветовой гамме. Вечером еще хлеще – постоянно гложет чувство, что незнакомка ускользает, а того хуже, что она уже кому-то принадлежит. Я даже стал наказывать себя и воображать, что делают с ней другие мужчины.

Но самым невыносимым оказался долгожданный четверг. В тот день неистово палило солнце, и добролюбовская вонь беспощадно била по легким. Я спрятался от нее в прохладных стенах музея за целый час до начала заветного спектакля. Поднявшись на второй этаж, я стал бродить среди экспонатов. К сожалению, я был слишком далек от искусства диссидентов. Кругом я видел только гротеск, и кроме статуэтки «Орфея», известной в народе скорее как «ТЭФИ», и ре-

алистичной человеческой фигуры, вписанной в искаженную бронзовую композицию, ничто не могло зацепить мое внимание. Последняя, восседающая на зверинном черепе обнаженная женская фигура с характерно выраженными формами, напомнила мне ту Василису Воскресенскую из сети, которая щедро демонстрирует все свои прелести. Я смотрел на нее, и мне было странно, что подобным занимаются молодые девушки.

Зал стали наполнять люди. Я оторвался от любования искусством и сел на прежнее крайнее место, чтоб явно выделить себя для моей незнакомки. Минут через десять Женя заняла свое исходное положение. Увидев меня, она не смогла скрыть свое смешанное с радостью удивление, и чуть заметно помахала мне рукой. Я ответил ей тем же жестом. Теперь, в отличие от прошлого раза, она то и дело бросала на меня свой взгляд, но он оказался мне в тягость, отчего я намеренно смотрел по сторонам, избегая с ней зрительного контакта. Зазвучала музыка. Я вперился взором в порог, из-за которого в прошлый раз возникла вторая актриса. Вот появилась нога, небольшой лоскут платья. Сердце забилося с бешеной силой. Но то была ненастоящая Василиса. Маленькая и пухлая, она сильно напоминала эвока, медведеобразного существа из фильма 1983 года, только бритого наголо. Большой русский нос картошкой завершал этот слегка комичный образ, а заодно разрушал последние мои надежды.

Проклятая этика вынудила меня остаться и досмотреть

спектакль до конца. Теперь я развлекал себя внимательным вслушиванием в речь Резо и лицезрением роли моей старой знакомой, которая оказалась весьма любопытной. На протяжении всего спектакля она брала в руки странные самодельные предметы, измазанные толстым слоем белой краски, наводила их на тусклые прожекторы, которые бросали четкие тени на стены, пол, потолок и зрительские лица. Пространство вокруг преобразалось: это был уже не современный Екатеринбург, но постреволюционная деревушка в Грузии. Черные силуэты, выделявая фуэте, стали воскрешать столетние дома, скот, жителей. Актеры и зрители, гранитная плита и стулья, фигура на черепе и «ТЭФИ» – все это слилось в единую массу. А через час все вернулось, как было.

Спектакль закончился. Подражая самому себе недельной давности, я встал, чтобы слиться с уходящим потоком, однако звучащий за моей спиной знакомый голос смог меня остановить:

– Я вижу, ты записался в фан-клуб нашего театра?

– Пока только успел вступить в кружок жестких критиков.

Я повернулся к хозяйке голоса лицом. В ответ она улыбалась такой живой и настоящей улыбкой, что мне нельзя было скупиться и дарить ей меньшую.

– Здравствуй, Феликс.

– Привет, Женя.

– Не ожидала тебя увидеть здесь снова. Неужели мы так великолепно играли?

- Разве мое второе пришествие не достаточно красноречиво говорит об этом?
- Не знаю. Может ты пришел бросать в нас помидоры.
- О, если бы мне не понравилось, я бы не стал так мелочиться и запустил бы в вас камни. Но сегодня не переживай – ваш театр меня заинтересовал.
- Приятно слышать, – расцветая в еще большей улыбке, произнесла она. Затем совершенно внезапно поддалась вперед и издала многозначительное «хм-м». – Не замечала раньше, что ты носишь очки. Минусовые?
- Тебе ли не знать, что они декоративные.
- Я и говорю, вижу впервые.
- Разве это не твои очки?
- В смысле? Как они могут быть моими, находясь на твоём лице?
- Странно...
- Феликс, с тобой все в порядке?
- Да, все нормально. Видимо, их правда оставил кто-то другой.
- Зачем тогда ты их носишь?
- Мне идет?
- В них ты больше похож на интеллигента.
- А без них?
- На моего деда с довоенных фотографий.
- Значит решено – не сниму их до конца своих дней.
- Ты вроде бы шутишь, но внутри почему-то предчув-

ствие, что ты серьезен.

Она рассмеялась. Наблюдая за расположением ко мне моей старой знакомой, я вдруг осознал, что судьба дает мне исключительный шанс отыскать то, что я так жажду найти.

– Расскажешь о вашем театре? – возвращаясь на прежнее место, и приглашая сесть рядом Женю, спросил я. Перескочив кивнула и расположилась напротив.

– Что тебе рассказать? Из нашего названия понятно, что труппа практически полностью состоит из студентов, и что мы экспериментируем в плане выражения классических произведений.

– Сколько вас?

– Сколько в труппе? Подожди, сейчас посчитаю: Лиля, Данил... Рома, так... две Маши, Кристина. Это уже шесть. Ну, и считая меня – семь человек.

– А как же Василиса?

– Какая Василиса?

Я сунул руку в карман сумки, где лежала брошюра. Внутри оказалось пусто.

– Девушка, которая играла с вами на той неделе.

– Это была Маша.

Меня взяли сомнения. Я отчетливо помнил, как читал брошюру, как видел то имя, как вводил его в социальных сетях. Посмотрев по сторонам, я обнаружил свежую листовку на пуфике неподалеку и потянулся за ней.

– Вот, смотри, – разворачивая перед глазами Жени цвет-

ные страницы, произнес я.

– Куда смотреть? Там «Маша Васильева» написано. Она сегодня вторую девушку играла.

Я повернул страницу с актерами к себе – Женя была права. Вновь сунув руку в сумку, я стал лихорадочно в ней шарить, чтобы подтвердить мои слова уже не Жене, но себе.

– Что ты все время так нервно ищешь?

– Я потерял старую брошюру.

– Там тоже Маша была.

– Да нет же, там было написано «Василиса Воскресенская».

– Да я тебе говорю – там была Маша. Но не Васильева, а Лучезарская.

То ли мои мысли, то ли слова Жени звучали как бред. Мои надежды в очередной раз накрывались медным тазом, но вопреки безысходности мозг выдал еще один последний вариант.

– Ладно, тебе видней.

– Феликс Флейман умеет уступать? Это удивительно, – подколола она.

– Лучше расскажи мне о вашем театре. Как он появился? В чем его суть?

– Об этом лучше меня никто не расскажет, – вдруг услышался незнакомый голос из соседнего зала. Женя встала.

– Феликс, это Лиля. Мать нашего театра.

– Прямо-таки «мать»? Я же всего на пару лет всех стар-

ше! – шуточно возмутилась новоприбывшая девушка.

Под полупотемочным светом софитов внешность девушки все равно читалась идеально. Острые дуги широких темных бровей особенно ясно подчеркивали ее живую и эмоциональную мимику. Темные пряди завитых и собранных в пучок волос отдаленно напоминали связку сухих веток. Особенно гармонично в эту внешность вписывался выдающийся прямой нос.

– Приятно с вами познакомиться.

– Давай без этих формальностей. Меня и так уже сегодня обозвали старухой, – выдерживая прежнюю иронию, ответила Лиля. – Это твой друг?

– Да. Зовут – Феликс Флейман.

– Это что, кличка?

– Нет, мое настоящее имя.

– Что ж, у твоих родителей хорошее чувство юмора.

– Да – отличная шутка длиною в жизнь.

– Ладно, что ты хотел узнать?

– Когда и как появился ваш театр.

– В связи с чем такой интерес?

– Просто меня пьесы еще ни разу так не касались. Вот я и подумал, что все это не просто так, – пытаюсь никак не выдать свои истинные цели, пожал я плечами. О, нет, я не солгал. По правде говоря, я не шибко разбираюсь в театре. Единственный спектакль, который я видел помимо «Резо» – это «Пигмалион» Бернарда Шоу. С ним у меня есть даже

забавная история. В общем, произошло это года три назад. Два билета на эту постановку в Театр Драмы подарили моей маме. Роль сопровождающего, конечно же, выпала мне. Я, как любой «образованный» человек, залез в википедию перед началом выступления и подробно изучил сюжет одноименного мифа. «Скульптор создал из слоновой кости статую девушки и влюбился в своё творение». «Античное искусство!», – подумал я. Пришли, началось первое действие. На сцене какие-то джентльмены, нищенка. В голове первый и единственный вопрос: «Что вообще происходит?». Я сразу стал про себя плевать, мол, «как отвратительно» и «современный театр все извратил». И я же потом с этими мыслями еще пару месяце ходил! Пока однажды не завел с кем-то разговор о нашем театре. Говорю, дескать: «Не понимаю я современный театр, все опошлил, исказили»; «Один этот Шоу чего стоит!». Вот же я ударил лицом в грязь тогда...

– Это приятно слышать, но если честно, я ничего нового не изобрела.

– Пускай, мне все равно любопытно, как ты до этого дошла.

– Жила лет десять назад в Москве, посещала «Школу драматического искусства» – так называется театр – где мне повезло увидеть постановку по «Кроткой» Достоевского. Вообще удивительный рассказ – написан в 76 году, а чистой воды модернизм, с таким ограниченным закрытым пространством. А это самоубийство с иконой в руках чего

стоит! – Лиля на какое-то время замолчала. – Что-то меня не туда понесло. Короче, я была еще тогда студенткой и вос-торгалась всем экстраординарным, а тут как раз их пьеса, представляешь, без единого слова. И всего два средства выражения – музыка и танец. Причем одно без другого вполне могло существовать. А все почему? Потому что когда идет от души – не важно какими путями пытаешься пробиться – своего зрителя или слушателя все равно найдешь.

– Как, собственно, они тебя и нашли?

– Ага. А затем все двигалось прозаично: я вернулась в Екатеринбург, собрала вокруг себя друзей и создала «Экспериментальный Студенческий Театр».

– Почему именно студенческий?

– А кто еще может беспечно жить, не работать и посвящать все свое до неприличного свободное время творчеству?

– И что, набираете всех желающих?

– Почему сразу всех? Если ответственный и что-то умеешь, то милости просим.

– Меня возьмете к себе?

Глаза Жени широко раскрылись от удивления. Лиля лишь улыбнулась уголком ровных губ.

– Для начала, что ты умеешь?

– Я умею писать художественные тексты, сценарии, а еще немного танцевать.

Про танцы, да и отчасти про тексты, я, конечно же, соврал. Так я пытался набить себе цену в глазах Лили.

– Мне так сразу сложно ответить – возьму ли тебя или нет. К тому же мы сейчас не нуждаемся в расширении труппы.

Я выразил на лице огорчение, насколько мне позволяла мимика. Хозяйка театра это сразу заметила и сама изменилась в лице.

– Лиль, пускай хотя бы покажет, что умеет. У нас и так сейчас дефицит мальчиков. Еще одни руки не будут лишними, – вдруг заступилась за меня Женя. В ответ я посмотрел ей в глаза, чтобы мысленно послать благодарность. В ее глазах же отчетливо читалось непонимание.

– Ладно. Только потому, что он твой друг, – смирилась Лиля. – Сейчас у нас завершение сезона, после которого мы уходим на каникулы. В следующий раз соберемся только в последнее воскресенье августа, чтобы обсудить новую программу. Приходи тогда, мы посмотрим, что ты умеешь. Как и куда добраться – спросишь у Жени.

Женя утвердительно кивнула.

– Хорошо, спасибо.

– Да, и прочитай «Степного волка» Гессе. Будет обсуждение будущей постановки.

– Уже читал.

– Тем проще. До встречи.

Лиля удалилась. Женя вновь посмотрела на меня вопросительно, но свои действия я намеренно объяснять не стал. Лишь попросил её номер, как ни в чем не бывало.

Было совершенно все равно, во что выльется сегодняш-

ний день. Важно было одно – лично увидеть, доказать себе существование.

IX. Театральный роман

Комедия в 4-х действиях

Действующие лица

Феликс Константинович Флейман, инспирист.

Евгения Дмитриевна Перескокова, актриса и философ по совместительству.

Лилия Романовна Заречная, руководитель театра «Э.С.Т.».

Мария #1, актриса.

Мария #2, актриса.

Незнакомки.

Незнакомцы.

Бродяга, юродивый.

Собаки.

Лирический герой.

Действие происходит в имении Л. Р. Заречной, а также вблизи его окрестностей.

Действие первое

Станция «Палкино». Феликс Константинович в одиночестве стоит на перроне близ железнодорожных путей.

Флейман (начиная ходить по перрону взад-вперед): Уже три часа! Где ее носит? Договаривались же встретиться в два.

Пауза.

Лирический герой: Что случилось этой осенью? Облака и небо слились воедино и стали густой одноцветной массой. Замерзающая за ночь трава перестала оттаивать к обеду. Популяция голубей прекратила просыпаться каждый день полным составом.

Появляется Бродяга. Проходит мимо Феликса Константиновича и заглядывает в мусорный бак с надеждой отыскать алюминиевую банку, но ничего не находит и начинает распыливать мёртвых голубей, как сухие листья.

Бродяга (кричит, отправляя в последний полет очередного голубя): Гагарин!

Бродяга уходит.

Флейман (останавливается, чтоб опереться о фонарный столб): Хоть бы позвонила и извинилась, что опаздывает.

Появляется собака.

Собака (скуля): Воу-воу-воу.

Захлебываясь слюной, собака с бешеными глазами удирает от злобной дворняги. Физическое превосходство второй не заставляет долго ждать: схватка случилась в метре от ног Феликса Константиновича. Проходит еще секунд пять-десять, и два животных расходятся в разные стороны. На перроне остается прозрачная лужа.

Собаки уходят.

Флейман (вздыхая): Эх, Россия.

Появляется Евгения Дмитриевна в сети мессенджера.

Перескокова (15:00): Феликс

Перескокова (15:02): Ты здесь?

Флейман (15:02): Здесь – это где?

Флейман (15:02): В сети или там, где тебя нет?

Перескокова (15:02): Прости :(

Перескокова (15:03): У меня ЧП

Перескокова (15:03): Я не смогу тебя встретить

Флейман (15:03): Как здорово, что ты меня заранее предупредила.

Перескокова (15:03): У меня телефон сел...

Флейман (15:04): Так и думал.

Флейман (15:04): У тебя что-то серьезное случилось?

Перескокова (15:04): Расскажу как-нибудь при встрече

Перескокова (15:06): Я попросила Лилю тебя встретить.

Флейман (15:07): Хорошо.

Флейман (15:08): Спасибо за заботу.

Перескокова (15:08): Не обижайся, пожалуйста

Перескокова (15:08): Я не специально.

Флейман (15:09): Да я и не думал обижаться. Не переживай об этом.

Перескокова (15:09): Ок, спс

Евгения Дмитриевна становится оффлайн.

Флейман (вздыхая): Пока не сказала «не обижайся» – обидно не было.

Лирический герой: Смеркалось.

Появляется Лилия Романовна.

Заречная (махая рукой): Эй, давно здесь стоишь?

Флейман (с ухмылкой): Совсем недолго – буквально час.

Заречная: А я смотрю – ты уже синеть стал. Отсюда слышно, как челюсть стучит.

Флейман: Говорят, на морозе против собственной воли даже уснуть можно.

Заречная: Или умереть.

Флейман (указывая на замерзшую птицу): Вышло бы отличное чучело. Не хуже голубинового.

Заречная (улыбаясь): Люблю, когда люди умеют смотреть на нелепые ситуации с юмором.

Пауза.

Заречная: Меня же за спасение можешь не благодарить.

Флейман: Бью челом за ваше позволение.

Заречная (становясь серьезнее): Переигрываешь.

Флейман: Положение обязывает.

Пауза.

Заречная: Тебя зовут – Феликс, да?

Флейман: Да.

Заречная: А меня – Лиля, если не помнишь. Ты прости, что пришлось тащиться в такую даль.

Флейман: Любопытно, почему именно «Палкино»? В городе больше нет подходящих мест для собраний?

Заречная: В городе мест для собраний много, а вот «Дом Неизвестного Актера» один на всю область.

Флейман: Дом кого?.. Никогда не слышал о таком.

Заречная: Ну, конечно, это же дом «Не-из-вест-но-го» актера.

Флейман: И что это за актер такой?

Заречная: Я и говорю «Не-из-вест...»...

Флейман: Это я понял. Я спрашивал конкретнее.

Заречная: Да это мой дом на самом деле. А название такое просто прижилось. Точнее: так дом называла бабушка, которая его продавала. Дескать, актер здесь когда-то жил, «неизвестный».

Флейман: И как совпало!

Заречная: Иронично, да.

Флейман: Видать, сама судьба велела здесь собираться.

Заречная: Ко всему прочему место приятное, тихое. Всяко лучше города.

Флейман: И при желании пошуметь можно, да?

Заречная (непонимающе): В каком смысле?

Флейман: Ну, поразвлекься по-человечески – с горячим и громкой музыкой? Без перестуков соседей по батарее.

Заречная: Кстати, как раз об этом: в моем доме два табу. Во-первых: никакого алкоголя. Во-вторых: никаких сношений.

Флейман: Справедливо. В каждом монастыре свои уставы.

Заречная (улыбнувшись уголком губ): Благодарю за пони-

мание.

Флейман (переводя взгляд на ноги): Можно еще вопрос?

Заречная: Валяй.

Флейман (возвращая взгляд на Заречную): Будет ли сегодня рыжая девушка из спектакля «Резо»?

Заречная: Кто именно?

Флейман: Я точно не помню, но кажется ее имя начинается на «В».

Заречная: Честно – не знаю таких.

Флейман: Такая худая, с зелеными глазами? Ходила с кувшином еще?

Заречная: Судя по всему ты имеешь в виду Маш. Только одна полноватая, а другая с голубыми глазами.

Флейман: Не уверен.

Заречная: Во всяком случае, никто кроме них ту роль не исполнял. Обе рыжие и обе сегодня будут.

Флейман: Что ж, спасибо за информацию.

Заречная: А у тебя к ним... к ней какое-то дело?

Флейман: Нет, просто хотел поблагодарить за великолепное исполне...

Заречная (перебивая Флеймана): Ты посмотри – не успела от дома отойти, они уже в ларек плетутся.

Флейман: Первое табу, да?

Заречная: Еще не нарушено, но стоит проконтролировать. Ты же не потеряешься, если я скажу, куда тебе идти?

Флейман: Да вроде не должен.

Заречная (показывая куда-то вдаль): Здесь по прямой, забрести в лес не должен. Увидишь высокий малинник – подходи к нему ближе, там двухэтажный дом с железным петухом на крыше. У калитки не стой, сразу заходи во двор. А я в скором времени вернусь.

Флейман: Давай.

Лилия Романовна уходит.

Действие второе

Малинник вблизи имения Л. Р. Заречной. Феликс Константинович в одиночестве стоит у калитки и не решается войти.

Флейман (негодующе): И что я скажу всем, когда зайду?

Пауза.

Лирический герой: Яркий свет виднелся только в окнах утопающего дома. Ослеплённый, точно мотылек, странник направился в сторону горящих лампочек «Ильича».

Флейман: Моя фамилия Флейман. Идет она от плебейского самоуправства...

Появляется Незнакомка.

Незнакомка (вздрагивая): Ой, ты меня напугал.

Флейман (сдерживая улыбку от внезапного разрешения судьбы): Прошу прощения.

Незнакомка (прищуривая в сумерках глаза): Тебя, случайно, не Феликсом зовут?

Флейман: Да, приятно познакомиться.

Пауза.

Незнакомка: А ты чего здесь стоишь?

Флейман: Увлёкся малиной.

Незнакомка: Разве там не голые кусты без ягод?

Флейман (выдерживая серьёзность): Я не терял надежды.

Незнакомка: Слабо верится, но дело твоё... Когда закончишь, заходи в переднюю. Вещи можно бросить в общую кухню. Вешалки все равно нет.

Незнакомка уходит.

Появляется двухэтажный дом с целым рядом безымянных пристроек.

Лирический герой: Это великаны! Если тебе страшно, так отойди в сторону и читай молитвы.

Флейман: Тварь ли я дрожащая?

Лирический герой: Превозмогая страх идальго ринулся вперед.

Появляется трупна.

Флейман: Здравствуйте.

Пауза.

Лирический герой: Народ безмолвствует.

Появляется Лилия Романовна.

Заречная: Вот и все в сборе. Можно начинать.

Труппа во главе с Лилией Романовой устремилась к большому круглому столу овальной формы. Феликс Константинович следует за ними.

Незнакомец: Почему стулья такие жесткие?

Незнакомка: Потому что они из дерева.

Заречная: Тише! Давайте приступим к обсуждению уже.

Пауза.

Заречная: Надеюсь, все прочитали роман?

Незнакомец: Еще бы.

Незнакомка: Да, конечно.

Заречная: Значит, пересказывать сюжет не стану и сразу приступлю к разбору ролей.

Незнакомец (возбужденно потирая ладони): Уф, а кто будет главным героем?

Заречная: Никто. Я решила, что главные роли будут исключительно женские.

Незнакомец: Как так? Ведь главный герой книги Гарри Галлер.

Незнакомка: Во-во, как-то странно.

Заречная: Так, давайте не будем забывать, что у нас экспериментальный театр. Следовательно я изменила перспективу, сделав Галлера лишь средством, через которое героини будут достигать преобразования.

Незнакомка: Их много?

Заречная: Их две: Мария и Гермина. Через них постараемся символично показать плотскую и платоническую любовь: как она разгорается и к чему приводит.

Незнакомка: И кто есть кто?

Заречная: Мария будет олицетворять плотскую, телесную любовь. В ее речи и движениях должно быть много чувств и страсти.

Незнакомка: В принципе, я бы попробовала ее сыграть.

Заречная: Роль значимая и сложная. Поэтому доверим ее новичку – Жене.

Незнакомка: Не честно – она даже не пришла сегодня.

Заречная: У нее были весомые причины.

Незнакомец: «У-уу, слишком далеко ехать»?

Заречная: Гермина будет зеркальным отражением Марии. Постараемся показать это на сильном контрасте.

Незнакомка: О, такое я точно смогу исполнить.

Заречная: Герминой будет Маша.

Маша #1: Какая?

Маша #2: Какая?

Заречная: Вторая.

Маша #2: Хорошо.

Маша #1: Хорошо.

Незнакомка: А я что ли опять играю декорацию?

Незнакомец: А кто же Галлер?

Пауза

Заречная: Я еще не определилась, поэтому давайте пока перейдем к структуре пьесы.

Незнакомец: Не представляю, как мы будем вписывать сюжет романа в подобную идею. Оно же между собой не вяжется.

Заречная: Есть вариант поделить пьесу на четыре символических акта: одиночество, знакомство с разновидностями любви, внутренняя борьба, обретение смысла жизни и истинной любви.

Незнакомец: Что-то у меня в голове пазл не складывается.

Незнакомка: А кто решил, что Мария и Гермина именно так противопоставляются? В романе же такого не было.

Незнакомец: Кстати, да. А еще убийство Гермины в конце (а оно же самоубийство Гарри по одной из трактовок произведения) далеко от «обретения смысла жизни».

Флейман: Можно я скажу?

Пауза.

Лирический герой: Народ безмолвствует.

Заречная: Говори.

Флейман: Я хочу предложить другую структуру.

Заречная: Какую?

Флейман: Пять актов: одиночество, обретение друга, мытарства, потеря друга (она же утрата истинной любви), одиночество. Кольцевая композиция, а также трагичность повествования больше соответствовали духу произведения Гессе. Затем, почему бы нам не повторить опыт «Школы драматического искусства»? Вместо диалогов – музыка, а взамен обычных жестов – танцы. Марие оставим чувственность и страсть, только в хореографии. Гермина же должна не противопоставляться Марие, а дублировать Гарри. Её танцевальная часть заполняла бы пустоты в движениях Гарри, дополняла их. Только представьте: Гарри начинает танцевать, но то останавливается, то делает все неуклюже, пока не появляется Гермина. Она выполняла бы за него те движения, которые он не способен выполнить, а еще лучше, если бы она помогала завершать вместе с ним какие-нибудь движения. А ближе к кульминации она могла бы полностью подчинить его себе. А еще для музыкального сопровождения было бы здорово выбрать джаз. Его идеология более чем подходит по духу такой пьесе. А в качестве заглавной темы я бы выбрал композицию Two Lonely People Билла Эванса.

Феликс Константинович достает телефон и включает на нем вышеупомянутую мелодию. Группа неподвижно слушает.

Флейман: Кто что думает?

Лирический герой: Народ безмолвствует.

Заречная: Спасибо, Феликс. Звучит неплохо. Но я подумаю над этим.

Флейман (расцветая в улыбке): Рад был помочь.

Заречная: Я пока слушала, поняла, кто идеально сыграет роль Гарри Галлера.

Незнакомец: Кто?

Незнакомка: Кто?

Заречная: Данил Ветров.

Незнакомка: Согласна, идеально подходит.

Незнакомец: Ну, да. Я тоже о нем подумал.

Заречная: Маша, напишешь сценарий?

Маша #1: Какая?

Маша #2: Какая?

Заречная: Первая.

Маша #2: Хорошо.

Маша #1: Хорошо.

Заречная: Костюмами займется Кристина. За музыку будет отвечать Рома.

Флейман: А я могу быть чем-нибудь полезен?

Пауза.

Заречная: Думаю, ты мог бы помочь Маше со сценарием.
Флейман (без особого энтузиазма): Ладно.

Заречная: Тогда собрание можно считать закрытым. Кто спешит домой – собирайтесь, я вас провожу до станции. Ну, а кто рассчитывает ночевать в «Доме Актера» – почувствуйте себя как дома.

Группа встала и разбрелась по разным углам. Феликс Константинович остался сидеть на прежнем месте.

Заречная (обращаясь к Флейману): Решил остаться?

Флейман: Пожалуй. Как-то жалко возвращаться домой так скоро. Ожидание, кажется, длилось дольше.

Заречная: Дело твое. Но если все же решишься уйти, знай – придется топтать по рельсам пешком. Еще час-полтора и электрички здесь перестанут ходить.

Флейман: Учту.

Заречная: Ладно, скоро вернусь.

Лилия Романовна уходит.

Группа продолжает шуметь между собой. Феликс Константинович сидит в одиночестве по центру стола.

Лирический герой: Ласковое безразличие мира.

Появляется Незнакомка.

Незнакомка: Ты достойно себя держал. Лиля несомненно заинтересовалась тобой.

Незнакомка садится на стул справа от Феликса Константиновича.

Флейман (вздрагивает): Ой, ты меня напугала.

Незнакомка: Прошу прощения.

Флейман (рассматривая собеседницу): Мы с тобой случайно не пересекались у маличника?

Незнакомка: Случайно пересекались.

Флейман: На улице было темно – я тебя не разглядел.

Незнакомка: Еще бы – ты был так увлечен малиной!

Флейман: Не видел тебя на собрании. Ты отсутствовала?

Незнакомка: Я была на нем от начала до конца.

Флейман: Странно, я тебя не заметил.

Пауза.

Флейман (прищуриваясь): А ты случайно не играла девушку с кувшином в постановке «Резо»?

Незнакомка: Случайно играла.

Флейман (произнося мысли в слух): Невероятно!

Воскресенская: Что именно?

Флейман: Я так давно мечтал с тобой... поговорить. Ну, как с актрисой, исполняющей такую роль.

Воскресенская: «Такую роль»? Я бы не сказала, что дела-ла тогда что-то особенное, кроме хождения между рядами с кувшином.

Флейман: Для тебя она простая, а на меня произвела на-стоящее впечатление.

Воскресенская: Слабо верится, но все равно приятно.

Флейман: А меня ты не помнишь? Я сидел на самом край-нем месте слева.

Воскресенская: Так это ты тот безумный, который весь спектакль пялился на меня?

Флейман: Не пялился, а наслаждался великолепной иг-рой.

Воскресенская (смеясь): Допустим.

Пауза.

Воскресенская: Не желаешь прогуляться?

Флейман (противореча своим истинным желаниям): Раз-ве Лиля не будет против подобного? Я сам был свидетелем того, как она гонялась за кем-то из ваших.

Воскресенская: А ты здесь видишь Лилю?

Флейман (осматриваясь по сторонам): Нет.

Воскресенская: Тогда в чем вопрос? Предлагаю сбежать, пока не поздно.

Флейман: Какой план?

Воскресенская: Я выхожу на улицу первая, якобы подышать свежим воздухом. А ты выжидаешь минуты две-три и уходишь словно домой.

Флейман: Мое исчезновение здесь в любом случае не заметят.

Воскресенская: Тогда буду ждать тебя на улице.

Воскресенская уходит.

Действие третье

Малинник вблизи имения Л. Р. Заречной. Феликс Константинович в одиночестве стоит у калитки и оглядывается по сторонам.

Флейман: Где же ты?

Воскресенская выглядывает из кустов.

Воскресенская: Тише!

Флейман: Я уж начал думать, что ты сбежала. Где ты была?

Воскресенская: А что, не видно? В малиннике сидела.

Флейман: Там же нет ягод.

Воскресенская (безэмоционально): Остроумно.

Флейман: Ты хорошо знаешь местность?

Воскресенская: Для начала уйди со света.

Феликс Константинович заходит в кусты.

Флейман: Что теперь?

Воскресенская: Насчет три бежим.

Флейман: Куда?

Воскресенская: Раз.

Флейман: В какую сторону хотя бы?

Воскресенская: Два.

Шорох.

Воскресенская: Три.

Воскресенская выбегает из кустов. Феликс Константинович резко выпрыгивает и следует за ней.

Появляется ларек.

Лирический герой: Беззвучный свет оглушает меня.

Флейман (сдерживая смех смешанный с одышкой): Самая нелепая авантюра, в которой я участвовал.

Воскресенская (смеясь в голос): Ей-богу, как дети.

Флейман: Куда пойдём теперь?

Воскресенская: А как насчёт того, чтобы нарушить одно
Лилино табу?

Флейман: Какое табу?

Воскресенская: Давай напьемся?

Флейман: Так сразу?

Воскресенская: А что тянуть?

Феликс Константинович достаёт из заднего кармана джинс кошелек, пересчитывает взглядом купюры.

Флейман: Что будешь?

Воскресенская: Думаешь выбор здесь имеет значение?

Феликс Константинович подходит к ларьку и стучит в маленькое окно. Свет внутри настолько яркий, что невозможно разглядеть, что происходит внутри.

Отворяется окно и появляется Незнакомка.

Флейман: У вас есть алкогольные коктейли?

Незнакомка (скучающим голосом): «Аморе» устраивает?

Флейман: Найдется два?

Незнакомка: Паспорт будет? Восемнадцать есть?

Флейман: А по мне не дашь?

Незнакомка лениво протягивает две банки в обмен на курь.

Лирический герой: Тридцать три пятьдесят – «любовь» еще никогда не стоила так дешево!

Закрывается окно и исчезает Незнакомка.

Флейман (протягивая банку Воскресенской): Куда теперь?

Воскресенская: Здесь неподалеку есть речка.

Флейман (пожимая плечами): Веди.

Ларек исчезает.

Появляется темный ряд деревянных одноэтажных домов.

Воскресенская: Ты сказал, что мечтал со мной поговорить. О чем же?

Флейман: О тебе.

Воскресенская: А если серьезно?

Флейман: Серьезно. Когда наблюдаешь за игрой понравившейся актрисы, сидя в зрительном зале, вполне естественно начинаешь представлять, какой она является в своей обычной жизни.

Воскресенская: Любопытно, какой ты меня представлял?

Флейман: Студенткой какой-нибудь художки. Экцентричной, которая то и дело вытворяет безумные вещи.

Воскресенская (смеясь): Многократное попадание!

Флейман: Ты шутишь?

Воскресенская: Я учусь на дизайнера в «Архе». А все остальное ты и так уже видел.

Флейман: Во мне явно умер либо психолог, либо прорицатель.

Воскресенская: Давай теперь я буду угадывать, кто ты.

Флейман: Начинай.

Воскресенская: Ты программист?

Флейман: Мимо.

Воскресенская: Физик-ядерщик?

Флейман: Мимо.

Воскресенская: Но ты точно технарь, да?

Флейман: Не угадала. Я – переводчик.

Воскресенская (удивленно): Ого... Ты книжки переводишь?

Флейман: Этим занимаются «транслейторы».

Воскресенская: А ты?

Флейман: «Интерпретер» – переводчик в реальном времени.

Воскресенская: Это те, кто трутся возле дипломатов и нашептывают им на ухо?

Флейман: Не обязательно на ухо – можно вещать через гарнитуру. Но суть, в принципе, та же.

Воскресенская: Звучит престижно.

Флейман: Но я себя слабо им представляю.

Воскресенская: А кем тогда?

Флейман: Не поверишь – переводчиком книг.

Воскресенская: Иронично.

Флейман: Однако мне до него, как до Луны.

Воскресенская: Если ты научишься переводить в реальном времени, разве тебе не будет проще перейти на сиделки со словариком?

Флейман: Все не так просто, как тебе кажется. Переводить книгу – все равно, что писать уникальный роман по уже готовому сюжету. Если тебе чужда изобразительность, а в голове только краткость и емкость, то какими бы «интерпреторскими» способностями ты не обладал – ничего хорошего из пера не выйдет.

Воскресенская: Ладно, спорить не буду.

Молчание.

Воскресенская: Но ты же как-то пытаешься приблизиться к своей цели?

Флейман: Иногда я пишу на родном языке: веду дневники и время от времени сочиняю прозу.

Воскресенская: Так ты еще и писатель?

Флейман: Как-то громко сказано. Я лишь любитель в состоянии непрерывных поисков.

Воскресенская: Да, и о чем же сейчас пишут любители?

Флейман: О прозе жизни: фантазии, воображении и вдохновении.

Воскресенская: Я удивлена.

Флейман: Чему?

Воскресенская: Что ты до сих пор не умер от скуки.

Флейман: Смейся. Мне все равно.

Воскресенская: Вот правда – зачем ты об этом пишешь?

Флейман: Ты хорошо помнишь «Доктора Живаго»? Вся

жизнь главного героя идет наперекосяк: он доктор, это даже подчеркнуто в названии книги, но его карьера никак не складывается; у него была семья и любовь всей его жизни, однако он теряет и то и другое. А в конце он просто умирает в душный день от сердечного приступа. Но при всех этих нелепых исходах его жизнь нельзя назвать *сломанной*. Знаешь почему? Потому что он оставил после себя «Стихотворения Юрия Живаго».

Воскресенская: Просто стихотворения?

Флейман: Не просто стихотворения, а вечную частичку настоящего себя в этом мире.

Воскресенская: И как, где-нибудь оставил?

Флейман: Нет, но уже в процессе.

Воскресенская: Что ж, любопытно. Если бы я умела писать, то делала бы это исключительно ради одной цели.

Флейман: Какой же?

Воскресенская: Доносить до окружающих свои самые сокровенные мысли.

Флейман: В чем проблема делиться ими при живом общении?

Воскресенская: Думаешь, кому-то есть до них дело?

Флейман: Мне.

Воскресенская: Как по мне, тебя интересует только ты сам.

Появляется метровый забор, за которым виднеется

частный приречный пирс.

Флейман: Похоже дальше мы не пройдем.

Воскресенская (перекидывая одну ногу через ограждение): Испугался забора?

Флейман (напряженно): Здесь кто-то живет.

Воскресенская: Вот ли не все равно?

Флейман (перелезая через забор): Так делать неправильно.

Воскресенская и Флейман крадутся мимо дома и садятся на пирс.

Лирический герой: На матовом речном экране вполне могло отражаться полное звезд небо, однако скудный десяток жемчужных плевочков всегда являлся максимальной величиной сего края.

Воскресенская: У тебя никогда не возникает чувство, что помимо нас кто-то еще говорит?

Флейман: Нет.

Молчание.

Воскресенская: Чудесно здесь.

Флейман: В городе редко встретишь такое звездное небо.

Воскресенская: На небе есть звезды?

Флейман (указывая пальцем на особенно яркие точки): Разве ты не видишь? Вон, смотри: здесь, здесь и еще здесь. А там можно разглядеть большую медведицу. Я когда был маленьким долго не мог понять, почему этот ковш назвали «медведем».

Воскресенская: Вижу сплошную черную массу.

Флейман (непонимающе): Ты присмотришься.

Воскресенская: У меня зрение плохое. Звезды ни в очках ни в линзах разглядеть не смогу.

Флейман: Прости, я не знал.

Воскресенская: Зачем ты извиняешься? Я так с детства вижу, поэтому сама не знаю, что потеряла.

Молчание.

Воскресенская: Врать не буду – я всегда мечтала увидеть полное звезд небо.

Флейман: Если бы я мог, то сделал бы все, чтобы тебе его показать.

Воскресенская: Мы едва ли знакомы, чтобы делать подобные заявления.

Молчание.

Флейман: Ты видишь рябь на воде?

Воскресенская: Да, кажется дождь начинается.

Флейман: Эти удары капель о водную гладь напоминают мелодию.

Воскресенская: Я ничего не слышу.

Молчание.

Лирический герой: Суть музыки – молчание.

Воскресенская: В нашем театре у тебя нет шансов.

Флейман (словно не расслышав): Что?

Воскресенская: Я это сразу поняла со слов Лили, просто не хотела тебя расстраивать. Когда она загорается человеком, то пытается по-максимуму его задействовать в пьесе, а тебя, мягко говоря, отшила. Ты и сам это должен понимать.

Флейман: Я и не надеялся попасть в «Э.С.Т.». Театр для меня – темный лес.

Воскресенская: Зачем же тогда ты тащился в такую даль?

Флейман: Чтобы найти тебя.

Воскресенская: Зачем?

Флейман: Хотел еще раз увидеть тебя.

Воскресенская: И все? Ты же понимаешь, что мы сегодня вероятнее всего разговариваем в последний раз?

Молчание.

Воскресенская: Хочешь, я скажу, о чем сейчас мечтаю больше всего?

Флейман: Увидеть звезды?

Воскресенская: Не угадал. Я хочу вновь ощутить на себе-
*тот*твой взгляд.

Флейман: Разве я весь вечер смотрю на тебя как-то иначе?

Воскресенская: Ты сдерживаешь себя.

Молчание.

Воскресенская: Давай нарушим еще одно табу?

Звезды окончательно гаснут.

Действие четвертое

Флигель на территории имения Л. Р. Заречной. Феликс Константинович держит за руку Воскресенскую.

Лирический герой: Миниатюрная, она оказалась в полтора раза меньше его ладони. Её пальцы дрожат, и от этой беспомощности в нем просыпается еще большая решимость войти.

Флейман (шепотом): В доме похоже давно уже спят. Нас вряд ли заметят вместе.

Воскресенская молчаливо кивает.

Лирический герой: Дыры ржавого мангала вдалеке посыплют наши головы пеплом. Молохообразное железо рдеет, мерцает, гаснет, снова мерцает, рдеет и гаснет.

Флейман (толкая ручку): Дверь похоже не заперта. Заходи.

Воскресенская молчаливо кивает.

Феликс Константинович заводит девушку во внутрь флигеля.

Лирический герой: Пустой, он кажется живее всего, что сейчас обитает на улице. Под ногами скрипят половицы, и даже слышно, как все доски и брёвна основания подхватывают резонанс где-то там, на глубине.

Феликс: Ты была права – здесь все обставлено, как в обычной комнате.

Воскресенская молчаливо кивает.

Лирический герой: В центре – двуспальная кровать, а над ней обнажённая на цоколе лампочка.

Феликс: Я не буду включать свет, ты не против? Иначе с улицы будет все видно.

Воскресенская молчаливо кивает.

Лирический герой: Представшая очертаниями в темноте комната была изнутри обшита досками. Широкая, она уходила вдаль и сужалась в острый угол, словно нос корабля. Отдаленно помещение напоминало севший на мель ковчег.

Феликс: Располагайся. Я задерну шторы и сразу к тебе вернусь.

Феликс Константинович отходит к окну.

Лирический герой: Миновав его, легкая девичья фигура

легла на кровать. Ее легкие вздымали грудь: медленный вдох и стремительный выдох.

Феликс: Здесь тяжело дышать.

Флигель наполняют всхлипывания.

Лирический герой: Она растянулась по струнке. Глаза уставились в пустоту.

Феликс: Что случилось?

Воскресенская отворачивается к стене. Ее спина подрагивает – девушка тихо плачет.

Феликс Константинович ложится рядом. Посередине кровати остается пустое пространство.

Пауза.

Тишина.

Молчание.

Сцена замирает и больше ничего не происходит.

Х. Инспиризм, или мир сквозь призму вдохновения

Записки Ф. К. Флеймана

Фрагмент первый

Многие люди ложно понимают, что такое «вдохновение». Бытует мнение, что это просто мотивация или сильное побуждение на свершение какого-нибудь действия. Но это лишь верхушка айсберга, поскольку основная функция «вдохновения» – это преобразование жизни.

Вдохновение не воспринимается ни одним из пяти чувств, но при этом оно не является чем-то метафизическим, и может ощущаться одним из органов человека. Глаза, чтобы видеть; уши, чтобы слышать; нос, чтобы обонять; язык, чтобы вкушать; кожа, чтобы осязать. И только сердце, чтобы вдохновлять все существо человека.

Вдохновение есть воодушевление. Обретение души. «И дал Адаму тело смертное... и вдохнул в него дух жизни, и он сделался живым».

Душа – одно из пяти необъяснимых онтологических явлений. Наравне с жизнью, смертью, любовью и духом ее невозможно в полноте описать человеческим языком. Ни про какое из этих пяти понятий невозможно рассказать исчерпывающе. Однако одно несомненно точно – душа есть у каждого живого человека.

Вдохновение – это не сама душа, но средство ее ощущения. Оно словно наполняет внутренность теплом, пробуждающим самое сокровенное в теле человека.

Вдохновение иссякаемо. Как запас пищи, воды или любой иной энергии. Воспринимается людьми по-разному. Также имеет разную силу воздействия, а значит, подлежит иерархизации.

Вопрос: для чего нужно вдохновение?

Ответ: для преобразования жизни.

Вопрос: как?

Ответ: через воображение и мировосприятие.

Мир так устроен, что в нем нет ничего лишнего. Неспроста человеку дано побуждающее возвышенное ощущение глубоко внутри. Не для того ли, чтобы он применил его в свою пользу?

Человек воспринимает мир через свое сознание. Восприятие и представление обо всем окружающем формируется в мыслях с помощью воображения. Разжечь воображение подвластно только вдохновению. Чем сильнее человек вдохновлен, тем больше идей генерирует воображение. Чем больше идей генерирует воображение, тем больше шансов выдумать и создать то, чего раньше не существовало.

Вопрос: зачем?

Ответ: чтобы обрести смысл существования.

В каждом из нас заложен творец. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему». Прекрасное чувство созидания дано нам от рождения, чтобы не потребляли, но приносили в мир нечто новое. Ген Создателя.

Вопрос: что делать?

Ответ: понять, как пользоваться бесценным даром.

Фрагмент второй

Как было заявлено ранее, вдохновение подлежит иерархизации. Субъектом размышлений был и остается человек. Под объектом предполагается «источник вдохновения». Восприятие одного объекта разными субъектами может сильно отличаться в силу индивидуально-личностных особенностей, предпочтений, жизненного опыта, социальной среды и других факторов. Если на одного человека объект имеет сильное воздействия, то есть вероятность, что на другого он будет производить нулевой эффект. Исходя из этого, иерархию следует выстраивать по чистоте и универсальности объектов.

В корне «источники вдохновения» разделяются на две большие категории по происхождению. Природные, или иными словами те, что возникли самостоятельно, без вмешательства человека. И, собственно, человеческие – уникальные творения, не имеющие аналогов в мире.

Источники вдохновения человеческого происхождения – это все многообразие мировой античной, классической и современной культуры. Это музыка, изобразительное искусство, архитектура, театр, литература, кинематограф, фотография и даже видеоигры. Единственное требование ко всем источникам: они должны содержать эстетическую и эмоциональную составляющую. Гармонию внутреннего и внешнего.

Эстетике присуще иметь сразу два полюса: положительный и отрицательный. Амбивалентность красоты. На конце одного полюса «идеал Мадонны»; на конце другого – «идеал Содома».

Вопросы этики вне системы.

Эмоция – это частичка творца в источнике вдохновения. Она может быть как конкретной, так и завуалированной (от этого зависит, каким будет восприятие: точным или обратным). Эмоция, так же как и эстетика, обладает двумя полюсами: положительным и отрицательным. Грусть и радость. Трагедия и комедия.

Воздействие объекта происходит только при активности самого субъекта.

В иерархии эта категория источников вдохновения самая грязная и несовершенная. Грязная, потому что разрознена и хаотичная внутри системы. Несовершенная, потому что имеет возможность приближаться к идеалу без способности его постичь.

Фрагмент третий

Источники вдохновения природного происхождения – это совокупность всех живых организмов, неживых субстанций, в том числе явлений физического и абстрактного характера, которые произошли по божественной воле.

Например:

- Живые организмы (птицы, животные, растения, люди)
- Неживые субстанции (моря, горы, звёзды)
- Физические явления (радуга, дождь, ветер)
- Абстрактные явления (любовь)

Важно отметить, что в эти группы не включены объекты, происходящие или зависящие от человека. То есть человек здесь выступает не как родитель себе подобных или носитель определенных качеств, умений, знаний и характера, а эстетическое целое. Внешний облик человека зависит не от него самого или его родителей, а от природной случайности или божественной прихоти. Следовательно, среди неживых субстанций значителен не акт создания нового водоёма искусственным путем, а сам факт существования реки, озера, моря или океана по воле Творца.

Первые три группы содержат исключительно эстетическую составляющую. На каждого отдельно взятого человека эти источники имеют неоднозначное воздействие, однако большинство людей осознает красоту и превосходство этих

объектов.

Эстетике природы присуща двухполюсная амбивалентность: хаос и гармония. Созидание и разрушение.

Воздействие объекта на субъект происходит пассивным путем, поскольку природные законы неизменны и цикличны. От субъекта требуется только визуальное, аудиальное или кинестетическое внимание (концентрация на источнике).

В иерархии эта категория источников вдохновения грязная, но приближенная к совершенству. Грязная, потому что разрознена и хаотичная внутри системы. Приближенная к совершенству, поскольку в целом следует строгим правилам и законам.

Исключением является последняя четвертая группа.

Фрагмент последний: Грамматика любви

Любовь – самое сложное, непонятное и запутанное онтологическое явление. Любовь как источник вдохновения вбирает в себя все: грязь и несовершенство; полноту и чистоту.

Эстетике любви, как и всему природному, присуща двухполюсная амбивалентность: хаос и гармония. Созидание и разрушение.

Любая попытка предать любовь иерархизации рушится как мозаика из несовместимых фрагментов. Сложилось так: одно слово, но бесконечное множество несхожих феноменов.

Любовь – идеал, и у каждого человека он свой.

* * *

Я ощутил огонь любви пять раз, и каждое его пришествие разнилось с предыдущими.

Бесцветный (storgē). Грань – привязанность: знакома многим людям. Впервые возникает к родителям, позже к животным и друзьям. Иногда испытывается к вещам. Как вдохновение она не ощутима.

Красный (eros). Грань – страсть. Начинается с симпатии, разжигается до влечения. Горение охватывает прежде всего тело, но не душу. Содержит в себе животное начало. Как вдохновение пылает сильно и ярко, но вспыхивает и гаснет

моментально.

Алый (mania). Грань – одержимость. Сугубая степень страсти. Эмоциональная и безумная. Необузданная, она сливается в похоть. Как вдохновение пылает сильно, ярко, обжигающе, но вспыхивает и гаснет непредсказуемо.

Синий (philia). Грань – притяжение. Осознается как дружелюбность, душевная близость. Возможна только при полной взаимности. Зачастую берёт своё начало из **storgē**, посему она присуща к родителям и, собственно, друзьям. Как вдохновение теплится мягко и неспешно, однако очаг сохраняется практически вечно.

Белый (agape). Грань – жертвенность. Условно понимается как духовная близость. Долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Как вдохновение горит абсолютно и вечно.

* * *

Мозаика стала рассыпаться, когда я увидел, что любая степень любви, кроме белой, содержит в себе разрушение и созидание. Когда то или иное начало срабатывает – предсказать невозможно. Лишь только **agape** неизменно сохраняет гармонию. Но **agape** недостаточно для совершенства.

Совершенная любовь не задержится на **storgē**, разгорится до **eros**, но остановится на грани перед **mania**, чтобы расцве-

сти в**philia**и достичь**agape**. Только в совокупности граней, которые умеют созидать, и гармонии тела, души и духа возможна истинная любовь. Та, что пишется с заглавной буквы.

XI. Идеальная геометрия

Феликс Флейман открыл глаза.

В душном зале джаз-клуба не было ни души. Стильно подстриженные бороды выкуривали сигарету за сигаретой, дражные джинсы с подкатами отбивали ритм, а узкополые шляпы едва уловимо покачивались под слепым светом лампочек Эдисона. Одинокий стул у входа давно закончил излюбленные поборы и уже скучающе ожидал скорейшее закрытие. На сцене шумело стандартное трио: пианино, контрабас и ударная установка. Бутылки, склянки, стаканы искусно лавировали между массивными айсбергами-столами.

Феликс Флейман закрыл глаза.

Уже много лет назад было решено, что пятнадцатое сентября мы всецело посвятим покойнику. Музыканты отдавали дань гению посредством обыкновенного перебирания аккордов мелодии The Two Lonely People, но даже на таком любительском уровне композиция звучала великолепно.

– Музыке не всегда нужен текст, чтобы ее понимали люди, – раздался хриплый голос впереди.

Феликс Флейман открыл глаза.

Исполинских размеров мужчина нависал над свободным стулом напротив. Его острые скулы покрывала серым мхом многодневная щетина. В нос, напоминающий отвесную скалу, намертво был врезан мост узких очков. Огромные руки

на деревянной спинке напоминали скорее высохшие корни.

– Простите, вы со мной разговариваете?

– Вы никого не ожидаете? – сухо спросил незнакомец.

– Нет, я всегда один.

– Тогда вы не будете против, если я составлю вам компанию?

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Гигант совершал движения осторожно и неспешно, словно испытывал боль в каждом суставе. Расстегнув пуговицу старого заплата́нного пиджака, он медленно опустился на стул, выждал пару секунд и, наконец, подвинулся ко столу вплотную.

– Потрясающая музыка, вы так не считаете? – тяжело спросил неожиданный сосед.

– Одно из лучших творений человечества, – согласился Феликс.

– Настоящая музыка та, в которой можно уловить настроение, чувства и эмоции автора. Если этого нет – мелодия ни за что не зацепит.

– Какая точная и в то же время знакомая фраза. Кому она принадлежит?

– Музыкант – это проводник, который знает, какой дорогой провести странника в мир своего сердца. Музыка же даёт нам возможность путешествовать «во» и «вне» пространства и времени; пробовать жизнь в других городах и странах; видеть чужие судьбы.

– Да-да, эти строки я тоже помню. Но кому они все-таки принадлежат?

– Слушая *The Two Lonely People*, я словно проживаю иную жизнь в другом мире, – хрипя, вытягивает из себя человек. Внезапно его одолевает приступ кашля. Взяв платок в руку, он постарался сдержать припадок, однако спазмы все равно одолели его.

– С вами все в порядке? Заказать вам воды?

– Я был одиноким, но наконец-то обрел друга, – смотря сквозь слезы на Флеймана, произнес старик, – О, мы так с ним похожи, настоящие родственные души. Кажется, подобное называют «настоящим счастьем»... Но я специально убил его, чтобы снова стать одиноким. Чтобы все эти чувства вновь когда-нибудь повторились.

Феликс почувствовал, каким пульсирующим потоком кровь прилила к его голове. Он осознал, что попался: вступил в откровенный диалог с безумцем.

– «Не разговаривай с ним», – стало твердить сознание Флеймана.

– Где мои таблетки? – откашливаясь, спросил сам себя странник. – Простите, я отлучусь. Мне надо выпить лекарство.

Преодолевая слабость, незнакомец встал и заковылял в уборную. Феликс проводил его взглядом, выждал еще пару минут, затем резко вскочил и пошел к гардеробу. Пожилая толстая женщина, царственно охраняющая плащи и куртки

господ, нехотя взяла бирку и пошла копошиться в тесных рядах вешалок.

– Не могли бы вы искать чуть быстрее? Я очень спешу, – нервно проговорил Феликс.

– Сколько надо, столько и буду искать, – огрызнулась в ответ женщина.

Флейман уже был готов пойти без верхней одежды, когда тормозящая его женщина выплыла из текстильных завалов. Выхватив плащ, он ускоренным шагом стал подниматься вверх по лестнице переступая за раз сразу две-три ступеньки. Выскочив наружу, он обнаружил, что кругом безлюдно и сыро. Вымерли даже и без того безжизненные машины. По открытой, далеко просматриваемой, улице идти было нельзя. Сознание Феликса подсказывало, что надо срочно свернуть во дворы. Обшарпанные стены в глубине старого квартала внушали большее доверие, чем кричащие баннеры и неоновые вывески широкого проспекта.

Преодолев сводчатые воротца, Флейман оказался зажатым среди трухлявых общаг. Выход просматривался только один – подсвеченный одиноким светом лампочки-светлячка. Стремительным шагом он ринулся к нему. Заморосил дождь. Перед глазами стало все расплываться, но маячок все равно начинал приобретать четкие линии и формы. В метре от цели все стало ясно – то была загадочная вывеска с глумливо пляшущими буквами. Однако расшифровать начертанную фразу оказалось невозможно – одна половина неоновых

труб предстала обесточенной, другая – сорванной хулиганами. Но несколько слов все же читалось: «... вечерний аттракцион... Вход не для вс...».

Вдруг некто следом шагнул за сводчатый портал. Стук жесткой подошвы раздался гулким эхом вдоль всего узкого переулочка вплоть до мерцающей надписи. Флейман обернулся, чтоб рассмотреть источник шума: высокая фигура едва ли читалась под потоком разгорающегося дождя в предливневом состоянии.

«Опять тот безумец... Похоже он привязался и теперь так просто не отстанет,» – стал отчаянно размышлять Феликс.

Единственным верным решением стало бежать. Флейман бросился за угол и понесся изо всех сил. Мимо пролетали дома, деревья, горы листьев. Пейзаж тянулся, повторялся, пока наконец не вывел на трамвайные пути.

Флейман остановился. Внутри молодого человека забрезжила бледная надежда сесть на общественный транспорт. Как и везде, на остановке было мертвецки тихо. Территория являлась знакомой – тройная развилка (Депо ВИЗа – Центр – Сортировка) под мостом. Медленно дымила теплотрасса, заволакивая густым паром всю близлежащую окрестность. Сработал условный рефлекс – Феликс достал сигарету. Но перекур длился недолго: раздался шорох и среди кустов возникла черная человекоподобная масса.

Погоня продолжалась. Дыхания уже едва ли хватало преодолевать грязь и ухабы бедных кварталов Сортировки. «За-

орать или бросить в него камень» – то и дело вертелось в помутневшем сознании Флеймана. Однако рисковать было страшно и ноги сами несли Феликса вперед. На горизонте уже стали мелькать крыши «Таганского ряда», а бесконечные звуки шагов все мчались и мчались по пятам.

Приближался широкий перекресток. Флейман опрометью двинулся прямо на красный сигнал светофора, как вдруг его оглушил протяжный гудок. Не сбавляя скорость, пара горящих глаз неслась на таран. «Это конец», – пробежала последняя мысль в голове Феликса. Буквально какое-то мгновение до столкновения, и... все обошлось: водитель резко повернул в сторону и погнал дальше.

Флейман добрался до противоположного берега дороги и тут же обернулся. Сумасшедшего странника уже нигде не было – словно тот развеялся, как пыль. Но загнанный безумцем Феликс решил во второй раз не попадаться на уловки с исчезновением. Невзирая на усталость и разрывающиеся легкие, он затрусил прямо до дома.

Самое страшное застряло где-то там, позади. Преодолев последний порог, Флейман почувствовал невыносимую усталость. Не было сил даже скинуть с себя одежду или просто выключить свет. Вся квартира плыла, и хотелось только все забыть и уснуть. Феликс прилег на диван, закрыл глаза, и точно провалился под пол ниже плинтуса.

Жуткий скрежет металла разбудил меня среди ночи. Ти-

шина, скрип, резкий удар, тишина – и дальше по кругу. В голове сразу представилась работа некой адской машины, изрыгающей пар и скрежещущей зубами своих шестеренок. Слишком невыносимый звук, чтобы его терпеть.

Слипшиеся от тяжелого сна глаза с трудом смогли раскрыться и распознать цифры на часах: что-то среднее между двойкой и тройкой. И ведь электронный циферблат не врал – я не менял батарейки с прошлой недели, и оттого числа зависли в пограничном состоянии. Разжиженные усталостью ноги не слушались, но я, преодолевая боль, все же уговорил себя встать.

Комнату озарял тусклый свет доживающей лампочки. Тишина, скрип, резкий удар. Остановившись в коридоре, я стал прислушиваться – странные звуки грохотали прямо за дверью. Смекнув, что важно сохранять тишину (на случай, если кто-то сейчас ломится прямо в квартиру), я осторожно подошел к глазку. В тот же миг все стало ясно: стучали заевшие дверцы старого лифта. Такое уже случалось ранее, когда западала кнопка вызова. Кабина приходила на этаж, застревала и непрерывно начинала открываться и закрываться. Но даже узнав правду, меня продолжало что-то тревожить. Я сфокусировал глаз, чтобы еще раз рассмотреть кабинку – ее древесный цвет стал несколько отличался от стандартно бежевого. Я бы даже сказал, он изменился совсем на багряный.

По спине пробежал холодок, но раздувать фантазию я не

стал. Кто в современном мире мажет кровью на стенах? Все должно было оказаться куда прозаичнее: поменяли внутреннюю обшивку, а я и не заметил ее прежде. Следовательно, бояться было нечего, и посему я решил вернуть кнопку в прежнее положение (по крайней мере раньше мне всегда это удавалось). Убрав задвижку, я шагнул за порог и рефлекторно закрыл за собой дверь.

Произошедшее далее не поддавалось рациональному объяснению. Ноги скользнули на какой-то жиже, и я рухнулся на пол. От сильного удара лицом я на мгновение потерял ориентацию и едва ли смог встать, а когда все же нашел в себе силы и приподнялся на локтях – обнаружил, что руки измазались в крови. Но то была не моя кровь. Она была везде: в кабине лифта, на лестничной клетке, стенах, соседских дверях. Разнесся истерический вой. Я не сразу понял, откуда доносится этот страшный вопль, пока не почувствовал, как моя же рука зажимает мне рот. Животный ужас окутал меня.

Проснись, проснись, проснись...

Тишина. Слипшиися от тяжелого сна глаза Феликса с трудом смогли раскрыться и распознать цифры на часах: что-то среднее между двойкой и тройкой. И ведь электронный циферблат не врал – Флейман не менял батарейки с прошлой недели, и оттого числа зависли в пограничном состоянии.

Комнату оттенял тусклый свет лампочки фонарного столба за окном. «Странный кошмар», – подумал Феликс, сти-

рая капли пота со лба. Но то была не единственная странность, которая гложила его изнутри. Флейман лежал под одеялом в крошечной тьме, разглядывая причудливые узоры на пенопластовой потолочной плитке, пытаясь понять, что не так, пока его не пронзила жуткая мысль, что входная дверь не заперта. Раннее уже бывало такое, когда он забывал переставить щеколду, и даже оставался спать в духе подобного коммунизма всю ночь (воровать у него все равно нечего), но сегодня был исключительный случай. Ведь безумец вполне мог проследить за ним вплоть до самого дома. Какой же дурень...

Теперь Феликсу стало совсем не по себе. Он же не выключал свет, и не забирался под одеяло? Неужели Флейман лунатик, который бродит по ночам, а потом не может ничего вспомнить? Необходимо было все же встать и проверить, а еще лучше – прошерстить каждый угол квартиры. И он уж было хотел податься вперед и встать, когда заметил перед собой черное антропоморфное пятно.

– Послушайте, я вас не приглашал к себе, – дрожащим голосом проговорил он.

Незванный гость ничего не ответил.

– Вы же понимаете, что незаконно вламываться в чужую квартиру?

Резкий хлопок, и голова Феликса оказалась в огромных руках черной тени. Силы в них оказалось немало – череп стал скрипеть, как арбуз в руках избирательного покупателя.

Большие пальцы врезались в глазницы и стали безжалостно выдавливать глазные яблоки. Раздался нечеловеческий вопль. Животный ужас окутал Флеймана.

Проснись, проснись, проснись...

Феликс Флейман открыл глаза. Резко вскочив с кровати, он едва ли смог устоять на ногах от мучительной головной боли – точно бы последствия ночного кошмара. Изрядно помятый костюм, который он забыл вечером снять, намертво прилип к его телу от пота. Нисколько не верилось, что все позади.

Хоть комнату и озарял тусклый свет утренних лучей, почему-то казалось, что солнце садится. Лишь щебетание птиц подтверждало, что наступил рассвет. Превозмогая боль, Флейман ринулся в коридор. Входная дверь оказалась закрытой. Следом он принялся просматривать каждую комнату, углы, узкие проемы. В квартире, кроме него, никого не было. Напоследок он выглянул в окно. Там, внизу, искаженный человек без лица приветственно помахал Флейману рукой. Переводчик закрыл глаза, потряс головой, снова посмотрел – никого. Резкий звонок.

– Это уже не смешно, – вновь испугавшись, закричал Феликс.

Пришло смс-сообщение.

Евгения(09:15): Привет! Есть хорошая новость. Приезжай ко мне, расскажу.

Феликс(09:16): Куда?

Евгения(09:16): Автовокзал. Встречу тебя у выхода из метро.

Феликс(09:16): Может просто напишешь, что за новость?

Евгения(09:16): Нет, важно лично.

Феликс(09:17): Ладно. Через час буду.

* * *

«Жени нет», – подумал Феликс, выйдя из душного салона маршрутки-газенвагена. Сняв прилипший к спине пиджак, он оглянулся по сторонам и стал в растерянности бродить среди шумной толпы у автовокзала.

– Феликс, – вдруг послышался голос за его спиной. Обернувшись, Феликс увидел незнакомую девушку. – Ты не узнал меня?

– Женья?

– Ну, кто же еще? Ты дважды посмотрел на меня и прошел мимо.

Флейман стоял в замешательстве – перед ним стояла несколько другая девушка, отдаленно напоминающая ту Женю, которую он видел пару месяцев назад.

– Прости, не узнал тебя.

– Я решила снова отращивать волосы, как видишь.

– Тебе идет, – неуверенно произнес Феликс. Эта резкая метаморфоза во внешности Жени показалась ему очень странной. Девушку словно подменили: небрежная растрепанность сменилась ухоженностью, а драные джинсы с фут-

болкой превратились в самое что ни на есть девичье платье.

Женя тоже смерила Феликса глазами. На нем были слегка зауженные черные брюки и туфли оксфорды с закрытой шнуровкой (под цвет). Выше – заправленная белая рубашка с длинным рукавом и тонкий галстук, затянутый лишь до второй пуговицы сверху. На носу – все те же декоративные очки.

– А ты похоже совсем не меняешься.

– Может это не так заметно, но я тоже сменил прическу.

Женя пригляделась – и действительно волосы Флеймана теперь были подстрижены до той длины, когда совсем не видно волнистых завитков. Похоже, молодой человек наконец-то отказался от дурацкой привычки зализывать волосы.

– Разве она не всегда такая?

– Всегда, – согласился Феликс, распознав в вопросе Жени то ли шутку, то ли издевку. – Давай ближе к сути – зачем ты меня позвала?

– Пойдем в сторону моего дома. По пути расскажу.

Флейман недовольно сощурил глаза и, хоть и нехотя, но последовал за Женей.

– Так что?

– Как тебе собрание театра?

– Никак. Ваша мать даже полы бы мне не доверила мыть.

– Странно, до меня дошла другая информация, – удивилась девушка.

– Да? И какая же?

– Что ты будешь главным героем.

– Кто тебе такое сказал?

– Лиля.

– Очень смешно, Женя. Она назначила меня помощником по сценарию. А это все равно, что гулять лесом.

– Я серьезно – ты будешь Гарри Галером.

– Дважды твоя шутка не прокатит. Я же знаю, что она даже не посмотрела, на что я способен. Так что, как, по-твоему, она могла выбрать меня?

– Ну, я подсобила немного.

– В смысле? Что ты ей сказала?

– Что ты уже много лет занимаешься бальными танцами, настоящий профессионал.

Флейман нервно поджал нижнюю губу.

– Зачем?

– Как всегда, пожалуйста.

– Кто тебя просил?

– Да ладно тебе! Что ты так завелся? Главное уметь немно-
го двигаться, а выучить основные движения не проблема.

– Я не умею танцевать от слова «совсем».

– Это «совсем» у тебя в голове.

– Но благо не с головой!

– Ой, было бы желание...

– Послушай, я с самого детства терпеть не мог танцы.

– Не знала, что ты все еще ребенок.

– Нет, это не так.

– В чем тогда проблема? Я тебя научу.

Феликс нервно почесал затылок. Ему было неприятно вспоминать, как он напросился в «Э.С.Т.», а хуже того, как неловко все вышло с Василисой. Именно по причине стыда Флейман не мог рассказать Жене свою истинную причину отказа.

– А как же актер, которого выбрали на собрании?

– Как ты уже понял – гуляет лесом.

Ощущение безысходности вмиг поглотило Флеймана.

– Почему ты не сказала сразу? Я бы написал свое решение и не тратил бы сейчас твое время впустую.

– Потому что у меня изначально было предчувствие, что ты откажешься. Ты похож на того, кто всегда дает заднюю.

– Спасибо, конечно. Но все же, почему ты не спросила меня, прежде чем врать Лиле?

Женя остановилась. По ее лицу было видно, что она сейчас выйдет из себя.

– Слушай, мне надоело тебя уламывать. То хочу, то не буду. Выбирай уже: либо ты соглашаешься участвовать, либо сейчас же валишь на все четыре стороны.

Реакция девушки произвела эффект сильной пощечины по неуверенной физиономии Флеймана. Такого жесткого ультиматума он явно не ожидал.

– Прости. Я был несколько не готов к твоей новости, потому что уже решил завязать с вашим театром.

– Скажи уже свое решение.

– Я буду участвовать.

Женя, не выражая ни радости, ни раздражения, ни огорчения, показала пальцем на типичную хрущевку в паре метров от них.

– Я здесь живу. Если ты серьезно, предлагаю прямо сейчас пойти ко мне и все обсудить.

– Ладно.

Со скрытым внутри негодованием Флейман последовал за девушкой. Старый пятиэтажный дом хоть и выглядел прилично снаружи, внутри все же стремительно разлагался. Стены в фойе уже сыпали не известку, но целые куски кирпичной кладки. На весь подъезд дико воняло то ли сыростью, то ли старыми тряпками. Из плюсов только фортепианный вальс, доносящийся из неизвестной квартиры. Хорошая музыка с неизвестным автором и названием, которую давным давно успели опошлить автоответчики.

– Нам в «69», – произнесла Женя, приближаясь к обитой кожезаменителем двери.

Феликс потерял всякое желание что-либо говорить и просто молча вошел за Женей в квартиру. Сняв обувь, он в первую очередь осмотрел прихожую: на стенах висели примитивные «совковые» обои; на полу во всем коридоре лежал линолеум под шахматную доску. Особенно редкий экспонат виднелся в соседней комнате – псевдотурецкий настенный ковер.

– Удивляет? – заметив выражение лица Флеймана, спро-

сила Женя.

– Словно в девяностые вернулся.

– Если ты забыл – я квартиру снимаю. Мне нет смысла здесь делать ремонт.

– Я ничего. Просто, как в музей попал.

– Ты проходи в комнату, я поставлю чай.

– Может сразу начнем?

– Тогда подожди немного. Мне нужно переодеться.

Женя проводила Флеймана до диван и ушла в соседнюю комнату. Скучая, гость продолжил разглядывать квартиру, все больше подпитываясь местной атмосферой. На маленьком кофейном столике перед ним ровным рядом стояли книги по философии: Ницше, Сартр, Шопенгауэр. Шкафы и полки в контраст заселяли милые рукодельные вещи – тканевые куклы, войлочные животные, вязаные игрушки.

Раздался звук расстегивающейся молнии. Флейман невольно представил, что буквально в соседней комнате стоит симпатичная девушка в одном нижнем белье. Его фантазия могла уйти еще дальше, если бы ее не перебили более важные размышления о том, насколько правильно и этично приглашать девушке незнакомого человека к себе домой.

– Прости, что заставила тебя ждать, – спустя пару минут раздался девичий голос. Сменив платье на облегающие джинсовые шорты и майку, Женя стала еще соблазнительнее.

– Представляешь, – начал говорить о своем Флейман, пы-

таясь прогнать непотребные мысли – вчера вечером за мной увязался сумасшедший.

– Как? Где? – удивленно спросила Женя и села рядом на диван. Повеяло сладким ароматом духов.

– Он сел возле меня. Я убежал. Тогда он стал преследовать. И так до самого дома, – невнятно ответил Феликс. Девушка находилась слишком близко, что путало мысли в голове молодого человека все сильнее.

– Ничего не поняла.

– Я сидел за столиком в джаз-клубе, – наконец собрался и нормально сказал Феликс. – Подошел мужчина, спросил, не занято ли. Я ответил, что нет. Когда стали разговаривать, выяснилось, что он психопат. Я попытался по-тихому уйти, но он решил меня преследовать. Все продолжалось минут двадцать. Пришлось даже бежать на красный свет через дорогу, чтобы хоть как-то оторваться.

– Ты ведь шутишь? Иначе я перестану выходить на улицу.

– Если бы. Я оторвался от него, пришел домой, лег на диван и сразу вырубился. Через какое-то время просыпаюсь от странного чувства, словно передо мной кто-то стоит. Открываю глаза – а там он. Пришел меня убивать.

– Не может быть, – со страхом в глазах произнесла Женя.

– Да, это был сон.

– Дурак.

– А если серьезно, то я не смог отличить этот сон от реальности. Даже физическую боль ощутил, когда тот сжал мою

голову.

– Это ненормально.

– Тебе подобное не знакомо? Никогда не видела сны, которые невозможно отличить от реальности?

– Я давно уже не вижу сны.

– Значит, тебе не понять.

Женя ненадолго замолчала, пытаясь придумать, что ответить.

– Один мой знакомый рассказывал, – вспомнила она – что можно вызывать сны самостоятельно. По желанию.

– Перед сном смотреть много фильмов ужасов?

– Нет. Я имею в виду хорошие сны. Заказывать, как в кинотеатре – какой захотел, такой и посмотрел. Мечтаешь банально летать во сне – вуаля, вот тебе крылья. Любишь путешествовать – щелк, и ты уже колесишь по Европе. Все, что только захочешь.

Оба замолчали, не зная, как продолжить диалог.

– Может, обсудим пьесу?

– Там нечего обсуждать, нужно просто репетировать. Я набросала на прошлой неделе твои движения. От тебя пока только требуется наблюдать за мной и запоминать.

Женя встала и вывела из спящего режима ноутбук. Плохо откалиброванный экран бросил холодный оттенок на глянцевую поверхность стола. Через полминуты заиграла музыка.

– Смотри, я покажу твои движения в первом акте. Начина-

ешь с ног, затем делаешь такое движение, переход, ставишь ногу вот так. При этом не забываешь про руки. Так, так и так. И потом повторяешь все заново.

Женя трижды показала все движения под мелодичный джаз. Двигалась она красиво и легко, точно не в первый раз исполняла.

– Вставай, попробуем вместе.

– Ты же сказала, что я могу просто наблюдать.

– Глазами не научишься. Давай, в этом нет ничего сложного.

Флейман нехотя встал с дивана. Музыка началась с самого начала.

– Повторяй за мной.

Феликс попытался скопировать свою партнершу по танцам, но сделал это максимально неуклюже. Руки почему-то двигались неестественно, а ноги заплетались друг об дружку.

– Неплохо, – льстиво подытожила Женя, – теперь постарайся быть чуточку раскованнее. Твои движения напоминают робота.

Феликс попытался еще раз, но вышло ничуть не лучше.

– Ты слишком много думаешь. Давай сначала.

Третья попытка тоже оказалась провальной.

– Считай ритм.

– Как?

– Серьезно? Ты не умеешь? Ты же меломан вроде?

– Я музыку, а не ритм слушаю.

– Давай тогда считать вместе. И раз, два, три. Пять, шесть, семь.

– А где же четыре?

– Я же сказала не думать. Просто повторяй за мной.

Флейман четко повторил все движения за Женей.

– Молодец, но давай чуть быстрее. Ты замедляешься.

Флейман ускорился, и его движения практически слились с музыкой. Внутренне он даже почувствовал нечто похожее на удовольствие.

– Еще быстрее!

Вдруг ноги Флеймана заплелись и он грохнулся на кофейный столик. На пол посыпались книги, тетради и ручки. Женя рассмеялась во весь голос.

– Не вижу в этом ничего смешного, – вставая, пробубнил Феликс.

– Нет, это правда забавно. Не ушибся хоть?

Женя наклонилась, чтобы собрать все с пола. В этот же момент зазвонил телефон. Флейман достал его из кармана, но не стал отвечать.

– Неизвестный номер.

– Ответь, – шепотом произнесла Женя, точно боясь, что звонящий ее услышит.

– Алло, – сказал Флейман, поднеся аппарат к уху.

– Ну, здравствуй, это я...

Этот голос нельзя было спутать ни с чем. Такой живой и мелодичный мог принадлежать только одному человеку во

всем флеймановском окружении.

– Здравствуй, – не веря своим ушам, неуверенно ответил Феликс.

– Ты сейчас занят?

– Немного. А что?

– Очень жаль. Хотела с тобой встретиться.

– Я сейчас на репетиции.

– У Жени?

– Да. Через час буду свободен.

– У-уу, час – это долго. У меня и так сорвалась одна встреча. Уже устала стоять на улице в одиночестве.

– Тогда может через полчаса?

– Я лучше поеду домой. Пока.

– Подожди.

– Если что-то срочное, ты можешь ехать. Репетицию перенесем, – едва слышно произнесла Женя. Флейман кивнул в ответ.

– Жди меня там, сейчас буду.

– Вход в дендропарк напротив «Гринвича». У тебя пятнадцать минут.

Звонок разъединился. Уставившись на гаснущий экран телефона, Флейман стоял и не верил происходящему.

– Прости, что так получилось. Это правда важный звонок для меня.

– Не извиняйся, я же сама насильно вытащила тебя из дома. Главное – начало положено.

Флейман сдержал улыбку и отправился в коридор обучаться.

– Теперь уже официально спрошу – когда ты свободен для репетиций?

– В пятницу после пар.

– Один раз в неделю мало. Минимум два надо.

– Тогда еще в среду.

– В среду я не могу. Может во вторник?

– После семи.

– Хотя бы так.

Оба они предпочли не обмениваться взглядами. В своем он пытался скрыть радость, а она – расстройство.

– Удачи в важных делах.

– Спасибо.

Феликс отодвинул щеколду и выбежал на лестничную клетку. Женя, в надежде, что он еще обернется, проводила молодого человека глазами до лестничной клетки, но он очень быстро скрылся из виду.

* * *

Девушка спокойно ждала Флеймана прямо у главных ворот дендропарка. Ее лицо было повернуто к нему в профиль – именно этот ракурс делал ее внешность особенно привлекательной. Рыжие волосы аккуратно обрамляли и приоткрывали маленькие девичьи уши, проколотые сережками сразу в трех местах. Рдеющие алым губы и темно-зеленые, исполненные изумрудным блеском, глаза предстали в еще боль-

шей красе в свете лучей утреннего солнца. На предплечье виднелась яркая татуировка – цветные полосы и фигуры су-прематизма.

Приближаясь, Флейман ощутил пьянящее чувство счастья, однако привкус эйфории был тут же отравлен мыслью, что эта девушка никогда не будет ему принадлежать.

– Невероятный результат – семнадцать минут и пятнадцать секунд! – кликнув на телефонный таймер, весело произнесла она. Происходящее ее явно забавляло.

– От-откуда у тебя мой номер? – спросил Феликс, нагнувшись чуть вперед, чтобы отдышаться.

– Полчаса назад позвонила Жене. Представляешь, когда она сказала, что ты у нее, мне тотчас захотелось с тобой встретиться. И, да, номер она подсказала.

Феликса прошиб пот еще сильнее. Выходило, что Женя знала, на кого ее променяли.

– Получается, ты соврала про встречу?

– Почему? Полчаса назад сорвалась встреча с тобой. Или совралась? Я не знаю, как правильно. – Девушка, изображая непосредственность, хихикнула.

– Зачем?

Выпрямляясь, Флейман бегло пробежал по девушке глазами. На ее ногах были легкие открытые балетки, выше – бежевые капроновые колготки, надетые явно не по погоде, еще выше – нежно-голубое короткое платье с цветочным узором. Почти добравшись до лица, взгляд завис на открытом де-

кольте, которое щедро демонстрировало обе округлости. Если бы не смутившее его серебрящееся в глубине распятие, Флейман бы так и утонул там всем своим существом.

– Разве это не очевидно? Я твоя анима.

– Что? Я тебя не понимаю.

– Ну же, Феликс! Ты – Гарри; я – твоя Гермина. Уловил мысль?

– Мол, мы коллеги?

– Партнеры, – поправила Василиса, – которым важно узнать друг друга ближе. Иначе магия не произойдет.

– Какая магия?

– Театра, конечно же.

Девушка подошла ближе к Феликсу и обвила его локоть руками. Легкой, но при этом властной походкой она повела его в дендропарк.

– Для начала ты помнишь, как меня зовут?

Флейман замолчал в дилемме выбора между Василисой и Машей.

– Василиса?

– Та-ак, – улыбнулась она. – А фамилия?

– Воскресенская.

Василиса пару раз утвердительно кивнула.

– Теперь твоя очередь. «Феликс Флейман» – это псевдоним?

– Почему ты так думаешь?

– Писатели вечно выдумывают себе имена.

– Я любитель, графоман, текстотворец, но только не писатель.

– И все же? Это не ответ.

– Это мое настоящее имя.

– Покажешь паспорт?

– Не ношу с собой.

– Тогда вопрос твоего имени останется открытым.

– Дело твое – верить мне или нет.

– А отчество у тебя тоже дикое?

– Константинович.

– Феликс Константинович – какое сочетание! Хочешь я всегда буду к тебе так обращаться?

– Можно просто Феликс.

Воскресенская прижала к себе локоть Флеймана еще сильнее, когда шедшие им навстречу молодые люди стали разглядывать их точно музейные экспонаты. Через ткань рукава Феликс почувствовал мягкую женскую грудь.

– Феликс Константинович, вы заметили?

– Что именно?

– Как эти парни на нас смотрели?

– У меня нет привычки разглядывать людей.

– Ты уверен?

– Да, особенно мужского пола.

– Интересно, о чем они подумали?

– «Почему такая красотка гуляет не с нами»?

Воскресенская засмеялась и хитро посмотрела на Фелик-

са. Не дождавшись от него продолжения, она отпустила его руку.

– Женя сказала, что у тебя уже кто-то есть. Это правда?

– Почему она должна это знать?

– Ты снова увливаешь?

– У меня никого нет.

– Почему?

– Мне нравишься ты.

Василиса сдержала смех, вытянув уголки губ чуть вперед, сделав их немного утиными.

– Спорим я докажу тебе обратное?

– Попробуй.

– А впрочем, забудь. Расскажи мне лучше, о чем пишешь сейчас.

– Зачем?

– Хочу рассказать тебе, кто ты.

– Какая самоуверенная. Ладно. Допустим, это эссе.

– О чем?

– О вдохновении.

– То есть вся твоя писанина о том, что тебя побуждает писать? Такой замкнутый круг?

– Для меня вдохновение – это нечто большее, чем просто побуждение к творчеству. Оно скорее топливо для разжигания воображения.

– Зачем?

– Чтобы видеть и слышать то, что не замечают другие.

– Например?

– Однажды я слышал, как дождь играл мелодию на лужах точно профессиональный оркестр.

– А еще?

– Я видел, как после дождя расцвела семидугная радуга.

– А еще?

– Как сверкала в небе черная молния.

– Ты фантазер.

– Я инспирист.

– Ты максималист, а не инспирист, – становясь все серьезнее, заключила девушка. – Среди молодежи таких как ты много. Все вы верите, что обладаете исключительным даром и что способны продемонстрировать его всему миру. В ваших головах постоянно зреют грандиозные идеи, а порой и гениальные открытия. Но вам не хватает сил и возможностей все реализовать и донести до людей. Потому что все эти идеи нафиг никому не нужны.

– Хочешь сказать, что видишь людей насквозь? – сдержанно спросил Феликс, хоть и был сильно уязвлен услышанным. – Интересно, что еще расскажешь про меня?

– Днем университет, вечером жизнь в свое удовольствие. Книжки, кино и музыка создали иллюзию яркой и насыщенной жизни. Ты даже убедил себя, что нашел исключительный смысл существования. Но в то же время не хочешь принять, что все твои умозаключения легко можно растоптать обычными аргументами точно дом из песка на песке.

– Что еще?

– Все чаще тебя посещает чувство, что ты родился не в ту эпоху. Лет так сто двадцать назад твои идеи славно приняли бы, а так до твоей софистики никому нет и не будет дела. А хуже того, что ты не написал в своей жизни ни строчки.

– Ты в этом так уверена?

– Более чем. Ты просто набиваешь себе цену, называясь эссеистом, переводчиком или кем бы то ни было еще, кем ты не являешься.

– Чего ты добиваешься?

– Хочу открыть тебе глаза, что я та еще язва. Мне становится смешно, когда люди вроде тебя говорят, что я им нравлюсь.

– Если не перестанешь, влюблюсь в твое рациональное мышление.

Воскресенская закатила глаза.

– Мне надоело гулять с тобой. Проводи меня до остановки.

– Ладно. Какой транспорт тебе подходит?

– Серьезно? На такой паршивой ноте ты отпустишь девушку домой?

– Если девушка плохо себя ведет, ее следует наказать.

– Этим ты только себя накажешь.

– В таком случае, попытаюсь удержать ее силой.

Фыркнув, Василиса ускорила, чтобы уйти от наскучившего собеседника. Флейман, сохраняя невозмутимость, про-

должил идти с прежней скоростью. И только когда девушка скрылась за слепым поворотом, он перешел на стремительный шаг. Однако смысла в этом не было – Василиса вполне спокойно ожидала его на скамейке, скрытой в кустах. Вот только когда Феликс догнал ее и сел рядом, она демонстративно отодвинулась от него на целый метр.

– Даю тебе последний шанс.

– Весьма великодушно с твоей стороны.

– Давай, если наши взгляды в отношении искусства совпадут, то я соглашусь с тобой встречаться.

– Как мы это узнаем?

– Я буду задавать тебе вопросы, а потом просто скажу совпало или нет.

– А как я пойму, что ты меня не обманываешь?

– Условимся, что я тебе в конце докажу.

– Идет.

– Для начала скажи, что для тебя совершенное искусство?

– Супрематизм Малевича.

– Почему?

– В отличие от своих предшественников Малевич создает что-то новое, а не подражает природе и окружающему миру. В его геометрических фигурах отражается гениальность человека, как творца.

– Идеально ровный квадрат эстетичнее обнаженного женского тела?

– Каверзный вопрос?

– По правилам только я могу задавать вопросы.

– Ты это не оговаривала.

– Заканчиваем игру?

– Супрематизм – это идеология, а женское тело – эстетика. Их нельзя сравнивать.

– А если девушка снимает эротические фотографии, а потом выкладывает их в интернет, чтобы привнести в мир больше эстетики – это не считается идеологией?

– Это даже не искусство. Скорее распутство.

– Хорошо. Предположим, что я выкладываю в соцсетях свои фотографии в одном нижнем белье. При этом по-максимуму использую свое мастерство художника. В таком случае, ты изменишь свое мнение?

– Ты таким не занимаешься.

– Это не ответ.

– Любой художник вправе самовыражаться по-своему.

– Ты бы посмотрел на подобное искусство?

– Я не знаю.

– Лучше подумай над ответом. Мало ли, это может кого-нибудь обидеть.

– Возможно посмотрел бы.

– Если бы стоял выбор смотреть на меня без одежды или на супрематизм – что бы ты выбрал?

– Тебя.

– Тогда последний вопрос – если бы я стала твоей девушкой, ты бы мне разрешил заниматься камхорингом?

– Нет.

– Очень жаль, Феликс, но мы несовместимы.

– Почему? Ты обещала доказательства в конце.

– Хорошо, они будут. В отличие от тебя, я смотрю на вещи реально. В жизни нет никакого вдохновения. Людьюми всегда движет возбуждение, просто каждый направляет его, как и куда может. Лично меня восхищает женское тело – в белье или без него – не важно. Привлекательная грудь и пышные ягодицы – вот настоящее искусство. Идеальная геометрия.

– Хочешь сказать, что ты и сама занимаешься эротической фотографией?

– Обожаю, когда на меня голую смотрят и восторгаются.

– Это все провокация. Я тебе не верю.

– Ты сейчас в линзах?

– Что? Нет, я их не ношу.

– А очки где?

Феликс потянулся к переносице рукой, вспомнив, что в последнее время везде ходил в очках. Теперь, когда Василиса заострила на них внимание, он вспомнил, что они спали с его лица, когда он упал на кофейный столик.

– Похоже, оставил дома.

Ни с того ни сего Воскресенская встала, отошла от скамейки на пару метров и оглянулась по сторонам. Удостоверившись, что вокруг никого нет, она завела правую руку за спину и стала медленно поднимать подол своего платья. Юбка скользила по гладкому капрону, пока не обнажила две

шелковые ленточки подтяжек для чулок. Немного повременив (похоже, так она дразнила), Василиса буквально на какое-то мгновение задрала свою одежду еще выше, чтобы показать две выпуклые округлости, украшенные тонкой полоской кружевного белья.

– Теперь веришь?

Феликс попытался что-то сказать, но рот онемел, звуки не шли.

– Теперь я точно ухожу. Прощай.

Василиса Воскресенская испарилась. Феликс Флейман открыл глаза.

ХII. История русского степничества

Феликс отодвинул щеколду и выбежал на лестничную клетку. Женя, в надежде, что он еще обернется, проводила молодого человека глазами до лестничной клетки, но он очень быстро скрылся из виду.

«Перестань жалеть себя, – сказала себе Женя, пытаясь сдержать подкатившие к глазам слезы. – Ты ему неинтересна, смирись уже с этим. Ты – Женя, а Женя не создана для серьезных отношений. Этим все сказано».

Женя вернулась в комнату. На полу по-прежнему валялись книги и канцелярия, которую она не успела собрать. Вновь присев у стеклянного столика, Женя обнаружила знакомую вещь – очки. Видимо, они слетели с Флеймана, пока тот падал.

– Вот нелепый, – проговорила она и рассмеялась. Надев на себя очки, Женя встала и подошла к зеркалу. Подражая манере Флеймана говорить с какой-то напыщенностью, она произнесла: – Фантазия и воображение – это два уникальных дара, которые отличают нас от животных... Бред какой.

Безразличный, самодовольный, смешной – Женя не понимала, чем так ей нравится Флейман. Возможно она просто устала быть одинокой, потому цепляется за первого встреч-

ного.

– А ведь он даже не спросил, почему я не появилась тогда на собрании.

* * *

Бум, бум, бум – раздался неожиданный грохот, от которого я слетела с кровати. Полусонная и хмурая, я поползла на ощупь в коридор, собирая ногами углы проклятой мебели. Еле раскрыв слипшиеся веки, я посмотрела в глазок – некое существо стояло и долбилось в мою дверь.

– Здравствуйте, – произнесло оно хриплым писклявым голосом в образовавшуюся щель между стеной и дверью.

– Здравсьте, – ответила я и смерила глазами эту странную антропоморфную особь. Отдаленно она напоминала запустившее себя, заплывшее жиром тело, которое уже перестало напоминать не то чтобы женщину, но даже человека.

– Пройдите, пожалуйста, соцопрос, – сквозь зубы процедило оно.

– Что, с раннего утра решили людей доставать?

– Простите. Но уже два часа дня.

– Как два часа?

– Вот, смотрите, – буркнуло оно и показало в пухлой ручке экран своего старого кнопочного телефона. На нем значилось пятнадцать минут третьего.

– Я в два должна была быть уже на станции! – в панике я захлопнула дверь.

Добежав до дивана, я схватила лежащий у подушки теле-

фон и раскрыла будильник – по неведомой мне причине он был отключен.

– Ну, почему? – вырвалось из меня.

В спешке забежав в ванную, я стала считать: две минуты на зубы, одна на одежду, пять – до метро, десять – до вокзала, еще столько же до электрички, и не меньше двадцати до Палкино. Ей-богу, в лучшем случае можно успеть за час.

Но вопреки всем расчетам, мне понадобилось аж двадцать минут только на одни сборы. По закону подлости все вещи в квартире потерялись: сначала я долго искала косметику (которую никогда не разбрасывала по дому), затем кошелек (лежавший, как обычно, в сумке) и, наконец, куда-то брошенные ключи. Когда квест был выполнен и все было у меня на руках, я забежала на кухню попить воды и, боже мой, растяпа – опрокинула целый кувшин воды. Пока вытирала тряпкой, промочила все – юбку, кофту, колготки. Пришлось в буквальном смысле все с себя сбрасывать. А тут уже другая проблема – что надеть, блин?!

Задыхаясь, как старая лошадь (физкультура далеко не мой конек), спустя позорные полчаса (!), я еле добрела до входа в метро. А там новое препятствие, уже роковое:

– Евгения, – раскатилось мое имя басом по всему автовокзалу (согласна, преувеличиваю, там и без того было шумно).

Я обернулась. Его сложно было не узнать – с белым глазом, как у жареной рыбы; с неровными заштопанными лоскутами на морде, словно старый плюшевый медведь; с кри-

вым носом, точно сошедший с полотен кубофутуристов, Петр. Только теперь он еще напоминал батюшку или бомжа. Всему виной была неухоженная, топорщащаяся в разные стороны растительность на лице. На замену его стильной барберовской прическе пришел сальный, волнистый, черно-седой конский хвост.

– Как ты? – отбрасывая приветствие, всякие формальности, дабы скорее от него избавиться, сразу спросила я.

– Ничего. Есть минутка поговорить?

– Прости, я опаздываю на встречу. Так что как-нибудь в другой раз.

– Ага, – коротко согласился он, – извини, что задержал.

Я уж было обрадовалась, что Петр удачно от меня отвялся, когда в глубине души пробудилось какое-то странное чувство. В тот момент мне было трудно понять, что со мной происходит, хотя это было именно то самое чувство, которое мучило меня долгое время. Вина. Замерла из-за нее, стою и думаю: «Может этот человек сейчас нуждается в поддержке, а я так демонстративно поворачиваюсь к нему спиной».

– Слушай, – говорю я, – твое предложение еще в силе?

– Не утруждай себя так. Иди, куда шла, – в своей обычной грубой манере ответил он.

– Я и так уже сильно опоздала. Поэтому все равно.

– Ладно.

– Так куда мы идем?

Не знаю, о чем он думал, когда потащил меня кружить в

лабиринте серых зданий вокруг автовокзала. Ни парка, ни скамейки, ни даже захудалого дерева здесь не найти. Дороги, автобусы, маршрутки, будки с шаурмой, грязь и невыносимо скучный торговый комплекс – вот весь живописный пейзаж на Южном. Еще забыла упомянуть вечную стройку. Единственная более менее приличная улица – Циолковского (она по крайней мере тихая и чистая). Но именно ее он почему-то обошел стороной. Идет и молчит, боже мой. Точно неразговорчивый гробовщик – жуть! Пришлось брать инициативу в свои руки.

– Чем ты сейчас занимаешься?

– Ничем серьезный. Халтурой всякой на аутсорсинге.

– М-мм.

– А ты?

– У меня все по-старому: учеба, спектакли, репетиции.

– Тебя все-таки взяли в театр? Поздравляю.

– Да-а, – протянула я. Стало как-то совестно оттого, что это произнес потерявший все человек. – Спасибо. Как твоя девушка поживает?

Тут я заметила, как вздулась вена на его шее. Такая жирная, синяя, пульсирующая. Мне представилось, словно она вот-вот лопнет и вместе с тем расплескает целый поток слизи или желчи.

– Мы расстались.

– Сожалею...

– Перестань. Я сам ее бросил. Ей до последнего не хоте-

лось меня оставлять. А мне было противно от мысли, что она остается со мной только из жалости. И все из-за какого-то ублюдка... Сука, прибил бы его, попадись он мне на глаза.

– Он был наказан. Ты знаешь.

– Но это не отменяет тот факт, что он рано или поздно продолжит жить своей обыкновенной жизнью, а мне придется вечно страдать вот с этим. – Петр указал большим пальцем на свое лицо. – Мне отказали во всех театрах в городе. Чего уж там – меня и на обычную работу боятся брать. Вот и приходится хвататься за всякие подработки.

– Я тебя понимаю.

– Как ты меня можешь понять? У тебя все есть, ты занимаешься любимым делом, вокруг тебя полно людей. А я абсолютно одинок.

– Ты не одинок. Готовых тебе помочь куда больше, чем ты даже можешь представить.

– Ошибаешься. Ни в одной стране нет такого одиночества, как в России. Это даже не одиночество, а настоящее изгойничество. И страдают им все увечные и тяжелобольные. Только у нас в стране люди отказываются жить в одном доме с больными раком, а ВИЧ-инфицированных вообще обходят стороной. Любой несчастный, имеющий физический недостаток обречен ловить на себе пренебрежительные взгляды словно это заразно. Понимаешь, о чем я?

– Наверно.

– И от этого никак не избавиться, пока отвращение вместо

сочувствия сидит в головах целой нации.

– От меня-то ты что хочешь? – не выдержала я.

Петр покраснел, но уже не от злости, а от стыда.

– Прости. Просто вспомнил того уroda и сразу вспылil.

– Ты мне это хотел рассказать?

– Нет. Мне нужен твой совет.

– В чем?

– Ты выслушаешь меня?

– Разве у меня есть выбор? Я отменила ради тебя встречу.

– Спасибо... В общем, в Верхотурье есть монастырь – Свято-Косьминская пустынь. Там живет старец Лука, местный святой. Каждое воскресенье после служения он выходит к людям, долго смотрит на них, а потом просто показывает на кого-нибудь пальцем и подзывает к себе. Все, кто с нуждами приходит – просто шепчут ему на ухо. А он только молчит и кивает головой. А потом, говорят, происходит чудо – все просьбы исполняются и болезни уходят.

– Местные мифы?

– Прошу, дай закончить.

– Прости.

– Пребывая в постоянных страданиях, я вдруг осознал, что меня за все наказал настоящий Бог. За языческую веру, за безразличие, за ненависть к другим. Мне стало страшно, что дальше будет только хуже. И как-то само собой, случайно, я вспомнил про старца Луку. Я даже не помнил, откуда и почему мне известно его имя, но одно я чувствовал точ-

но – в нем могло быть спасение. Но доехав до Верхотурья, я был неприятно удивлен – вокруг кельи святого толпилось столько людей, что его самого не было видно. Все что-то суетились, толкались, ругались, вели себя не по-христиански. И мне стало как-то гадко, что я сразу развернулся и ушел. Уже на выходе меня окликнул какой-то калека. Поманил к себе пальцем и сказал: «Я вижу – ты прошел тернистый путь, но дорога эта не в пропасть вела, а к спасению. Оставь на закрайке все мирское и приходи к Богу, в монастырь».

– И ты согласился?

– Нет, я испугался. Сказал, что вернусь, когда разберусь со всеми проблемами.

– Это был старец Лука?

– Да.

– И ты хочешь, чтоб я подсказала тебе, что делать?

– Да.

– Я не знаю, Петь. Прости.

Вот и весь разговор. Это только в книгах и фильмах отчаявшимся людям говорят возвышенные фразы, после которых кардинально меняются их взгляды на жизнь. Я простой человек, который едва ли когда-нибудь поймет страдания других. Мне нечего было сказать. Выслушать – это большее, что я могла дать.

* * *

Женя сняла очки и повесила их на видное место.

– «Только бы не забыть их вернуть Феликсу», – подумала

она, и в тот же миг услышала телефонный звонок. – «Неужели это он?».

Девушка побежала в комнату, но вопреки всем ожиданиям на экране горела фамилия – Асагумов.

– Алло.

– Здравствуй, Женечка. Это я.

– Привет, Сеня. Рада тебя слышать.

– Хотел узнать – ты все еще водишься с этим Флейманом?

– Конечно вожусь. Он же мой друг.

– Не пойми меня неправильно – мне правда не хочется лезть в твою личную жизнь, но я не мог не позвонить в УПИ на кафедру «Перевода», чтобы узнать, что это за тип такой.

– Зачем? – с какой-то несвойственной ей суровостью спросила она.

– Я беспокоюсь о твоей безопасности. Поэтому выслушай, что сейчас скажу.

– Не хочу. Мне все равно.

– Феликс Флейман никакой не переводчик. В базе УПИ вообще нет людей с такой фамилией.

– Хочешь сказать, что я его выдумала?

– Нет. Этот человек обманщик. Беги от него.

Но Женя не стала больше слушать и просто бросила трубку.

ХІІІ. Жестокие игры

Когда закончил гореть алым промозглый октябрь, сухие листья стали тушить бензином и спичками. Небо все чаще стал окутывать пепел из белых хлопьев жгущих кожу снежинок.

Флейман запрокинул голову: хлопья снега стали улетать обратно вверх. Но стоило ему только об этом задуматься, как спутанные белые комки вновь принялись падать на землю. В этих сгустках замерзшей воды было смысла не больше, чем в репетициях, которые продолжал посещать Феликс.

– Тебе не кажется, что снежинки летят с земли на небо? – в унисон мыслям Феликса спросила Женя.

– Нет, – соврал Феликс.

Молчание.

– Погода у нас занимается проституцией.

– Что ты имеешь в виду?

– Она слишком изменчива.

Женя еще раз обвела глазами бесцветный пейзаж – осадки почти перестали падать.

– Как успехи в университете? – вдруг спросила она, вспомнив слова Асагумова. Это был уже пятый раз, когда она хотела это спросить, и только первый, когда по-настоящему решилась.

– Половина семестра позади. Сейчас на всех парах прове-

рочные. Приходится усиленно все заучивать. Но хуже всего практика перевода. Там особо не подготовишься, всегда импровизируешь. К тому же препод очень лютый. Она на последнем курсе принимает решение, выпускать ли студента на госы. Очень печется о своей репутации, всех заваливает, – без запинки проговорил Феликс. – А почему ты спрашиваешь? Раньше тебя особо не интересовала моя учеба.

– Просто, интересно, – ответила Женя и тут же перевела тему. – Та-ак, шесть репетиций позади. Пора уже начинать делать сводные. Ты явно преуспеваешь в сольных актах, но куда сложнее будет в совместных. Предлагаю на следующей неделе уже позвать Машу.

– Машу?

– Да, Лучезарскую.

– Кажется, я с ней еще не знаком.

– Разве? Она меня часто спрашивает о тебе.

Феликс и Женя зашли в подъезд дома на Южном. С приходом зимы он перестал разлагаться, точно плоть при минусовой температуре. Пианист больше не играл – Женя сказала, что он недавно съехал. А в квартире «69» все по-прежнему царил Советский Союз. Скука.

Вдруг заиграла мелодия. Феликс достал телефон – на экране значились инициалы «В.В.».

– Ты не будешь против, если я поговорю у тебя на кухне?

– Да, пожалуйста. Зачем спрашиваешь?

Сдерживая дрожь в руках, Феликс нажал на кнопку со-

единения и прикрыл за собой дверь.

– Алло, – сдержанно произнес он.

– Скучал по мне? – прозвучал в динамике нежный голос.

– Может быть.

– Прошел целый месяц. Что значит «может быть»? Я надеялась, что ты уже весь извелся в ожидании звонка.

– У тебя есть ко мне дело?

– Да, я хочу сыграть в новую игру.

– Мне некогда с тобой играть.

– Ты сейчас у Жени?

– Только не говори, что опять хочешь со мной встретиться.

– Это будет зависеть полностью от тебя, – посмеялась девушка в трубку. – Она рядом?

– Нет, в другой комнате.

– Отлично, – сказала Василиса, сменив голос на шепот. – Я хочу, чтобы ты снял на телефон ее нижнее белье.

– У тебя все в порядке с головой?

– Задери юбку или сделай это тайно – мне не принципиально. Главное отправь мне снимки в качестве доказательства.

– Я не буду таким заниматься.

– Тогда не получишь награду.

– Какую еще награду?

– Аванс скинула тебе на телегу.

Василиса бросила трубку. Тут же пришло оповещение из

мессенджера. Феликс открыл приложение – на загрузке находилось два фото. Флейман открыл первое: на нем Василиса стояла с телефоном в руке напротив ростового зеркала шкафа купе. Ее лицо было обрезано наполовину – до ярких алых губ в матовой помаде. Ниже – бежевое короткое платье с завязанным галстуком-бантиком на воротнике. Еще ниже – черные капроновые колготки. Феликс перелистнул фотографию. На следующей Василиса уже приподняла юбку платья с одной стороны, открыв глазам смотрящего темную полосу шортиков.

Василиса(19:35): Линия шортиков на капроновых колготках такая пикантная, не правда ли?

Василиса(19:36): Получишь продолжение, когда выполнишь задание.

Флейман, раздираемый изнутри нравственностью и вожделием, вернулся к Жене в гостиную. Не теряя времени, девушка уже проводила разминку под музыку из грядущего спектакля.

– Что-то случилось? Ты весь красный.

Феликс пробежал глазами по ее бедрам. Все было целомудренно спрятано под плотной тканью спортивного костюма.

– Да так, пустяки.

– Тебе снова нужно уйти?

– Нет, у нас же репетиция.

Женя выпрямилась и испытующе посмотрела на Флейма-

на.

– Слушай, а твой костюм для выступлений уже готов?

– Еще нет. А что?

– Просто подумал, что было бы здорово создать у тебя дома более театральную атмосферу.

– Хочешь, чтобы я переделась?

– Если не сложно.

– Я могу надеть платье из спектакля «Роман с кокаином».

Оно в принципе сойдет за винтажное.

– Было бы здорово.

Женя открыла шкаф, взяла плечики с длинным непрозрачным чехлом и ушла в ванную переодеваться. Тем временем Феликс достал телефон и, трясущимися от напряжения пальцами, попытался выбрать режим фотосъемки.

– «Это всего лишь снимок, да? В этом же нет ничего омерзительного?».

Вернувшись, Женя разочаровала Флеймана еще сильнее. Платье рубежа веков оказалось более целомудренным – длинным, почти по щиколотку.

– Разве такое платье не будет сковывать движения?

– Будет, но ради атмосферы я потерплю.

– Надень лучше юбку.

– Зачем? Мне и так нормально будет.

– Оденься, пожалуйста, удобнее.

Женя закатила глаза, взяла юбку и сорочку со спинки стула и снова ушла переодеваться. Феликс сегодня уже видел

на девушке эту одежду, потому знал, что колени у нее будут открыты. Оставалось только соблюсти два момента: как-то остаться с телефоном на диване и запечатлеть Женю, пока она кружится в танце.

– Можешь пока прогнать свою сольную часть? Мне что-то нездоровится, – сочинил Флейман, когда девушка вернулась в комнату.

– Простудился? Нет температуры? – спросила она, протягивая руку ко лбу Феликса.

– Ее точно нет, – отпрянув в сторону, ответил он.

– Может тебе лучше домой пойти?

– Нет. Не переживай, у меня такое иногда случается от усталости.

– Ну, смотри.

Женя пожалала плечами и повернулась к ноутбуку, чтобы найти свою композицию. Флейман знал, что единственное подходящее движение будет только в конце танца, когда Женя начнет кружиться вокруг своей оси. Вот только уловить подобное и не смазать – задача не из простых.

Женя стала танцевать. Легкая и грациозная, она принялась уверенно повторять заученные движения своей партии. Чувствовалось, что в каждом взмахе руки или мягком переставлении ног была многочасовая работа. Такая усердность восхищала Флеймана. Однако мысль о награде брала вверх, убивая всякое наслаждение от танца.

Вот она вступила в последнюю фазу, повернулась, нагну-

лась, собралась раскрутиться и... клик!

– Я нигде не ошиблась? – ставя музыку на паузу, поинтересовалась Женя.

– Концовка, кажется, смазалась, – убирая взгляд с экрана, ответил Флейман. – Не хочешь еще раз попробовать?

– Я без тебя уже ее повторю. Давай лучше к твоей части перейдем. Тебе же уже стало лучше?

– Да. Только схожу сначала умоюсь.

Флейман отправился в ванную и включил воду. Достав телефон, он стал разглядывать фотографию, однако та оставляла желать лучшего. На единственный снимок попал лишь смазанный кусочек платья, ног и тонкая полоска зеленых трусов в белый горошек. Но даже вопреки неудачи, он, затаив дыхание, все же отправил его Василисе.

Василиса(19:52): Если честно, не впечатляет.

Василиса(19:53): Я надеялась увидеть полный обзор, а не жалкий расплывшийся лоскуток на бедрах.

Василиса(19:53): Поэтому продолжение с шортиками ты не заслужил.

Феликс(19:53): Ты обманщица. В условиях ты не оговаривала качество снимка.

Василиса(19:53): Твоя правда.

Василиса(19:54): В качестве поощрения вот:

Пришло четыре фотографии. На первой Воскресенская тянет за галстук-бантик, на второй – две полностью распущенные ленты висят на воротнике, на третьей – две верхние

растянутые пуговицы, на последней – чашечки кружевного белого лифчика.

Зазвонил телефон.

– Как тебе награда?

– Зачем ты мне звонишь? – раздраженным шепотом переспросил Флейман.

– Тебе понравилось или нет?

– Понравилась.

– Тогда следующее задание будет чуть сложнее.

– Подожди, давай на сегодня закончим?

– Тебе разве не интересно получить более откровенное продолжение?

– Интересно, но...

– Тогда слушай: я хочу, чтобы ты потискал Женин зад и снял это на видео.

– Чего?

– Повторю сейчас...

– Почему я должен этим заниматься?

– Как это почему? Разве это не весело?

– Нет.

– А мне кажется, что будет смешно.

– Такое выполнять я точно не буду. Это слишком жестоко по отношению к Жене.

– Значит так ты хочешь награду?

Василиса бросила трубку.

– Эй, у тебя там все в порядке, – прозвучал голос Жени

из гостиной.

Василиса(19:55): Если выполнишь, сможешь лично снять продолжение со мной.

Феликс тяжело вздохнул, набрал видеозвонок, спрятал телефон в нагрудный карман рубашки, откуда хорошо выглядывал объектив, и вернулся обратно в комнату. Но стоило ему увидеть Женю, как его тут же обуяла нерешительность.

– Может чай попьем? – растерянно предложил он.

– Видимо, мы сегодня не репетируем?

Недовольная, Женя встала и пошла на кухню. Борясь с нервами, Феликс стал суетливо вышагивать круги по комнате.

– Может остановишься уже? Меня сейчас стошнит, – раздался раздраженный голос из динамика в кармане.

– Тише! Она же услышит, – возмутился Флейман, опустив голову вниз.

– Подожди, подойди ближе к шкафу.

– Зачем?

– Хочу на кое что посмотреть.

Флейман подошел. Среди многочисленных игрушек и художественных книг стояла одна фотография в простой деревянной рамке. На ней Женя лет семнадцати стояла в обнимку со своими родителями: крупным бородатым мужчиной и хрупкой, милостивой женщиной. Судя по внешности мамы, можно было представить Женю лет так через двадцать.

– Тебе видно?

– Да. Так мило. А ведь они даже не догадываются, что сейчас какой-то извращенец будет лапать их дочь.

– Все, я отключаю тебя. Ты меня достала.

– С кем ты сейчас разговаривал? – удивленно спросила Женья, появившись в дверном проеме с подносом в руках.

– Да так, размышлял вслух.

– Книги рассматривал?

– Да-а, увидел у тебя, вот, томик Кафки, – на ходу сочинил Феликс, садясь на кресло возле Жени. – Его «Замок» – моя любимая книга.

– Я так и не смогла ее понять. Может ты мне тогда объяснишь?

– Я сам не знаю, о чем она, – криво улыбнулся он. – Именно поэтому она лучшая.

– Необычный ответ. А у меня нет любимой книги. Я все прочитанное делю на «понравилось» и «не понравилось».

– Любишь все упрощать?

– Скорее терпеть не могу усложнять.

– Разве есть принципиальная разница?

Женья залпом допила чай и направилась к ноутбуку. Флейман проводил ее взглядом.

– Давай уже начнем. Время идет.

Феликс резко встал и услышал барабнящий ритм сердца у себя в голове. Мысленно он уже был готов совершить намеченное, но только не физически. Пальцы по-прежнему дрожали – он сжимал их в кулаки. Она же стояла к нему спи-

ной в поисках нужного трека, совершенно не подозревая об его намерениях. Набравшись смелости, он вытянул руку и прикоснулся к мягкому месту девушки ладонью.

– Ты чего творишь? – возмущенно произнесла она, резко развернувшись к нему лицом.

– Я... Это, – замешкался отвечать Феликс. – Прости, я резко встал и в глазах помутнело. Я не нарочно.

Женя нахмурила брови и посмотрела ему в глаза. Очевидно, она не поверила.

– Ты целый день ведешь себя странно. С тобой точно все в порядке?

– Похоже мне стало только хуже. Пожалуй, я буду собираться домой, – опустив глаза вниз, произнес он. – Не принесешь мне немного воды?

Пока Женя ходила на кухню, Феликс вынул телефон из кармана и отключил видеозвонок.

– Держи, – сказала она, протягивая граненый стакан.

– Прости, что впустую потратил твое время.

– Ничего.

Пока Феликс одевался, Женя растерянно на него смотрела.

– Может с тобой сходить до остановки?

– Спасибо, но не стоит.

– Не упадешь в обморок?

– Не переживай – не упаду.

Флейман отодвинул щеколду и пошел на лестничную

клетку. Женя, выглядывая из двери, проводила его взглядом, пока тот не скрылся под ступеньками.

Раздался звонок.

– «Я резко встал и в глазах помутнело». Ты серьезно? Отстойней подката к девушке невозможно придумать.

– А что я должен был сказать? Слушай, если ты извращенка, то приезжай к Жене и сама тискай ее везде, где хочешь.

– Ты провалил задание.

Воскресенская бросила трубку.

Флейман вышел на улицу. Небеса по старой привычке роняли на плечи и головы прохожих хлопья размокшего снега. Ловя его ресницами, они брели точно в молочном бреду – гадательно, кривыми тропами.

Феликсу захотелось одымить назойливых белых мух. Помятая пачка Lucky Strike с наполовину выпавшим из сигарет табаком всегда валялась в кармане его сумки. Вставив фильтр себе в губы, он потянулся за спичками с голубыми головками, какие раздают в престижных ресторанах вместо визиток. Найдя коробок, он достал пятисантиметровый брусок и чиркнул его серной головкой. Зажегся маячок. Следом по соседству еще один. Полость рта наполнилась дымом. Чадя, он с упоением закрыл глаза, точно бы вдохнул чистейший горный воздух.

Минуту совершенной гармонии разбил звон назойливого мессенджера.

Василиса(20:15): ул. Мельковская 15, кв. 36. Этаж 6.

Метро Динамо.

Флейман сорвался с места. Весь путь до ближайшей станции он бежал не жалея легких. Пройдя сквозь скалящийся турникет, неосознанная боязнь которого сохраняется на всю жизнь, он стал опрометью спускаться вниз по ступеням эскалатора. Через минуту он уже стоял в вагоне метро. Еще через пять – выходил из перехода «Динамо».

Дом на Мельковской оказался из тех современных построек, которые портят историческую панораму города. Окруженный с четырех сторон забором из стальных прутьев, он представлял собой экзотического зверя в богатой клетке. И было вполне естественно, что Флейман не поверил, что все происходящее правда, когда подошел к домофону. Последнее сообщение вполне могло быть очередной издевкой эксцентричной девушки ради смеха. Но он все равно рискнул, набрал номер и дверь открылась после первого же сигнала.

Внутри двора все казалось искусственно-уютным: ровные камушки мостовой под ногами, настоящие аттракционы на детской площадке, столбики с пакетиками для собачьих подарков. У входной двери – еще один домофон с куполом видеокамер. Набрал номер – снова сразу открыли. В фойе оказалось аж шесть лифтов: первый пришел буквально через секунды три-четыре. А еще через десять кабинка уже была на шестом этаже.

Феликс позвонил в дверь тридцать шестой. По ту сторону раздалась мелодия, кажется, колокольни лондонского Биг-

Бена. Тишина. Флейман повторил попытку. Скрипнула заслонка дверного глазка, сквозь окуляр блеснул тусклый свет, но дверь не открылась. Молодой человек огорченно выдохнул. Щелкнула задвижка.

– Отвратительный результат – девятнадцать минут и тридцать шесть секунд, – кликнув на таймер, разочарованно произнесла Василиса через узкую щель приоткрытой двери.

– В следующий раз ты сама ко мне побежишь, – раздраженно съязвил Флейман.

– Мне нравится, когда ты злишься, – улыбнувшись, сказала она.

Дверь открылась нараспашку. Василиса стояла все в том же бежевом платье с галстуком-бантиком и черных капроновых чулках. Нисколько не смущаясь, Феликс завороженно стал разглядывать наряд девушки.

– Может быть пройдешь уже или так и будешь стоять и глазеть на меня?

– Прости.

Василиса помотала головой, но при этом улыбнулась еще сильнее. Отпрянув в сторону, она позволила Феликсу войти.

Квартира внутри полностью соответствовала уровню дома снаружи. На стенах в прихожей – серый кирпичный лофт. Пол устлан белоснежным древесным паркетом. Слева расположился (уже знакомый по фотографии) двухметровый в ширину шкаф купе с ростовым зеркалом. На противоположной стороне – кожаный пуфик и три этажа женской обуви на

стойке.

– Ты живешь в такой квартире одна? – озираясь по сторонам, удивленно спросил Феликс.

Василиса пожала плечами.

– Проходи в мою комнату, – указывая на дальнюю дверь, сказала она.

Флейман и Воскресенская разминулись: он – принял ее предложение; она – ушла, предположительно, в гостиную. Провернув ручку, Феликс очутился в просторной студии площадью приблизительно тридцать квадратных метров. Однако самым удивительным в ней был не размер, и не мебельная пустота (кроме двуспальной кровати и столика с компьютером в ней ничего не было), но многочисленные картины на стенах.

Феликс подошел к первой. Реалистичный пейзаж с кругом солнца, пышным зеленым лесом и уходящей вдаль переливающейся речкой был закован в толстую рамку в виде закрытого окна. Перед настоящей застекленной рамой была намертво вделана железная сетка, какой первые и вторые этажи обычно защищаются от грабителей. Ниже значилась фраза: «Мы надзиратели собственного счастья».

Вторая отчасти объясняла мебельный минимализм комнаты. На ней, словно бы в зеркале, была фотореалистично отражена вся комната. Отсутствовал только человек. Под узкой сантиметровой рамкой начертаны слова: «Может, девочки-то никакой и не было?».

Рядом висела не просто массивная, метр в высоту, прямоугольная рама, а настоящий, сваренный из разных кусков, лист металла с маленькой замочной скважиной сбоку. Когда Феликс заглянул в отверстие, он увидел только темные витиеватые каракули, отдаленно напоминающие тени от тусклого света. Название композиции было выцарапано на маленькой стальной дощечке: «Слепота понимания».

По соседству находился последний диптих с надписью – «Солнечное расплетение». На одном холсте произведения был изображен мускулистый полуобнаженный мужчина, мучительно разрывающий себе грудь двумя руками; на другом – тело этого же человека с искаженными ребрами, по форме напоминающими солнце. По центру среди органов торчала крупная лампа накаливания.

В комнату вошла Василиса.

– Видишь переключатель на стене слева? Нажми на него.

Феликс последовал ее совету. В этот же миг комнату ослепил яркий свет, настолько мощный, что картина полностью исчезла из виду. Поступательно, вспышка окутала глазницы и перед взором Флеймна возникла сплошная красно-синяя пелена.

Василиса подошла ближе и выключила свет.

– Поздравляю, ты увидел его душу. Теперь попытайся описать ее словами.

– Я не знаю таких слов, – сильно потирая глаза, произнес Феликс.

– И это самый верный, исчерпывающий ответ.

– Чьи это картины?

– Мои.

– Почему ты никогда не рассказывала о них?

– А разве принято признаваться в своих слабостях?

– Если это твоя слабость, то что тогда твое увлечение эротикой?

– Настоящее искусство, это же очевидно.

– Мне все равно не понятно, как ты до такого докатилась.

– Ты правда хочешь это знать?

– Да.

– Что ж, все началось с безобидной шуточки в «День первокурсника». Однорукница Настя позвала меня отметить посвящение у нее в квартире. Ты сам знаешь, суть всех студенческих праздников в неистовом пьянстве. А я была категорически против алкоголя. Но на «только попробовать» меня все же развели. Подсунули какую-то жидкость – я глотнула. Затем дали запить какой-то горькой водой. А что было дальше – помню отрывками. Все из-за чего-то угарали, постоянно ржали (я только через неделю узнала причину). Короче говоря, меня пьяную кто-то раздел до нижнего белья и наделал неприличных фотографий. И ладно бы постебались и забыли, но они взяли и отправили их в разные паблики анонимной эротики.

– Такое свинство.

– Это же интернет. Там все быстро забывают. Также быст-

ро и в стенах универа мой печальный опыт сменился чужими промахами. Но я все равно продолжала заходить в публики и прокручивать всю ленту до моих постыдных фоток. И, знаешь, со временем они мне стали нравиться. Особенно комментарии к ним. Десятки незнакомых молодых людей, мужчин восхваляли мою внешность, восторгались фигурой и формами тела. Одни льстили, другие эмоционально воздыхали, третьи просили продолжения. И я перечитывала их слова снова и снова, подсознательно желая услышать еще больше похвалы.

– Кажется, это называется латентным эксгибиционизмом.

– Брось, Феликс – эксгибиционистками являются все девочки, которых дразнили в детстве и чью внешность недостаточно хвалили родители. Любая девочка, которой долго не говорят, что она красивая – перестает в себя верить. Отсюда появляется желание *показать или продемонстрировать* себя с надеждой услышать похвалу.

– Все может быть. Продолжай.

– Вернувшись как-то вечером с пар, я стала снимать платье прямо перед зеркалом шкафа-купе. Оставшись в коротенькой белой комбинации, я представила, как на подобное бы смотрели мужчины. Любопытства ради я достала телефон, снова надела платье, и принялась фотографировать, как задираю подол и обнажаю ноги. Лицо специально обрезаю наполовину. А получившийся мини-фотосет с припиской «анонимно» отправила в личку модераторам одного

из пабликов, в которых ранее светились мои пьяные снимки. Так у меня и появилось новое хобби. Причем все началось безобидно: я просто выпячивала попу в достаточно плотных джинсах или шортах перед зеркалом или расстегивала несколько пуговиц на рубашке, чтоб запечатлеть буквально краешек лифчика. Такого рода фотографии имели успех, но совсем скоро всем наскучили. Люди (к моему большому удивлению, среди них были и девушки) просили показать больше или выслать продолжение. Это меня раскрепощало все сильнее. С каждым днем я уходила все дальше: сначала задирала юбку или подол платья, затем стала оставаться в одном белье, а когда и этого оказалось мало, начала снимать с себя всю одежду и прикрывать интимные части разными предметами или руками.

– Как на это реагировали подписчики?

– Достаточно бурно. Совсем скоро я даже обнаружила, что у меня появились поклонники. Они следили за выходом всех новых сетов и синглов, активно комментировали и даже заводили со мной личную переписку. Некоторые признавались в любви, предлагали встречаться, иные же пытались развесть меня на секс или на фото порнографического характера. Я обожала первых и презирала последних. Но совершенно никто не догадывался, что я показывала свое тело не потому, что текла от этого, но чтоб всецело себя полюбить, стать уверенной, лишиться всех комплексов.

– Но ты же понимала, что всех интересовало только одно?

– Конечно. И несмотря на это, раз в два-три дня я придумывала все новые и новые изощренные сюжеты: обливала белую футболку водой, вставляла на четвереньки на стеклянный стол, чтобы уловить необычный вид снизу или делала кадры прямо в ванной, прикрыв все густым слоем пены. Расширилась и география: последнее сиденье полупустой маршрутки, университетская уборная, примерочная магазина. Однажды я даже встала в пять утра, чтобы сделать откровенные фотографии прямо на площадке напротив дома.

– И со временем для тебя это стало искусством?

– Типа того. Примерно тогда же я стала чувствовать какую-то невероятную, приятную, кружащую голову и заставляющую чаще биться сердце силу. И чем откровеннее я делала кадры, чем необычнее выбирала локацию, тем сильнее получала прилив этой энергии. Она, как адреналин, побуждала не только снимать больше, изощреннее и чаще, но и давало некий вкус жизни.

– А-ля вдохновение?

– Мы же взрослые люди. Это называется возбуждением.

– Каждый называет это, как хочет.

– В поисках новых сильных ощущений, я перешла к продаже самых откровенных фотографий. На вырученные деньги (желающих заплатить оказалось немало) я покупала новое кружевное белье, чулки, подвязки. За один месяц удавалось выручить от десяти до пятнадцати тысяч рублей. Однако уже через полгода люди перестали платить за, как они это сами

называли, «детские» снимки. Популярность резко падала – участники выходили из паблика, оставляли негативные отзывы (мол, развожу на деньги, фейк и прочее), писали гадости в личку. Все чаще и чаще разные извращенцы принимались описывать похабные и аморальные вещи, какие они мечтают совершить со мной. Некоторые из них даже грозились вычислить и изнасиловать меня. Мне сделалось невыносимо страшно, и в то же время гадко и противно. Люди предстали в моих глазах грязными животными, которые только и думают о совокуплении. Я даже удалила все. Очистила любое напоминание о моем хобби.

– И что, смогла вернуться к обычной жизни?

– Я погрузилась в учебу, записалась в труппу студенческого театра, стала чаще рисовать картины. Но, как ты это называешь, эксгибиционизм – это не маска, которую можно снять, а неотъемлемая часть личности. Раз в неделю-две я срывалась, вновь делала снимки, отправляла их на анонимные паблики. От этого всегда становилось противно, хотелось бить себя по лицу. Только примерно через полгода мне надоело издеваться над собой. Я восстановила свой старый аккаунт с фотографиями (которые скачала из альбомов своих старых поклонников). Но съемка эротики уже так не цепляла, как раньше. Я столкнулась с непреодолимой тоской по старым ощущениям.

– Поэтому ты и затеяла свои странные игры?

Василиса сняла с шеи ремешок и протянула фотоаппа-

рат-зеркалку Феликсу.

– Я хочу, чтоб ты снял меня голой, – серьезно произнесла Воскресенская, пристально наблюдая за ходом зрачков Феликса.

Понимая, что подобное занятие вполне естественное для Василисы, Флейман взял в руки камеру. Она отошла к кровати.

– Ты сразу разденешься?

– Нет, я хочу, чтобы ты включил свое воображение, господин «инспирист». Используй по-максимуму свое вдохновение.

Флейман покраснел, но согласился полностью следовать ее правилам.

– Тогда давай сыграем с тобой в игру.

– Обожаю игры, – улыбнулась девушка.

– Представь, что ты стеснительная девушка и тебе подарили сертификат на фотосессию в студии.

– Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, это студия «Грация»? – сходу стала отыгрывать роль девушка.

– Да-да, я вас слушаю.

– Мне подруги сертификат подарили, на фотосессию. Я могу его использовать прямо сейчас?

– В самый разгар рабочего дня и без записи?

– Простите, я не знала, что у вас все так строго. Я на фотосессии впервые, – сделав виноватое лицо, проговорила Воскресенская.

– Что ж, раз уж впервые – сделаю для вас исключение. Но мне тогда придется закрыться.

– Простите, что помешала вашей работе.

– Ничего. Ради такой милой девушки не страшно и на жертвы пойти.

Василиса смущенно улыбнулась. Когда Флейман проходил мимо нее, чтобы закрыть дверь, она резко опустила глаза в пол и крепко сжала одной рукой юбку платья.

– Что мне делать?

– Снимайте с себя все лишнее и вставайте туда, к стене.

– Но на мне нет ничего лишнего.

– Тогда просто вставайте.

Флейман включил камеру и перевел ее в автоматический режим.

– Как мне встать?

– Как сейчас – хорошо. Только будьте чуть-чуть раскованней.

Щелчок – на экране отобразился снимок.

– Теперь сделайте руки вот так. Голову немного вбок.

– Так?

– Да, просто превосходно.

Феликс сделал еще пару кадров с разных ракурсов, затем убрал камеру и, прищурившись, посмотрел на модель.

– Вы все равно слишком скованы.

– Простите, я немного стесняюсь.

– Садитесь на кровать. Попробуем вас раскрепостить.

Девушка послушно выполнила просьбу фотографа.

– Так?

– Да. Теперь возьмитесь за ленту вашего бантика и начинайте тянуть.

– Но он же развяжется.

– Тяните. Это нужно для образа.

Василиса исполнила пожелание мастера и развязала галстук на воротнике.

– Я все правильно сделала?

– Все просто великолепно. Начинайте расстегивать пуговицы.

Воскресенская стала натурально краснеть. После третьей петельки показался контур уже знакомых кружевных чашечек лифчика.

– Разве правильно то, чем мы сейчас занимаемся? – подняв брови, боязливо произнесла девушка.

– Это часть фотосессии. Обнажите еще плечи.

Василиса повиновалась Флейману. Молодой человек увидел выпуклую девичью грудь в красивом белье.

– Знаете, мне как-то неловко. Пожалуй, я пойду.

– Никуда вы не пойдете, пока мы не закончим.

Глаза девушки налились настоящими слезами.

– Но ведь...

– Повернитесь ко мне спиной и вставайте на четвереньки.

– Я не хочу.

– Выполняйте.

По щекам Василисы покатались слезы, но она все равно сделала так, как велел Феликс. В этот же момент Флейман перестал понимать, где заканчивается игра и начинается реальность.

– Что ты со мной сделаешь?

– Просто сниму, как мы и договаривались.

– Но я уже не хочу.

Флейман стал разглядывать две округлые ягодицы девушки, которые едва ли прикрывала короткая юбка. Вблизи они выглядели как идеально ровные шарики. Мимолетно в голове молодого человека пробежала мысль о совершенных геометрических фигурах.

– Я хочу, чтобы ты подняла подол.

Василиса не послушалась. Тогда Флейман сам потянул за край платья, но дальше случилось нечто непредсказуемое: Василиса резко развернулась и дала Феликсу пощечину. Тот недоумевающе схватился за горящее пораженное место и непонимающе посмотрел на девушку.

– Как тебе не стыдно подобное вытворять с невинной девушкой?

– Что? В смысле?

– Убирайся из моей квартиры, – вскакивая с кровати, возмущенно закричала она.

– Я не понимаю, это часть игры?

– Я сейчас закричу на весь дом, что ты меня насилуешь.

– Постой. Я уйду.

Не оглядываясь, Флейман вышел за дверь, но остановился у порога в надежде, что на том импровизация Василисы завершится.

– Убирайся.

Феликс вздрогнул (не то от злости, не то от неожиданности) и пошел в коридор одеваться.

– Ты странная, – произнес он и вышел из квартиры.

Василиса резко выскочила в коридор, хлопнула дверью и закрыла ее на щеколду.

Флейман отошел от квартиры и замер у кнопки лифта, не решившись ее нажать. Рука пылала еще сильнее пощечины на лице. И было странно ощущать два противоречивых чувства одновременно: счастья от прикосновения и расстройств от непредвиденного исхода.

Не решившись вернуться, он все же вышел на улицу. Отойдя от здания метра три, Флейман поднял голову и посмотрел на окна шестого этажа. Она стояла на балконе в одном нижнем белье. Правая рука была поднята и приложена к уху – в ней находится мобильный.

– Так странно: я стою почти голая, а рядом нет моего фотографа, – дозвонившись до Феликса, проговорила она в трубку.

– Ты безумна. Отныне я вне игры.

– Ты уверен? А я уже хотела предложить тебе суперигру.

– Мне это уже не интересно.

– Выполнишь задание, и я пересплю с тобой.

Флейман умолк, пытаясь осмыслить услышанное.

– Ты издеваешься надо мной.

– Почему ты такого плохого мнения обо мне?

– Разве не очевидно?

– Очевидно то, что я тебя хочу. Просто рыцарь должен постараться, чтобы заполучить принцессу.

– И что от рыцаря требуется?

– Какой же ты глупый. Поразить дракона, конечно же.

– Какого еще дракона?

– О, ты сам это знаешь – того, что живет в пещере у Южного автовокзала.

– И как, по-твоему, я должен поразить ее?

– Как и в любой сказке – пронзить своим мечом. Если ты понимаешь, о чем я.

Флейман бросил трубку. Дальнейшие объяснения были излишни.

XIV. Камень

– Боже, неужели по мне не видно? – возмущенно спросил Феликс, согнувшись у окна табачного ларька.

– Так положено. Без паспорта не продам, – прозвучал хмурый голос из глубины.

Флейман принялся раздраженно шарить по карманам сумки. За его спиной собралась уже приличная цокающая очередь.

– Вот, довольны?

Женская, покрытая между пальцев язвами, рука протянула коробок с жутким изображением и надписью «импотенция». Феликс с радостью принял этот дар и закинул его в задний карман джинс вместе с паспортом.

От табачной лавки до Жениного дома было рукой подать. Однако Феликс все не решался к нему подойти, и оттого обходил его стороной. Подсознательно он хотел отсрочить встречу с девушкой и находил разные варианты, как это сделать: сначала сидел в кофейне с чашкой американо, затем отправился разглядывать витрины вблизи стоящего молла, и, наконец, зашел купить сигареты. Закончив последнее «развлечение», он бросил взгляд на часы – стрелки едва ли приблизились к девяти утра. Появились еще большие сомнения насчет того, стоило ли назначать встречу на такое раннее время.

На горизонте вновь появился ее дом. Феликс уж было хотел развернуться и поехать обратно, когда завибрировал телефон.

Василиса(9:02): Ты уже у нее?

Раздался сигнал передачи изображений. На трех новопришедших фотографиях Воскресенская была запечатлена в бежевом нижнем белье, дополненном панталонами на подвязках.

Василиса(9:03): Не знаю, как ты, но я уже готова.

Мечась между вожденным порывом и холодным рассудком, Феликс подошел к стальной двери и замер у ледяных кнопок домофона. Примерзая подушечками пальцев, он еще раз спросил себя – действительно *лиэтого* хочет. Ответ не последовал, но цифры «шесть» и «девять» уже были набраны. Чувства, каких не превозмочь, стали обуревать в области его груди, в глубине солнечного сплетения.

Через минуту Флейман стоял уже у порога знакомой квартиры. Представшая перед ним Женя была одета по-домашнему: в хлопковые темно-зеленые штаны с узором бута (или, как чаще говорят, с «огурцами») и в серую кофточку с длинными рукавами. Уже отросшие волосы торчали в утреннем беспорядке. Глаза казались еще сонными.

– Прости, что встречаю тебя в таком виде. Проспала, не успела собраться.

– Милый «наряд», – обводя глазами девушку, произнес Феликс.

– Это пижама, – без каких-либо явных выражений эмоций произнесла она. – Если хочешь, могу её снять.

– Зачем? Оставайся в ней, тебе идет, – слегка смутившись от фразы, ответил Флейман.

Возникло неловкое молчание. Он посмотрел на нее, она подхватила его взгляд и ответила тем же. Он отвел глаза – она тоже. По коже Феликса прошла мелкая дрожь.

– Я еще не завтракала. Будешь чай? – развеяв молчание, сказала Женя.

– Пожалуй.

– Угощу тебя малиновым чизкейком. Я его сама сделала.

Сняв и повесив промокшую от талого снега куртку на крючок, Флейман прошел в гостиную, и расположился, как обычно, на диване. Женя принесла поднос с чайником, кружками, сахарницей и тарелкой творожного десерта, и села рядом. Ее лицо, повернутое к нему в профиль, было полностью сосредоточено на процессе разливания кипятка и заварки. Внутри молодого человека стало совсем спокойно. Ее забота, естественный вид и искренность в поведении пробудили в Феликсе ощущение лампового уюта.

– Знаешь, ты давно мне не рассказывал удивительные факты.

– В последнее время было слишком мало времени, чтобы подумать.

– Активная социальная жизнь?

– Типа того.

– И что, совсем нет никаких открытий за полгода?

– Есть одна мысль, но я ее еще сам не до конца додумал.

– Поделись? Может заодно и додумаешь.

– В последнее время мне все чаще кажется, что любовь – это не одно конкретное чувство, но всеобъемлющее явление, которое включает в себя целую гамму разных и непохожих ощущений.

– Предположим.

– Вообще, я раньше часто размышлял о том, что возможно фильмы и книги о любви все врут. Просто давным-давно сложилась традиция, шаблонное представление, и каждое новое поколение людей принимает его за чистую монету. Но когда я сам начинаю перебирать в своей памяти, как был влюблен в первый, второй, или любой другой раз, то не могу избавиться от мысли, что со мной происходили совершенно разные явления.

– Кажется, я тебя понимаю. Сейчас я вспомнила, как сильно была влюблена впервые, и как все было непохоже, когда я влюбилась через пару лет снова. И еще через пару лет снова и снова, и как ощущения с каждым годом становились все слабей и слабей... Слушай, даже как-то грустно стало. А может вся суть не в разности чувств? – Женя притихла в своих размышлениях. – А в силе новых ощущений? Когда я целовалась впервые, мою голову кружило сильнее, чем от карусели. А теперь от всего этого даже мурашки не бегают. Считай, что все приедается.

– А если мы предположим, что ты всю свою жизнь попала на один и тот же тип ощущений, который никакого отношения к любви не имеет?

– В таком случае, я огорчена несправедливостью и обделенностью судьбой.

– Разве тебя не радует возможная перспектива?

– Меня скорее пугает возможная обреченность.

– «Сейчас», – подумал Феликс и чуть приблизился к Жене.

– Не нужно, – произнесла она и отпрянула чуть назад.

– Почему? Мы же оба этого хотим.

– Скажи, тебе ведь нет дела до нашего театра?

– С чего ты взяла?

– Я чувствую, что ты напророчился не от желания играть. И уж тем более не из-за меня.

– Ладно, ты права. Я хотел сблизиться с...

– Можешь не называть ее имя. Я уже знаю.

– Но...

– Не оправдывайся. Пусть все останется, как есть.

– Все же выслушай меня. Мне нравилась она, это правда.

Но то была лишь симпатия, которая быстро развеялась.

– Не понимаю, зачем тогда ты продолжаешь репетировать?

– С недавних пор мне постоянно снится один и тот же сон.

– Не переводи, пожалуйста, тему.

– Я не перевожу. Это и есть объяснение: в этом сне я все

время ищу кого-то, но не нахожу. А наутро просыпаюсь с невыносимой тоской. И не могу ее никак побороть. Только когда вижу тебя, все уходит. Понимаешь, что это значит?

Флейман вновь попытался приблизиться к девушке. Поддаваясь чувственному порыву, Женя прильнула к его губам. В ответ он прижал ее к себе так сильно, что ощутил своей кожей каждый изгиб ее теплого тела. Она же, замерев в его объятиях, почти перестала дышать. Впервые за все проведенное с ней время Флейман обнаружил внутри себя приятную нежность и покой.

На протяжении последующего часа она любила его всем своим существом: сердцебиением, дыханием, взглядом. Он целовал ее, гладил по плечам и спине, она – зарывалась в его волосы. И было как-то все равно, что происходит в мире, что будет завтра. Есть только душевная близость, и больше ничего.

* * *

Сонная она тихо лежала на его груди. Он удержал бы эту идиллию всеми силами, как можно дольше, если бы его сердце не жег холодный металл, свисающий с ее шеи. Флейман уже видел его однажды – серебряное распятие, почерневшее под ногами Христа у самого черепа.

– Что случилось? – спросила она, заметив тревогу в его глазах.

– Откуда у тебя этот крестик?

– Не помню. Мама еще в детстве его подарила.

– Ты давала его кому-нибудь поносить? Последние пару месяцев?

– Что за странные вопросы?

– Да так, ничего... Мне нужно сделать один важный звонок, – смотря ей в глаза, произнес Феликс.

– Хорошо. Можешь пойти на кухню, – приподнимаясь на локтях, ответила она.

Флейман взял телефон и отправился на кухню. Плотнo затворив дверь он набрал номер Василисы.

– Алло, – прозвучал голос с неестественной ему нежностью. – Ты уже готов получить награду?

– Я решил, что останусь с ней, – резко оборвал девушку Феликс.

– Это все, что ты собирался сказать? – холодно спросил голос.

– Да. В отличие от тебя – она настоящая.

– Ты правда думаешь, что все на этом завершится?

– Да.

– Глупый. Ты еще не понимаешь, что нас может разлучить только смерть.

В трубке раздались гудки.

* * *

Женя свесила голову с дивана и заметила на полу странный прямоугольный предмет. Маленькая книжечка в кожаном переплете была просто брошена на ковер. Девушка сразу догадалась, что это может быть паспорт Феликса. Любопыт-

ства ради она потянулась за документом. Он сам открылся на нужной странице.

– Петр Ершов? Кто это? – недоумевающе спросила она.

XV. Сломанные люди

1. Правдивая история Петра Ершова

Сослуживцы рядового Ершова всегда удивлялись тому, как две капли воды он похож на капитана Флеймана. Бывали даже анекдотичные случаи, когда офицеры приходили к нему отчитываться. Тот сначала вскакивал, отдавал воинское приветствие, недоумевающе их выслушивал, краснел, мямлил и в итоге оставлял все как есть. Потом, конечно, получал за это награды в виде нарядов вне очереди. Но все равно ничего не мог поделаться со своей робостью.

Однажды подобное недоразумение произошло со штабным полковником. Через час к рядовому Ершову прибежал младший сержант Фролов и захлебываясь в одышке проговорил:

– Товарищ капитан... К себе... Живо.

Ершов послушно пошел. Ему было не привыкать выслушивать: «гнида», «падла», «шакал» и тому подобные ругательства в свой адрес. Посему в тот день он был вполне готов узнать, кем еще он является в этой жизни.

В тесной прокуренной каморке капитан Флейман сидел один. Грудь его покрывала уже засаленная белуга; китель был аккуратно повешен рядом на спинку деревянного стула.

– Садись, Ершов, – велел рядовому офицер.

Ершов исполнил приказ начальника и сел напротив. На столе он увидел блестящую от света лампочки Ильича полураспитую бутылку водки.

– Пьющий? – заметив интерес в глазах рядового, спросил капитан.

– Никак нет, товарищ капитан.

– А за меня выпьешь?

– Да.

– «Так точно» надо говорить, рядовой.

Флейман налил полный граненый стакан себе и стеснительному подчиненному.

– Пей.

– Много, товарищ капитан.

– Пей, я сказал.

Ершов сделал два глотка и сильно закашлялся. Водка просилась обратно.

– Слабак, – гаркнул Флейман.

Офицер и солдат замолчали. В печке-буржуйке громко треснуло полено.

– Нет больше Таньки. И детей больше нет. Никого больше не осталось, – вдруг запричитал офицер, пустив по щеке слезу.

Ершов громко отхлебнул водки. Капитан ревел, а тот молча хлебал и хлебал, пока совсем не опустел граненый стакан.

На следующий день в штаб пришло распоряжение – от-

править разведотряд в село Дубровка близ города Смоленска. Пролетающий мимо истребитель «ЯК-7» засек пару немецких скрытых в кустах противотанковых «Фердинандов». Полковник Ярычев знал, что никто лучше отряда капитана Флеймана не справится с этим заданием. Так и было решено.

Выступили рано утром. Путь до Дубровки пролегал через густой сосновый бор. Весь покрытый ямами, болотами и ухабами, он мог замедлить даже повидавшего войну солдата. А такому неподготовленному рядовому, как Ершову, такой переход казался настоящим испытанием.

Все ушли далеко вперед, а рядовой Ершов все плелся в самом хвосте, смотря по сторонам. Он не выискивал врагов, а лишь надеялся засечь редкую пичужку.

Вдруг зашуршало в кустах. Ершов медленно опустил винтовку на землю, подкрался поближе и присел. Маленький выюрок мирно копошился в листве. Защебетал. Ершов, подражая пению птицы, вытянул в дудочку губы и засвистел.

Раздался взрыв. Затем пулеметная очередь. Ершов испугался и, позабыв про оружие, бросился бежать в сторону штаба. Преодолев целый километр, он наконец вспомнил про оставленную винтовку, представил страшный трибунал и вернулся назад. Уже там, на месте, у него разыгралась совесть, и он вообразил, как его товарищи сейчас отстреливаются в окопах. Найдя в себе силы, скрывая дрожь в ногах, он упал на живот и пополз на звуки стрельбы.

Вскоре все стихло. Ершов дополз до опушки, где предположительно сражался его отряд, и увидел то, что заставило бы любого испытать животный ужас – массу из грязи и мяса во все поле. Но было не время глазеть: просвистело над ухом, и рядовой одним рывком скатился в послеснарядный кратер.

Картина на дне шокировала солдата еще больше: до боли знакомый капитан собирал свои кишки, стоя на коленях в густой коричневой жиже.

– Что ты палишь, гнида? Помогай доставать, грязь же попадет, – заорал капитан, но тут же замер, накренился набок и упал. Разобранная грудь стала тяжело вздыматься.

– Если хотите, я п-помогу вам у-уумереть, – заикаясь проговорил солдат. Офицер посмотрел на него вымученными болью глазами.

– «Разрешите обратиться», солдат.

– Виноват.

– Бей уже.

Ершов снял с плеча винтовку и отсоединил штык-нож. Немного подумав, он занес руку над грудью офицера, но остановился и засомневался, что точно знает, где находится сердце.

– Давай.

Рядовой ударил офицера в шею, но лезвие соскользнуло и лишь наполовину застряло в плоти.

– Слабак, – гаркнул Флейман, харкнув кровью.

Солдат закрыл глаза и повторил попытку. Штык попал в

ту же рану, но теперь уже провалился, как в подтаявшее масло. Человек скончался.

Вытирая замаранным рукавом слезы, меняя их на свежие капли крови, Ершов осознал, что появился единственный шанс стать другим человеком. Мертвым не нужны звания, медали и регалии. А у Ершова еще вся жизнь впереди – бесславная, в шкуре рядового. Сдерживая тошноту, он похлопал по нагрудному карману и нашел там офицерский военник. Поблагодарив судьбу, что ранее не ударил в сердце штыком, сохранив документ в целости, солдат поместил свое удостоверение в пустой отсек одежды. Акт подмены завершился на капитанских погонах.

Так, среди разложения и вони трупов, Ершов пролежал весь день и половину ночи. В три часа появился другой разведотряд. В живых никого не нашли, кроме поседевшего заикающегося капитана.

– С-слабак, – гаркал он. – Гнида.

2. Недоразумение

Каждый год семья Флейманов праздновала День Победы с особым размахом. Приглашались родственники со всех близлежащих городов: Верхней Пышмы, Березовского, Первоуральска, Нижнего Тагила. Мария Павловна, жена главы семейства, начинала приготовления за сутки: резала салаты, выпаривала мясо, пекла пятикилограммовые пироги. Младшее поколение в это время выдраивало все углы, вылизывало полы, выбивало одеяла и подушки. Такой всеобщей сплоченности нельзя было увидеть ни в какой другой день в течение года.

Помимо батареи водочных бутылок, главным украшением стола всегда был Евгений Флейман – герой, ветеран и просто хороший человек. Его подвиг, когда он повел свой отряд на борьбу с остатками немецко-фашистских захватчиков под Смоленском, наизусть знал каждый мальчишка во дворе. Ведь о чем же еще было рассказывать всем подряд пожилому капитану в отставке?

В ту весну гости стали подтягиваться уже к часу дня. Первым на пороге возник любимый тагильский дядька по линии жены. Раньше родственника в дом проник только пакет с бутылками и салом, который тот зачем-то ежегодно привозил и увозил обратно с собой. Затем появился женин двоюродный брат и две родные сестры со своими детьми. Замыкало ше-

ствие младшее поколение Флейманов: дочь и младший сын. Отсутствовал только старший.

Решили, что семеро одного не ждут. Открытие праздника началось с вкушения многоградусной жидкости. Сканияки только и успевали опрокидываться по стаканам и закатываться под стол, разливая на пол недолитые капли. Евгений, по своему обыкновению, сначала прихлебывал выпивку, а уже потом опрокидывал ее в глотку по прямому скату. Мария Павловна, точно бы участница марафона, бегала с тарелками туда-сюда, предлагая гостям все новые и новые яства.

Часы пробили четыре. Это было то самое время, когда Евгений Флейман начинал свой традиционный пересказ фронтового подвига. Налив очередную рюмку, глава семейства встал, облизал губы и прокашлялся. Он уж было хотел открыть рот, когда затрещал дверной звонок. Мария Павловна побежала открывать.

– Здравствуйте, – раздалось с порога. Это был старший сын, Константин. – Отец, подойди, пожалуйста. У меня есть для тебя сюрприз.

Евгений Флейман нахмурился из-за прерванного обычая, но все равно поставил рюмку и вышел к сыну. Константин улыбнулся и отошел чуть вбок, чтобы освободить проход. Все это время за его спиной стоял какой-то старик.

– Ну, здравствуй, Женька, – улыбаясь, сказал человек в обшарпанной военной форме. Всю его грудь украшали орден и медали; плечи – майорские погоны.

– Д-день д-добрый, – выпучив глаза, промямлил Евгений.

– Не узнал, что ли? – неловко улыбаясь, спросил новый гость. – Это я – Василий. Ну! Николаев.

– Это я его отыскал, полгода на поиски ушло. Вот только с аэропорта вернулись. Ездил, встречал. Представляешь, из твоего родного города прилетел.

– Да? Здорово, – медленно проговорил капитан. – Машк, принеси гостю стул.

Все вернулись к столу. Евгений вновь поднял рюмку, но пересказывать подвиг не решился.

– Давайте выпьем за гостя, – предложил глава семейства.

– Представь хоть его нам, Женьк. Мы же с ним не знакомы, – остановил вдруг тагильский дядька.

– Это Василий. Николаев.

Все с улыбкой ожидали продолжения, но Евгений Флейман замолчал и в одиночестве отхлебнул из рюмку.

– Все-таки не помнишь меня, Женька? – расстроено спросил гость.

– Нет, – честно ответил ветеран.

– Жаль. А ведь мы выросли с тобой в одной деревне. Вместе призвались. Вместе КМБ прошли.

– Прости, контузило меня. Забыл все.

– Таньку свою тоже не помнишь? Детей? Ведь ни разу на могилку к ним не приехал.

– Жень, о ком он говорит? – вдруг встряла в разговор Мария Павловна.

– Это недоразумение. Он меня с кем-то спутал.

Майор посмотрел на товарища полными грусти глазами.

– Простите, мне следует уйти, – извинился и встал гость.

– Я вас провожу, – тут же поднявшись со стула, предложил

Константин.

– Не утруждайте себя. До свидания.

Мария Павловна ушла в коридор закрыть за офицером. В комнате за столом стало тихо.

– Прости, отец. Мне не следовало устраивать подобное без твоего ведома.

Евгений Флейман пожал, как ребенок, плечами, вышел из-за стола и ушел в свою комнату. Гости недоумевающе посмотрели друг на друга, но расходиться не стали и через пять минут уже пили водку, как ни в чем не бывало.

В десять часов вечера Евгений Флейман застрелился из наградного оружия. На его столе нашли короткое письмо с подзаголовком «Правдивая история Петра Ершова».

Примерно через шесть месяцев после происшествия Константин сменил фамилию Флейман в паспорте на Ершова.

3. Прикладное христианство

Прежде чем выйти к мирским на слушание, отец Петр широко зевнул. Он не успел подставить ладонь, чтобы прикрыть разинувшуюся пасть, и оттого испугался, что через глотку к душе прокрадутся бесы. Следовало перекреститься. Свернув губы трубочкой и сложив пальцы в «троицу», священник сделал традиционное движение справа-налево и сверху-вниз. На душе стало спокойнее.

Сглотнув вылезшую из глубины горла желчь, отец Петр вышел к народу. Распахнув двери, он увидел только одну женщину в темном платке и такого же цвета юбке до пола. От увиденного на душе священника стало совсем светло.

– Мир вам и вашему дому, – сказал батюшка, низко кланясь прихожане. – Вы по какому вопросу пожаловали?

– Здравствуйте, преподобный отец, – ответила женщина с более низким поклоном и поцеловала протянутую руку священника. – Хотела узнать у вас – можно ли сына записать на крестины?

– А почему нельзя? Конечно, можно, – расплываясь в сытой улыбке, сказал служитель церкви. – Вы же крещеная, надеюсь?

– Конечно!

– А причащались?

– Разумеется, давно еще.

– Как давно? Насколько давно?

– Лет пять назад. Где-то перед крещением.

– Как пять? Как вам вообще совести хватило в церковь прийти? Причащаться важно не реже, чем единожды в месяц, – забобычил священник.

– Простите, пожалуйста, – краснея, извинилась женщина.

– А в церковь как часто ходите?

– О, я из верующей семьи – мне походы в церковь с детства прививали. Это всегда было даже своего рода праздником.

– И все-таки, как часто?

– Раз в два-три месяца.

Отец Петр схватился за сердце и перекрестился.

– Ну, матушка, прогнать вас за такое должно. Если бы не Закон, который велит пускать в храм всех грешников и прокаженных – погибать вам в миру.

На глазах женщины выступили слезы.

– Ну-ну, будет, матушка. Покрестим вашего малыша, – испугавшись реакции женщины, стал утешать священник.

– Благодарю вас, преподобный отец, – смахивая слезы платком, сказала прихожанка.

– Как звать хоть чадо?

– Феликс.

– Как-как?

– Феликс. Для домашних просто Феля.

Священник покраснел от возмущения.

– Да как так можно дитя языческим именем называть? –

вспылил пуще прежнего отец Петр. – Когда родился?

– Двадцать девятого июня.

– Как я и думал – еще и в святой праздник. Не должно в день Петра и Павла иными, нежели апостольскими именами чадо нарекать.

– Что нам теперь делать? – все же зарыдав, спросила мать.

– Крестить Петром. А после сходить в ЗАГС и поменять имя в свидетельстве о рождении.

– Спасибо, спасибо вам, – целуя руку бабушке, сказала мать.

Отец Петр растаял в улыбке. Еще никогда прежде он не был так горд, что наставил заблудшую на путь истинный.

4. Месиво

Впервые детям целого двора на улице Пехотинцев решили устроить праздник и привезти новый сыпучий песок. Ходил даже слух, что его заказали из самого Египта – настоящий, сахарский. Сложно было поверить, что отныне у ребятни будут ровные куличики и отменная каша-малаша. По такому случаю местные даже собрались сделать масштабное открытие с конкурсами, песнями и разрезанием ленты.

День обещал быть жарким. Уже в десять утра все бездомные кошки и собаки попрятались в тени теплотрасс и подвалов. От нещадного зноя замолкали даже птицы. И даже Марина, двадцатитрехлетняя тетя маленького Пети, понимала, что это лучшее время, чтобы приятно провести время со своим молодым человеком среди холодных стен квартиры. Единственной нерешенной проблемой оставался повешенный на нее спиногрыз.

– Петя, пойдешь посмотреть на открытие песочницы? – войдя в детскую, обратилась Марина к ребенку.

– Пойдем, – радостно восприняв предложение, ответил Петя.

– Один.

– Мне одному гулять не разрешают.

– Я разрешу. Никто не узнает.

Марина, как и большинство студентов ее возраста, не мог-

ла себе позволить отдельное жилье. Приходилось снимать у близких родственников – семьи Ершовых – с подработкой в качестве няни. Отец семейства, Константин Ершов, месяцами пропадал в командировках; мать – работала шестидневку до семи.

– Правда можно одному?

– Конечно, иди одевайся.

– А можно игрушки с собой взять?

– Сколько хочешь.

Марина спустилась на первый этаж с мальчиком на лифте и, подтолкнув его вперед прямо из кабинки, тут же вернулась обратно в квартиру. Не теряя ни минуты, она пригласила по телефону своего парня и спокойно села у окна в ожидании гостя. Спустя пять минут, грязное и заляпанное, оно стало сильно ее раздражать. Терпеть такое оказалось невыносимо, и потому она решила протереть злосчастное стекло.

Взяв тряпку и моющее средство, она распахнула раму и вылезла наружу – с пятнадцатого этажа все дети казались копошащимися насекомыми. Абсолютно точно с ее прогрессирующей близорукостью получилось разглядеть только подъезжающий КамАЗ. Дети стали отходить чуть назад – опрокинулся кузов. Даже с такой высоты получилось расслышать, как какой-то мужик из толпы крикнул, что песок не сахарский. Настоящий, дескать, должен быть красным.

Подожли почетные разрезатели. Марине стало любопытно понаблюдать за процессией. Она подалась чуть вперед,

как вдруг почувствовала сильное головокружение.

– Три, – кричали жители с Пехотинцев.

– Два, – вторили им дети.

– Один.

Огромный черный мешок с трескучим хрустом грохнулся на песочницу, проломив все чистые доски. Сахарский песок медленно стал краснеть.

Двор на улице Пехотинцев оглушил крик детей. Родители резко похватали свое потомство и разбежались в разные стороны. Стоять и смотреть остался только маленький Петя. Что некогда было Мариной стало багряным месивом.

5. Нежданная поездка

Каждый год семья Флейманов-Ершовых отмечала поминки деда по-тихому, в узком семейном кругу. Изредка, если и приглашались родственники, то только самые близкие. Мария Павловна, жена усопшего, начинала приготовления за сутки: резала салаты, выпаривала мясо, пекла пятикилограммовые пироги. Если оставалось время, то вдова выдраивала все углы, вылизывала полы, выбивала одеяла и подушки.

Главным украшением стола всегда был портрет Петра Ершова – ветерана и просто хорошего человека. Его несовершенный подвиг, когда он повел свой отряд на борьбу с остатками немецко-фашистских захватчиков под Смоленском уже все забыли, и едва ли нашелся хотя бы один мальчишка во дворе, которому бы это было интересно узнать.

В ту весну гости молчаливо сидели и почти что скучали. Когда пришло время расходиться, Мария Павловна подошла к младшему сыну и шепнула ему на ухо:

– Сережк, довези меня до кладбища.

Сергей Флейман был под водочным градусом, оттого идею матери воспринял без особого энтузиазма.

– Темно сейчас, мам. К тому же я выпил. Может все-таки завтра?

– Нет, сынок. Сейчас надо.

Сын вздохнул, пожал плечами и отправился одеваться. Мать же закуталась в домашний халат, взяла паспорт, деньги и сберкнижку.

Ехать было далеко – до Горного Щита. Сергей терпеть не мог эту трассу до кладбища – темная и разбитая, она всегда была настоящим испытанием для его старенькой «Девятки». Но отказывать матери было неправильно.

– Плохо иметь большую семью, – прохрипела Мария Павловна, наблюдая за мимо проносящимися столбами.

– Почему? – непонимающе спросил сын.

– Хоронить приходится часто.

– Да ладно тебе, ма. Не так уж и часто.

– Женьку жалко. И Маринку жалко, – запричитала мать, пуская по щекам слезы. – Помнишь, какая дружная семья у нас была? Каждую неделю собирались. А сейчас что? Два раза в год, и то на поминки.

Сергей не знал, что ответить на это.

– Представляешь, каково мне жить после смерти Маринки? В постоянном страхе, что мои дети или внуки умрут раньше меня. Не хочу, чтобы так было. Отмучиться бы уже.

Сын виновато пожал плечами. Мать отвернулась к окну и замолчала. Больше они не разговаривали.

Под гулкое тарахтение мотора на Сергея стала накатывать дрема. Он пару раз тряхнул головой, чтобы развеять сон, но данный способ оказался не действенным. Тогда он попытался себя щипать и шлепать по лицу, но и то было тщетным.

Вскоре машину повело и выкинуло на фонарный столб.

От сильного столкновения Мария Павловна погибла. Прибывшие на место аварии через полчаса дпсники нашли Сергея рыдающим рядом с машиной. На водителе не было ни царапины.

Через месяц состоялся суд, где неумышленному убийце (и по совместительству водителю в нетрезвом виде) назначили срок – два года.

6. Мухи

В один знойный майский день в целом районе города Екатеринбург отключили электричество. Обесточено было все: дома, магазины, больницы, школы и даже морг. Последнему приходилось хуже всего – тела начинали раньше времени тлеть и разносить убийственный смрад по всей округе.

По жестокой иронии судьбы семье Ершовых пришлось в этот же день забирать тело усопшей бабушки. Поехали полным составом: отец, мать и сын. В идеале младшего нужно было оставить дома, но, к сожалению, не нашлось никакого варианта с нянькой.

– Посто́й у машины, пока мы с мамой ходим, – сказал маленькому Пете отец.

Мальчик послушно кивнул и пошел пинать маленькие камушки. От ударов друг об дружку серая щебенка звонко гремела, рикошетила и каталась по пыльному асфальту. Один из камушков отскочил так сильно, что угодил в ногу сидящей у входа в морг старухи.

– Простите, пожалуйста, – подойдя к ней, извинился Петя. Бабка ничего не ответила.

Петя подошел к старухе поближе. Сухая и сморщенная, она вся была закутана в теплые шерстяные платки и ветоши, напоминающие половые тряпки. Из толстой косынки на голове выбивались серые засаленные пряди. Глаза ее оказались

полуоткрыты, но видны были только белки. На пустые точки, где должны быть зрачки, то и дело садились мухи. Назойливые насекомые, которыми кишела улица, казалось, ползали по всему телу человека: бегали по губам, терли свои лапы в ушах, вылетали изо рта и носа.

– Простите, – повторил мальчик, но ответ все равно не последовал. Старуха похоже была мертва.

– Гроб-то сделали на десять сантиметров больше нужно-го, – выходя из здания, причитал отец.

– Уже поздно что-либо менять. Она и так уже плохо выглядит. Даже крышку придется заколачивать, – отвечала ему мать.

На голоса Петиных родителей рот старухи раскрылся. Почудилось, что она сейчас начнет таять, словно свечка, но вместо этого она заговорила:

– Гроб больше усопшего – к новым смертям. Ждите еще двух покойников. Смерть любит троицу.

7. Смещенный центр тяжести

Петя Ершов стоял и плакал у гроба отца. Кто-то из сослуживцев сказал, что он не мучился, когда умирал – в шею попала пуля со смещенным центром тяжести. Она гуляла по всему телу, наматывая органы, пока не вышла из бока. Смерть была мгновенной.

Затем появились незнакомые мужики, оставили у гроба по паре красных гвоздик и стали бить себя в грудь, что они отомстят, какому-то неведомому врагу. Говорили, что будут всегда помогать и поддерживать, но Пете было как-то все равно. Потому что мальчик знал, что это номер два и счетчик уже запущен.

Она тоже была там – неподвижно висела в углу на потолке и едва уловимо перебирала лапками. Петя понимал, что спешить *она* не будет и нанесет последний удар, когда он про нее забудет и отведет свой взгляд в сторону.

Третьим мог стать кто угодно – друг, родственник или даже *он сам*. Оттого единственное верное решение – это стать отшельником. Если не будет привязанностей, значит не будет и боли от утраты. Это вызов один на один – лицом к лицу со смертью.

XVI. Смешной человек

– Кто ты такой? – перекрывая проход в гостиную, холодно спросила Женя.

– В смысле? – непонимающе задал ответный вопрос Флейман.

– Я спрашиваю, кто ты такой?

– Я тебя не понимаю, – сказал он и натянуто улыбнулся.

Женя бросила под ноги Феликса паспорт.

– Последний раз спрашиваю, кто ты такой?

– Я? Смешной человек.

Глаза Жени наполнились слезами, но она сдержалась и не заплакала.

– Я позвоню Лиле, и попрошу найти тебе замену.

– Почему?

– Почему? Почему? – дрожащими губами переспросила она. – Ты разводишь и трахаешь девушек под вымышленным именем – разве этого мало?

– Это не так.

– Да – это так.

– Это она тебе позвонила и сказала, да?

– Кто она?

– Ты прекрасно понимаешь, о ком я.

– О ком?

– Василисе Воскресенской. Это она тебе наплела? Да?

– Кто такая Воскресенская? Почему ты все время говоришь о какой-то Воскресенской? Я не знаю никаких Воскресенских, – сорвавшимся голосом прокричала Женя. Следом у нее случилась истерика. Она прикрыла лицо ладонями и горько зарыдала.

Флейман хотел подойти и утешить ее, но она резко его оттолкнула.

– Выслушай меня, я все объясню.

– Уйди.

– Прости, что соврал, насчет имени. На то были свои причины.

– Уйди.

– Но сейчас все иначе. Я честно собирался признаться тебе в этом. Просто не было подходящего момента.

Феликс вновь попытался положить руки ей на плечи, но она все равно отбрыкнулась.

– Отойди от меня.

Что-либо объяснять было бессмысленно. Феликс Флейман тяжело вздохнул, оделся и вышел за дверь. На лестничной клетке он остановился и достал две тетрадки – без них он никогда не выходил из дома. Первая внешне напоминала старую советскую папку с надписью «Дело». На разлинованной по центру части было начертано название аккуратным почерком с округлыми хвостиками букв: «Инспиризм, или мир сквозь призму вдохновения. Записки Ф. К. Флеймана». Василиса была права – внутри она была пустая. Сколько бы

Феликс не пытался, он так и не смог выдать из себя ни строчки. Все идеи теснились в его голове, из которой выход был невозможен.

Вторая тетрадь, совсем не примечательная внешне, однако удобнее предыдущей благодаря широким металлическим кольцам на корешке, имела заглавие «Дневник». Правее него можно было распознать силуэт еще одного слова, но то ли оно было наполовину стерто, то ли запачкано чем-то. Флейман открыл ее ближе к концу и добавил короткую запись. Затем осмотрел номера почтовых ящиков, нашел дверцу с цифрой «шестьдесят девять» и пропихнул тетрадь в узкую щель.

Флейман чувствовал, что половина проблемы уже решена. Оставалось только разобраться с Василисой Воскресенской.

XVII. Дневник сновидений

(Избранные записки Петра Константиновича Еришова, прочитанные Евгенией Сергеевной Перескоковой перед их сожжением)

Фрагмент #1.

Миф – это первозданная религия. Древним было важно объяснить себе, почему идет дождь, сверкает молния, не растет урожай, умирают люди. Создание идолов (или богов) решило главную проблему – мысли. Если все в мире завязано на божественной непредсказуемости и прихоти, то зачем искать ответы?

Фрагмент #4.

Развитие цивилизации, науки и философии породило проблему несоответствия мифа современным требованиям общества. Возникла потребность в ограничении человека – осмысливании морали, этики и основ гуманизма.

Однако заставить людей массово следовать тем или иным новым принципам не так просто, если у них уже сложились определенные предпочтения, традиции, воззрения. Продуктивным решением становится усиление страха. Благодаря боязни божественного наказания за проступки, а также неопределенность в вопросе смерти и загробной жизни пе-

реход к новой религии происходит гораздо быстрее, чем при позитивном влиянии.

Фрагмент #8.

В Древней Руси переход от язычества к христианству не происходил в одно мгновение. Процесс был долгим – людям было сложно верить в то, что не имеет конкретного образа. Троицу невозможно представить; Бога Отца запрещено изображать, как и все, что не видно человеческому глазу.

Оптимальным было заместить языческих идолов христианскими. Человеку стало не обязательно посылать нужду напрямую Богу с появлением посредников с конкретным образом – будь то святых мучеников или икон.

Фрагмент #11.

Подмена языческих идолов сохранила мистическое мировосприятие у большинства верующих во всех последующих поколениях. Приметы начали гармонично уживаться с постулатами Писания.

Например: вера в то, что христианский Бог милостивый и всепрощающий, но при этом карательный при нарушении примет, обрядов и обычаев.

Дисфрагмент #1.

Моя вера в примету с тремя покойниками (гроб больше усопшего – еще к двум смертям) возникла потому, что я лич-

но увидел, как она работает. Между смертью бабушки и гибелью отца прошло меньше месяца – этого было достаточно, чтобы убедить меня в том, что третьих похорон не миновать. Я начал по-настоящему бояться смерти, причем меньше друзей или близких, а больше своей.

Постепенно страх смерти привел меня к затворничеству. Я осознал, что: чем меньше привязанность к людям, тем слабее боль от утрат. Вот только совершенно оградить себя, являясь частью общества – оказалось невозможно.

Фрагмент #17.

Классическое искусство – подражательно. Начиная с наскальной живописи, люди пытались воспроизвести реально существующие в природе объекты: людей, животных, деревья, растения, стихии, разные явления.

Причем подражает природе не только изобразительное, но и зрелищное искусство, а также литература и архитектура.

Исключением является музыка, которая привносит в мир то, чего раньше не было.

Фрагмент #20.

Музыкант – это проводник, который знает, какой дорогой провести странника в мир своего сердца. Музыка же даёт нам возможность путешествовать «во» и «вне» пространства и времени; пробовать жизнь в других городах и странах; ви-

деть чужие судьбы.

Фрагмент #28.

На рубеже веков искусство особенно явно стало отходить от подражательного и принимать созидательный характер. Яркий пример – супрематизм Малевича. «Черный квадрат» уже не подражал природе (так как идеальных геометрических фигур природного происхождения в принципе не существует), но приносил в мир нечто уникальное, совершенное, новое.

Фрагмент #30.

Высшая цель человечества заключается в том, чтобы отойти от подражания и начать созидать то, что ранее не существовало.

Дисфрагмент #2.

Литература, музыка и фильмы создали иллюзию полноценной и насыщенной жизни. Искусство не избавило меня от мыслей о смерти (порой оно только усиливало их), но по крайней мере скрасило отсутствие общения с людьми.

Фрагмент #35.

Пребывая в состоянии одиночества, человек может испытывать радость, если обладает благой идеей.

Фрагмент #41.

Человеку невозможно жить без идеологии. Отсутствие веры во что-либо приводит к тому, что люди начинают заполнять пустоту внутри себя, чем попало.

Дисфрагмент #3.

Когда мне нужна была идеология, я выдумал инспиризм. Другими словами – это жизнь ради вдохновения. При чем ошибочно будет понимать «вдохновение», как побуждение к делу или творчеству. Оно скорее является ощущением некого вкуса и ритма жизни.

Дисфрагмент #5.

Мне хочется верить, что любой эпизод моей жизни, который ярко впечатался в памяти, и который я могу воспроизвести со всеми красками, так или иначе сопровождался вдохновением.

Фрагмент #50.

Любой находящийся в мысленном странствии человек рано или поздно упирается в один из непроходимых онтологических камней:

- жизнь;
- смерть;
- любовь;
- душа;

– дух.

Фрагмент #53

Основная сложность прохождения сквозь онтологические камни в том, что про эти понятия невозможно сказать или написать исчерпывающе. Каждая новая попытка осмыслить эти явления только отдаляет от истинного понимания сути.

Фрагмент #56.

Из состояния преткновения существует три выхода:
первый – возвыситься над онтологическим камнем, чтобы столкнуться с онтологическим пределом (Богом);
второй – отступить до малого аксиомического круга;
третий – остановиться и не двигаться.

Фрагмент #69

Замыкает малый аксиомический круг подраздела «искусство» – поэзия.

Фрагмент #75.

Под таким углом зрения поэт выступает в роли посредника между Богом и людьми, своего рода пророком.

Фрагмент #90.

Другим немаловажным подразделом аксиомического круга является вдохновение.

Дисфрагмент #10.

Читая разные статьи о борьбе с невротами и психическими расстройствами (какими зачастую страдаю), я наткнулся на необычную методику лечения через осознанные сновидения.

Ценник меня пугает, но излечиться все-таки хочется. Попробую сначала самостоятельно (благо в интернете достаточно статей об этом), а там уже посмотрим.

Фрагмент #114.

Выделение в круге «мечты» и «сна» до сих пор остается спорным.

Дисфрагмент #20.

Сегодня я разговаривал со странной, но интересной девушкой. За последние несколько лет – это было первое непринужденное общение с человеком. Причем нельзя сказать, что в нашем диалоге было нечто сверхординарное. Просто мне захотелось поделиться своими мыслями, а она увлеченно меня слушала. Это было приятно.

Однако хорошо, что эта история не будет иметь продолжения. Я назвал ей выдуманное имя и фамилию, чтобы у нее не возникло желания меня найти.

Дисфрагмент #22.

Удивительно – та девушка не выходит из моей головы. Нет, я не влюбился в нее, ~~хоть она мне и была симпатична.~~

Фрагмент #120.

– Мечта как сон – сильное желание добиться чего-то, или обладать чем-то, или пережить что-то, что внутренне воспринимается зыбким и нереальным для физического (материального мира).

– Сон как мечта – вид сновидения, в котором исполняются самые сокровенные желания.

Фрагмент #125.

Если бы во время сна люди имели возможность получать то, чем невозможно обладать наяву, то многие бы стали бодрствовать гораздо меньше.

Фрагмент #131.

Одним из первых исследователей «осознанных сновидений» в XX веке считается Фредерик ван Эден.

Фрагмент #133.

«1889 г. – начал вести дневник сновидений.

1896 г. – принялся за систематическое изучение снов.

1897 г. – пережил свое первое осознанное сновидение.

1909 г. – выпустил в свет книгу «Невеста из сновидений», в которой в художественной форме изложил свои взгляды на

сновидения вообще и на осознанные сновидения в частности.

1913 г. – систематизировал свои знания в научном труде «Исследование сновидений».

1918 г. – потерял всякую надежду и веру в свою работу. «Осознанных сновидений нет вот уже целые годы. Меня преследует уныние, и я чувствую, что мои силы иссякают».

1925 г. – первые симптомы психического заболевания».

Фрагмент #139.

...цитата из книги «Невеста из сновидений»:

«Я приучил себя каждое утро тщательно запоминать то, что со мной случилось ночью, и вечером, перед тем как отправиться спать, я принимал твердое решение, если хотите, самовнушение, которое должно было работать и во время сновидения...».

Фрагмент #142.

«Таким образом, оказавшись в сновидении, я больше всего хотел осознать, что я вижу сон, и не потерять нить воспоминаний, которая связывала бы меня с дневной жизнью».

Фрагмент #156.

Согласно этой методике для контроля над снами достаточно:

во-первых, запоминать все, что видишь во время сновидения.

дений;

во-вторых, понимать и обдумывать все, что происходит в реальном мире;

в-третьих, сохранять мозг в сознании наяву и во сне.

Дисфрагмент #35.

Ненавижу. Ублюдки. Скоты. Обманщики. Зачем внушать людям, что они могут управлять снами, если это невозможно?

Дисфрагмент #38.

Вспомнил кое-что из детства.

Однажды утром я валялся на кровати в полудреме. Погода стояла настолько промозглая, что отпадало всякое желание вылезать из-под одеяла. Переваливаясь с боку на бок, я совсем отчаялся вернуть ускользающий сон. Все мучался, ворочался, потом уткнулся носом в подушку и сжал ей лицо так сильно, что даже заболели глазницы. Вдруг по черноте под веками стали расползаться серебристо-красно-синие молнии. Так я лежал и наблюдал за свечением, пока не стал видеть более-менее отчетливые образы. Сначала это походило на ускоренную нарезку кадров из моих воспоминаний. Затем всплывающие картинки стали превращаться в безумную мысленную вакханалию, словно бы я потерял контроль над своим сознанием, и оно вырвалось в хаотичном и неудержимом потоке. Смерть. Смерть. Смерть. Это все, что жило в за-

кромах моей черепной коробки. Мне стало жутко. Я открыл глаза.

С тех пор, кажется, я вижу только кошмары.

Дисфрагмент #43.

Я убежден, что способность управлять снами дана только избранным. Все зависит от личностных данных, и совсем немного от разных практик.

Дисфрагмент #46.

Но что если я ошибаюсь, и способность управлять снами дана каждому человеку? Главное неустанно практиковаться и верить, что все получится.

Дисфрагмент #49.

Наконец-то я нашел более точную методику для сохранения сознания во сне.

Привожу краткую последовательность действий:

Для начала следует сконцентрировать мысли на поставленной цели. Желательно в выбранный день избежать общения с людьми, прочтения книг или просмотра фильмов. Также важно отказаться от всего, что может повлиять на внутреннее состояние и ход мыслей (для меня остаться дома на два-три дня в полной тишине – вполне естественное явление).

Затем нужно тщательно изучить интерьер своей кварти-

ры. Важна каждая мельчайшая деталь, вплоть до того, какие предметы находятся на столах, полках, в шкафах.

Далее идет самая монотонная часть. В течение целого дня нужно детально восстанавливать в уме каждую комнату, включая все предметы.

И, наконец, ночная предсонная практика. Удобно устраиваешься в кровати, закрываешь глаза и пытаешься совершить в уме какое-нибудь действие в пределах квартиры. Например, выстраиваешь ряд монеток где-нибудь на балконе и пытаешься мысленно до них дойти и пересчитать.

Дисфрагмент #51.

Вчера перед сном я разложил на столе восемь монет разного номинала: от одной копейки до десяти рублей. Затем лег и попытался представить, как встаю с дивана, иду на балкон, беру монеты, тщательно изучаю их, кладу обратно, возвращаюсь на исходную. И так повторял от начала и до конца снова и снова.

Часа в два ночи все надоело, и я просто уснул.

Дисфрагмент #54.

Вновь попытался провести ритуал с монетками. Уснул ближе к восходу солнца. Проспал до обеда.

Дисфрагмент #57.

Клинило весь день: за столом, в транспорте, на парах.

Страдаю от головной боли: любое движение отдается болью в висках. Но надо продолжать ходить за монетами на балкон.

Дисфрагмент #60.

До сих пор не понимаю, что со мной произошло вчера. Я отключился или пробудился? Помню только, как перебирал монеты в голове, а затем бессознательно встал и начал ходить до балкона и обратно. Я брел туда-сюда, как в бреду, пока не бросил взгляд на часы. Абсолютно точно зеленые цифры показывали три ночи. Встряхнув головой, я еще раз взглянул на время – пять утра.

Я даже *осознанно* спросил себя: «Сон ли это?». Однако не смог себе ответить.

Дисфрагмент #62.

Уже третьи сутки не могу вернуть себя в нормальное состояние. Кажется, мне все сложнее и сложнее верить, что я бодрствую. Чищу зубы – спрашиваю себя «сон ли это?». Ем – спрашиваю себя «сон ли это?». Иду по улице – спрашиваю себя «сон ли это?».

Дисфрагмент #65.

Мой организм перестал засыпать. Я лежу на подушке, ворочаюсь, но в итоге встаю и просто зависаю до утра в интернете.

Иногда получается вздремнуть утром. Всего на пару часов. Но от такого отдыха всегда накатывает тошнота.

Дисфрагмент #68.

Меня тошнит от всего и всегда. Беру в руки стакан или камень, и понимаю, что меня гложет тошнота.

Дисфрагмент #70.

Сегодня ходил в больницу. Врач выписал хорошее лекарство – снотворное.

Дисфрагмент #72.

Теперь я проваливаюсь в сон и вижу «ничего». С того единственного осознанного раза прошло уже две недели. Видимо, все мои старания были тщетны.

Дисфрагмент #78.

Я наконец-то увидел цветной сон.

Мне снилось, что я стою у кирпичной стены с неоновой вывеской. Кругом темно, льет дождь. Я искал какую-то давнюю знакомую. Мне казалось, что она выведет меня к свету.

Дисфрагмент #80.

Вновь начинаю чувствовать себя нормальным человеком. Возобновил походы в джаз клуб – сегодня будет третий раз за эту неделю.

Дисфрагмент #82.

Теперь я прекрасно осознаю, что было большой ошибкой вводить себя в состояние бессонницы.

Я окончательно решил завязать с практиками осознанных сновидений.

Вести данный дневник тоже больше не имеет смысла.

Дисфрагмент #90.

Сегодня мне посчастливилось снова встретить симпатичную иностранную незнакомку. Разговаривая с ней, я забыл, что на всю голову болен что сумасшедший что страдаю от своей нервозности. На мгновение я даже поверил, что она вытянет меня из этой ямы.

Что за бред?

Дисфрагмент #92.

Она преследует меня! Она преследует меня! Если она продолжит меня преследовать, то мне придется еще лечить шизофрению.

Фрагмент #206.

«Вся жизнь человеческая, от рождения и до смерти, похожа на один день жизни от пробуждения и до засыпания.

Так что пробуждение человека – это маленькое рождение, день от утра до ночи – маленькая жизнь, а сон – маленькая

смерть».

Дисфрагмент #132.

Зачем она рассказала мне о смерти той девушки? Теперь я только и представляю, как она повесилась.

Общение с этой проклятой Женей мне только во вред: я снова стал вспоминать, что выдумал «инспиризм», чтоб заглушить мысли о смерти.

Дисфрагмент #135.

Возобновились ночные кошмары. В них со мной пытаются разговаривать люди, которых давно уже нет.

Фрагмент #212.

«Засыпая, ты умираешь для этого мира, чтобы воскреснуть для другого, где смерть в принципе невозможна».

Дисфрагмент #137.

Сегодня во время спектакля я повстречал стопроцентную девушку. Яркие рыжие волосы. Аккуратные тонкие губы. Белая кожа. Еле заметная родинка на ямочке под носом. Темно-зеленые глаза.

Где я мог уже ее видеть?

Дисфрагмент #139.

Любые попытки найти Василису Воскресенскую оказа-

лись напрасными. Я продолжаю искать ее глазами в толпе, среди случайных прохожих, искренне веря, что нам еще суждено встретиться.

Дисфрагмент #141.

Вернее всего будет снова прийти на выступление в четверг. Пока еще сложно представить, как к ней подойти, что сказать. Разберусь с этим на месте.

Дисфрагмент #148.

Все надежды пошли прахом – на сцене стояла другая девушка. Василиса Воскресенская бесследно исчезла, испарилась.

Дисфрагмент #150.

Сегодня меня посетила ошеломляющая мысль, что Василиса Воскресенская – плод моего воображения. Есть множество аргументов за и ни одного против.

Дисфрагмент #152.

Чтобы окончательно убедить себя, что Воскресенская существует, я попросился в труппу «Экспериментального театра». Мама Лилия обещала посмотреть мои умения в конце августа, когда будет решаться программа нового сезона. А сейчас еще только май. Я скорее повешусь, чем дождусь.

Дисфрагмент #155.

Проснулся соблазн вновь вернуться к практикам осознанных сновидений. Если нам больше не суждено встретиться в этом мире, то пускай хотя бы в другом.

Фрагмент #249.

Неотъемлемой частью осознанных сновидений считаются две составляющие: фантазия и воображение.

Фрагмент #252.

Для разжигания таких мысленных практик, как фантазия и воображение, необходимо чистое топливо – вдохновение.

Фрагмент #255.

«Этим самым я хочу оправдать свое убеждение, заключающееся в том, что для исследования таинственного мира сновидений нам нужны не только чисто научные, но также и поэтические способности. На этом поприще, первопроходцы должны быть либо поэтическими учеными, либо научными поэтами; поскольку поэт – при условии, что мы понимает это слово в его высшем и глубинном смысле – это человек с естественной страстью к исследованию самых глубоких областей человеческой души, и постоянно занимающийся созданием новых духовных ценностей и придания им точного выражения».

Дисфрагмент #159.

Я заметил, что сознание начинает осмысливать сны, если я вечером: а) был бодр; б) слушал музыку, смотрел фильм или читал книги; в) находился под впечатлением. Однако осмысленности не достаточно, чтобы управлять процессом сна. Возможно, необходимо что-то сильнее в плане воздействия.

Фрагмент #259.

Каждый вид искусства обладает вдохновляющим антиподом:

музыка – тишина;

литература – молчание;

...

Дисфрагмент #161

Важно научиться чувствовать момент. Не проклинать дождь, что он неожиданно тебя застал, а благодарить судьбу, что разные обстоятельства вывели тебя на улицу.

Фрагмент #268.

У каждого события есть двойственный (диалектический) ритм или атмосфера. Получит ли человек вдохновение или нет – зависит от внутреннего мировосприятия.

Дисфрагмент #164.

В последнее время все ругают бушующий в Екатеринбурге штормовой ветер. А я, наоборот, наслаждаюсь им – сижу в парке и слушаю, как от него шелестит листва.

Дисфрагмент #170.

Никаких ламповых посиделок под дождем не достаточно, чтобы обуздать сновидения. Это все самообман скуки ради.

Дисфрагмент #192.

Завтра собрание Э. С. Т. а. Я пытаюсь о нем не думать, чтобы заранее себя не расстраивать.

Дисфрагмент #194.

Наконец-то все подтвердилось: Воскресенская – моя иллюзия. Среди актеров «Экспериментального театра» не было никого на нее похожего. Я не придавал раньше этому особого значения, но Женя уже говорила о некой Марии Лучезарской. Так вот – похоже это ее я заместил своей выдумкой. А чья это внешность – до сих пор остается загадкой.

Дисфрагмент #197.

После завершения скучного обсуждения пьесы по «Степному Волку», я сразу же отправился домой. Лиля предлагала остаться, однако в этом уже не было никакого смысла.

Придя домой, я завалился на диван и попытался живо представить девушку моего воображения. Не знаю, сколько

часов этого продолжалось, пока я не погрузился в сон. А когда это случилось, я осознал, что вижу себя со стороны прямо во сне.

Эта была все та же станция «Палкино», только теперь я мог понаблюдать за тем, как разворачивались бы события идеально для меня.

Дисфрагмент #200.

Я хотел обладать ей. Во мне пробудилось непреодолимое желание заниматься любовью с несуществующим человеком. И эта самая прихоть чуть не разорвала тонкую нить сновидения!

Дисфрагмент #210.

В силу ограниченности фантазии я не смог представить половой акт. В итоге все окружение застыло и больше ничего не произошло.

Дисфрагмент #215.

Сегодня вновь объявилась странная преследовательница. То, что она мне сообщила, не поддается логическому объяснению – меня взяли в труппу.

Дисфрагмент #218.

Увидев ее, я осознал, кому принадлежит внешность Василисы Воскресенской. Да, той самой рыжей девушке, которая

повесилась самой Жене. Вот только мое подсознание пытается видоизменить ее в соответствии с моим вкусом и предпочтениями.

Дисфрагмент #220.

Женя убедила меня репетировать танец, что заняло немалых два часа. Все это время я мучительно хотел ее, но не позволял себе думать об этом. Нельзя! Нельзя! Нельзя ее осквернять своими мыслями.

Дисфрагмент #223.

Когда я вернулся домой, я вновь попытался переиграть этот день. Все начиналось идеально: я убежал от Жени еще до разгорания моих скверных мыслей, встретился с Василисой в дендропарке...

Дисфрагмент #228.

Боже мой она же моя фантазия! Почему она надо мной издевается?!

Дисфрагмент #234.

Я безумно люблю Женю странной любовью.

Дисфрагмент #238.

Именно она, любовь к этой девушке, дает мне самое сильное вдохновение для осознанных сновидений.

Дисфрагмент #251.

Возобновились ночные кошмары. Я вижу их каждый раз, как встречаюсь с Женей.

Дисфрагмент #254.

А что, если я заблуждаюсь? И на самом деле все существует: и Э. С. Т., и Женя, и Василиса.

Дисфрагмент #257.

Почему Василиса эксгибиционистка? О, это достаточно простой вопрос. Когда я ее желал всем сердцем, то случайно зашел на страницу какой-то извращенки с таким же именем в социальных сетях. Так в уме и отложилось.

Дисфрагмент #259.

Я снова стал постоянно спрашивать себя: «Сон ли это?». Подсознание уверенно утверждает, что: «Нет, это не сон». Но я не верю ему. Это все заговор.

Дисфрагмент #264.

Не могу вспомнить, кого я все-таки выдумал: Феликса Флеймана или Петра Ершова. Кто я на самом деле?

Дисфрагмент #269.

А была ли девочка? Может девочки-то никакой вовсе и

не было?

Дисфрагмент #274.

Я – Феликс Флейман. Петр Ершов – плод моего воображения.

Дисфрагмент #280.

Все чаще и чаще вместо осознанных сновидений я вижу осмысленные кошмары.

Дисфрагмент #285.

Скажу страшную вещь. Любовь не выдерживает. Не среди живых, по крайней мере.

Дисфрагмент #288.

~~Невозможность обладать. Невозможность обладать.~~
~~Невозможность обладать. Невозможность обладать. Невоз-~~
~~можность обладать. Невозможность обладать.~~

Дисфрагмент #300.

Теперь я понял: когда ты появилась в моей жизни, я снова стал бояться смерти.

XVIII. Эпилог

Феликс Флейман (или я должна сказать Петр Ершов) без вести пропал больше года назад. Он ушел, а я ждала. Почему-то верила, что он вернется и все будет по-прежнему: репетиции, чай (как повод, чтобы остаться), бесполезные разговоры о чем-то глубоком. Но ни через день, ни через неделю он не появился. Превозмогая гордость, я даже пыталась ему звонить, но гулкие гудки всего-навсего уходили в никуда. Лишь спустя десять дней мне посчастливилось найти его дневник в почтовом ящике (обычно мне нет дела до его содержимого). И только тогда я поняла, как хорошо, что он испарился.

Однажды ночью тревожно зазвонил телефон. В глубине души я предчувствовала, что это может быть *он*.

– Алло, – произношу я в мертвой тишине комнаты, а в ответ получаю только молчание.

– Прости, что так поздно, – вдруг зазвучал Лилин голос на том конце. – Дима умер. От инсульта.

Вот и все. Жил-был человек, а теперь точно бы и не жил, и не был.

На следующий день я решила все рассказать Петру. Внутри я была уверена, что, узнай он о произошедшем, ему было бы проще принять решение об уходе в монастырь. Теперь, когда некого ненавидеть, можно спокойно отказаться от сво-

ей обыденной жизни.

Узнав у театральных его номер, я набрала его, чтобы договориться о встрече.

– Встретиться? Со мной? – удивился он. – Мы ведь едва ли знакомы.

– Есть кое-что важное, что я могу рассказать только лично.

Договорились на вечер, у него дома. Всю дорогу от Южного автовокзала до конечной на Вторчермете (той, что на Селькоровской), я пыталась представить, какую реакцию мне от него ждать: печаль, радость, безразличие или что-либо еще? Как я должна себя вести? Выдать все с порога или выждать подходящий момент? Что делать после? Остаться или сразу уйти? Голова просто разрывалась от вопросов.

Я рассчитала в голове все возможные варианты и подготовилась к любому раскладу. По крайней мере, мне так казалось, пока я не оказалась на месте. Когда Петр открыл дверь, все тут же вылетело из моей головы. Его внутреннее и внешнее состояние значительно отличалось от того, что я видела в последний раз. Он снова был бодр и весел, носил аккуратную бороду, усы с завитыми концами и стильную прическу с выбритыми висками. Шрамы уже так не пугали, а даже наоборот придавали его внешности загадочности. Теперь его лицо хранило хоть и трагичную, но историю.

Он проводил меня в гостинную и усадил на диван.

– Прежде, чем ты поведаешь мне, зачем ехала в такую

даль, можно я поделюсь с тобой моим сном?

– Конечно, давай.

– Просто он был настолько сильным, что мне не терпится кому-нибудь его рассказать.

– Я уже слушаю, ну.

– В общем, еду я один в каком-то вагоне, то ли поезда, то ли электрички. Куда еду – не знаю. За окном только белый туман. Вдруг чувствую как кто-то подошел ко мне со спины. Оборачиваюсь – смотрю, Дмитрий стоит. Думаю: «Вот борзый, духа самому хватило прийти». Меня даже затрясло всего от гнева. Уже хотел встать и затеять драку, а он мне такой кладет руку на плечо и говорит: «Петь, можно с тобой посижу немного?». Я хоть и спал, но даже во сне немного опешил. Кивнул, пододвинулся к окну. Он сел рядом – светлый такой, улыбается и молчит. Не знаю, сколько все длилось, может минуту, может час. В какой-то момент он просто резко встал и сказал: «Все, мне пора. Прощай, Петя». Я тоже встаю, хочу пойти с ним, а он только головой мотает, мол, тебе еще дальше ехать. Так и вышел на станции, а меня дальше отправил. И, представляешь, проснулся, а внутри какое-то чувство странное, слишком светлое. И никакой внутри злости и обиды за то, что он со мной сделал...

Петя не успел договорить. Я придвинулась к нему поближе и уткнулась лицом в широкое плечо. По щекам, как всегда, полились слезы.

– Эй, ты чего? – растерянно произнес он.

Но я так и не смогла признаться, что на самом деле случилось с Дмитрием. И стало как-то все равно. Почему Соня и Дмитрий умерли? Куда пропал Феликс? Чем Петр заслужил свои шрамы? Я не знаю. Жизнь никогда не дает ответы на, казалось бы, простые вопросы.

XIX. В никуда

Многоокий улей на улице Мелькоровской горел теплом и холодом в каждой стеклянной фасетке. Черный предупреждающий сигнал играл только в соте шестого этажа.

Я набрал на домофоне две студеные цифры и выжидательно вслушался в тоскливую песнь гудков. На том конце провода было ноль реакции. Дождавшись случайного странника, владеющего заветным магнитом, я прошел до кнопочной копии динамика, чтобы выслушать песнь еще раз.

Большой брат под куполом неотрывно смотрел с потолка. Пришлось ждать очередного случайного странника. Стальная дверь пригласила в идеальный мир человеческой геометрии: прямоугольный пролет, проем, почтовые ящики. В длинном холле все шесть грузчиков спали – ждали нажатия на выпуклый круг.

Я поднялся и нащупал проводник очередного глашатая. Лондонские мотивы Бенджамина Холла ненадолго разбили тишину. Но того было мало, чтобы призвать хозяйку. Крючковатый нос пригласил его опустить – я поддался. Поддалась и тридцать шестая, ведь она оказалась открытой.

Внутри умер свет, хоть выколи глаза. Манящий маячок для мотылька мигал только в дальнем конце. Сомнений не было – то оставленное кем-то послание. Но чтобы его прочесть, следовало раскалить стекло на потолке. Я так и сделал.

В электронных чернилах распознались новороманские знаки. Но лучше бы эти страшные строки остались неправдой:

ПРОСНИСЬ, ВСЕ ПРОИСХОДИТ НАЯВУ

Флейман тревожно оглядел комнату: чисто выбеленная, она казалась ужасающе пустой, чтобы быть жилой. «Зеркало, нельзя подходить к зеркалу», – заевшей пластинкой крутилось в его голове.

Стало страшно выходить из комнаты. Покружив немного загнанным в клетку зверем, Флейман взял подушку и лег в позу эмбриона на кровати. Стала накатывать дремота. И он верно бы уснул, если бы не нахлынул ужас с новой силой.

Флейман знал, что он не в силах избежать то, что он должен увидеть за отражением. Встав, он медленно зашагал в коридор. В зеркале отразилось изуродованное страхом лицо. Но надо было преодолеть себя и открыть дверцу шкафа-купе.

Смерть еще никого не красила. Посиневшее тело Василисы висело все в том же бежевом платье с галстуком-бантиком и черных капроновых чулках. Темно-зеленые глаза налились сгустками крови из лопнувших капилляров. Аккуратные тонкие губы рдели красным и без алой помады.

Хотелось отвести глаза. Борясь с разрывающей нутро тоской, Флейман нашел в себе силы встать на стул, чтобы отвязать веревку. Неумело замотанный узел был скручен и за-

путан так, словно девушке потребовалась не одна попытка себя повесить. Разбитые в кровь колени были тому подтверждением: она затягивала на шее петлю, срывалась и падала, снова и снова, пока все не свершилось.

Немало усилий потребовалось Феликсу, чтобы высвободить Василису из петли. Взяв девушку на руки, словно спящую принцессу, он понес ее на кровать. Растянувшееся по струнке тело стало казаться несколько умиротворенным. Мертвые глаза остались смотреть в пустоту.

Он догадался, что оставалось последнее. Найдя в сумке бутылек со снотворным, он высыпал себе целую горсть таблеток, закинул ее в рот и разгрыз зубами. Затем лег рядом с трупом Василисы – посередине кровати осталось пустое пространство.

Феликс закрыл глаза. Скоро все будет хорошо, ведь он отправится в лучший мир – сновидений, вдохновения, фантазий и воображения. И, кажется, не было страха, ведь Флейман знал, что человеческая жизнь – это всего лишь шаг из ниоткуда в никуда.

XX. Последнее путешествие Феликса Флеймана

Я открыл глаза.

Джем-сейшн был в самом разгаре. Расположенный сбоку от сцены столик открывал обзор на профили незнакомо-го квинтета. Спинай был повернут только ударник: свисающие до лопаток колтуны дредов и регги-образный прикид разрушали привычное представление о джаз бенде. Оставшаяся четверка ничем особо не выделялась: простая внешность, обыкновенная одежда, любительская игра безликой мелодии.

«Сон ли это?», – спросил я себя.

«Да, это сон», – ответил голос в голове.

Пространство вокруг стало переживать некоторые метаморфозы. Теперь со сцены звучало фортепианное соло композиции The Two Lonely People. Из ниоткуда возник большой черный рояль и худощавый человек с зализанными назад волосами. На его носу – очки в стильной заквадраченной оправе, а в зубах медленно тлеющая сигарета.

– Феликс Флейман? – послышался грубый бас за спиной.

Я обернулся: уже знакомый мне исполинских размеров мужчина нависал над соседним стулом.

– Вы ошиблись – меня зовут Петр Ершов.

Старик понимающе кивнул.

– Вы не будете против, если я составлю вам компанию?

– Я вас уже давно ожидаю.

Приглашенный по-прежнему совершал движения осторожно и неспешно. Расстегнув верхнюю пуговицу старого заплата́нного пиджака, он встал перед столом, отдышался, прокашлялся, сощурился от боли, и только потом подвинул стул вплотную и сел.

– Вы знаете, кто я?

– Да – Феликс Флейман, степной волк.

– А почему я такой больной и старый, вы тоже знаете?

– Я пытался стереть ваше существование. А это последствие.

– Петр Ершов должен был принять Феликса Флеймана, потому что мы неразрывное целое.

– Зачем принимать плод воображения?

– Когда-то такой же плод подарил Адаму великое знание о диалектике души.

– Мне не нужны знания, которые ведут в тупиковые ветки.

– Солгав, вруны продолжают обманывать всех снова и снова, поскольку боятся быть пойманными.

– Мы оба знаем, что сейчас я говорю правду.

Старик не успел ничего ответить – его глотку сковал приступ кашля. Взяв платок в руку, он постарался сдержать припадок, как в прошлый раз, однако к спазмам теперь добавилось сильное кровотечение.

– Где мои таблетки? – смотря сквозь слезы на меня, спросил Феликс Флейман.

– Здесь, – коротко ответил я и протянул прозрачный пузырек с пилюлями.

Степной волк без лишних вопросов принял мое подношение. Высыпав целую горсть в ладонь, он закинул ее себе в рот и жадно запил водой. Приступ сразу же прекратился.

– Что за лекарство вы мне дали?

– Снотворное.

Старик жалобно посмотрел мне в глаза, чуть пошатнулся и упал плашмя на пол. Я знал, что все так закончится, потому встал из-за стола неспешно, а затем так же медленно опустился к нему на коленях.

– Это конец, – слабо прохрипел Флейман.

– Я знаю.

– Петру Ершову предстоит еще долгое путешествие.

– И это я тоже знаю.

– Надень мою маску. Без нее ты не войдешь в «Театр», – кроваво прокашлял старик. Это были последние его слова – после них он скончался на моих руках.

В этот же миг в джаз клубе стали происходить очередные метаморфозы: зал опустел, а тело Феликса Флеймана превратилось в окровавленную тушу степного волка. Воцарилось молчание.

По логическим законам сна в моей руке оказался топор. Я встал и резко рубанул им по мохнатой холке зверя. Голова

легко отделилась от туловища. Именно ее, окровавленную, я надел на себя, а затем вышел на улицу. Безлюдная и сырая, она по-прежнему внушала мало доверия. Куда идти – подсказывала память. Преодолев знакомые сводчатые воротца, я увидел вдалеке одинокий свет лампочки-светлячка, который постепенно начинал преобразоваться в фразу: «... вечерний аттракцион... Вход не для вс...».

Дверь получилось найти не сразу. Багровая ржавчина ступала ее среди красных ветхих кирпичей. Я приблизился к ней вплотную, приложил ухо и постучал. Тут же послышались шаги, и через какое-то мгновение вышел темный-темный человек без лица, перегородив проход.

– Кто вы? – раздался из ниоткуда голос.

– Петр Ершов.

– Кто такой Феликс Флейман?

– Моя персона.

– Что ты хочешь найти?

– Мою аниму.

Темный-темный человек отпрянул в сторону.

– Допускаются только сумасшедшие, плата за вход – разум. Вы готовы? – глухим голосом спросил он.

Я утвердительно кивнул и уверенно вошел вовнутрь. За плотной, закрывающей от посторонних глаз проход, вуалью показалась небольшая, синевато освещенная, круглая комната. Вдоль бархатной цилиндрической стены в ней ничего не оказалось, кроме трех одинаковых дверей. Следуя прин-

ципу строгого порядка, мой выбор пал на крайнюю левую.

Провернув ручку, я раскрыл проход в непроглядно-темную комнату. Стоило шагнуть за порог, как щелкнул сзади механизм, и нечто плоское и твердое вытолкнуло меня в крошечную тьму. Я оказался зажатый между двумя закрытыми дверями.

– Где же ты? – раздался до боли знакомый, но в то же время неопознанный голос.

Глаза стали привыкать ко мраку. Я запрокинул голову и стал тщательно рассматривать потолок и стены. Я понимал, что она уже здесь. Ее присутствие я ощутил сразу – гадкой растянувшейся многоножки.

– Почему ты не здесь? – прозвучал неопределенный, но родной слуху бас.

Я знал – она мое воплощение страха смерти. Опрометчиво было играть с ней в гляделки, выжидать, кто падет очередной жертвой. Достаточно было ее принять, как неотъемлемую часть жизни.

– Почему не разбудишь меня?

Рука сама потянулась за ней. Многоногая тварь едва уловимо вздрогнула, но осталась неподвижно висеть на прежнем месте. Когда я схватил ее, она издала пробирающий визг, отдаленно напоминающий плач ребенка. Оставалось ее проглотить. Широко раскрыв челюсть, я запустил волосатые передние лапки в рот и дал насекомому залезть прямо в глотку. Следующим ощущением стало то, как она пробирается

до груди, а затем просто замирает.

Вдруг распахнулась передняя дверь. Ставшая традиционной внезапная вспышка света на некоторое время лишила меня зрения. Когда люминесцентная дымка рассеялась и глаза привыкли к свечению, передо мной возникли трое: отец, старуха и молодая девушка.

– Каравай, каравай, кого любишь выбирай, – раздался голос слаженного трио.

Я посмотрел на свои руки – они сделались значительно меньше, словно я снова стал ребенком семи лет. Я перевел взгляд обратно на них – троица выглядела живой и счастливой. На какие-то пару секунд я даже поверил, что никакой смерти не было, что мы в настоящем, а все, что было – лишь затянувшийся страшный сон. Но лгать себе стало невозможным.

– Я люблю, конечно, всех, но... только как дорогие мне воспоминания. Вы будете жить, пока жива моя память и память тех, кто вас до сих пор помнит.

Все улыбки сошли с лиц ушедших. Раздался выстрел, и отец повалился на пол замертво. Марина пошатнулась и упала назад в раскрытое окно. Бабушку стало корежить и бросать из стороны в сторону.

Распахнулась задняя дверь. Мои ноги сами попятились назад, чтобы вернуть меня обратно в цилиндрическую комнату. Проем впереди постепенно стал заволакивать черный густой туман. Это был знак, что должно идти дальше.

Я потянул за среднюю ручку. За следующей дверью оказалась глухая горная деревушка, погруженная в сумерки позднего вечера. Вся округа утопала в глубоком снегу. Перешагнув через порог, я моментально провалился в сугроб по колено.

Когда я обернулся, дверного проема уже не было. Вся моя одежда превратилась в драные лохмотья. На голове лишь осталась волчья морда Феликса Флеймана.

Следовало осмотреться по сторонам. Неподалеку от меня показался деревянный навесной мост, возле которого значился указатель «На Замок». Самой замковой горы не было видно. Туман и тьма закрывали ее, и огромный Замок не давал о себе знать ни малейшим проблеском света.

На горизонте из ниоткуда возник человек. Одетый в причудливое европейское платье незнамо какого-то века, он сильно смахивал на актера классического театра. В руках – длинная пика. Лицо спрятано под медвежьей маской.

– Назовись, чужестранец, – проревел грозный голос стражника.

– Землемер.

– Цель визита? – все тем же тоном продолжал он.

– Прибыл по приглашению графа.

– Значит, вы тоже приглашены на казнь?

– Да.

– Следуйте за мной.

По правде говоря, я сам не понимал, что происходит.

Мысль о том, что я «землемер» пришла как-то естественно сама. Что это за деревня, кто этот человек и кого казнят – оставалось загадкой.

Постепенно стали появляться маленькие окна-огоньки. К их теплomu манящему свету хотелось прилипнуть, как бабочке, но следовало двигаться дальше – сердце чувствовало, что та, которую я ищу, находится где-то рядом.

– Ждите здесь, я проверю наличие мест в трактире, – оставившись у ветхой постройки, сказал провожатый.

– Как скажете.

– Нонче все постоянные дворы забиты. На казнь съезжаются со всей округи, – договорил косолапый, и скрылся за дверью. Из здания пахло кислой затхлостью.

– Эй, – послышался женский шепот в переулке между домами. – Подойди сюда.

– Вы это со мной?

– Да, подойди ближе. Только тихо.

Я выполнил просьбу незнакомки и приблизился к ней на пару шагов. В тени между домами ее фигура плохо читалась. Чуть более отчетливо виднелась только морда-маска собаки.

– Мы знакомы?

– Следуй вдоль того переулка, пока не упруешься в «Театр», – сразу приступила к делу она.

– Зачем?

– Тебя там уже ждут.

– Кто?

– Узнаешь.

– А как же стражник?

– Под маской слабый, неуверенный в себе человек. Преследовать тебя не будет.

– Но ведь...

Шептунья скрылась. По неведомым причинам я почувствовал уверенность, что правильной всего будет послушать незнакомку. Шмыгнув в неосвященный переулок, я быстро двинулся в указанном направлении, пока не уперся в забор двухэтажного дома – точной копии имения Лилии Заречной.

Увитая сухими кустами малины калитка оказалась открытой. С моего последнего посещения двор пережил сильный упадок – теперь пристройки снесены, а их доски навалены безразборными кучами, окна заколочены, и некогда ухоженные газоны погрязли в листьях, по форме напоминающих мертвых голубей.

Как пройти в переднюю, я знал еще по предыдущему опыту. Преодолев два сбитых ногами порога, я попал в зал, где некогда стоял круглоовальный стол. Там, внутри меня ждал карнавал, состоящий из зоопарка в масках.

Их было восемь. Каждый был человеком, но имитировал собой некое животное. Среди знакомых морд – только собака.

– Вот и все в сборе. Можно начинать, – увидев меня, тут же произнесла женщина с лицом лошади.

Некогда меблированная, уютная комната теперь напоми-

нала заброшенную хибару. Сидеть было не на чем – все продолжали стоять на прежних местах.

– Казнь состоится сегодня ночью, – начала говорить лошадь.

В одно мгновение все морды разразились в печальном вопле.

– Сегодня казнят последнего инспириста, – подкравшись сзади, прошептала мне на ухо собака.

– Судить будет — он, – продолжала кобыла.

Зверинец стал возмущаться еще сильнее.

– Кто — он? – склонившись к собаке, спросил я.

– Узнаешь.

– Есть шанс, что он спасется? – вдруг спросила дрожащая коза.

– Да, если придет Спаситель и возьмет всю вину на себя.

Звери стали живо перешептываться между собой.

– Как мы узнаем его?

– Как его имя?

– Тише! – возмущилась человекоподобная корова. – Его именем нельзя разбрасываться всеу. Оно подобно камню.

– Камень. Камень. Камень, – хором заголосил весь хлев.

Собака показала взглядом на выход в переднюю, намекая, что хочет поговорить наедине. Я кивнул, и вышел первым. Она появилась через минуту.

– Ты уже все понял?

– Спаситель – это я?

– Да.

– Что я должен сделать?

– Снять перед всеми маску. Признать, что идеи инспиризма зло. Подставить голову под топор.

– Я готов пойти на это.

– А если я скажу, что принцесса ждет в замке?

По всей деревне разнесся тревожный звон колокола. Оголтелые звери ринулись из лачуги, беспардонно повалив меня с ног. Когда я встал, собаки след уже простыл.

Я побежал за толпой. Ранее просторная площадь в мгновение ока густо забила со всех дорог и переулков галдящим зверьем. Плаха стояла по центру, но подобраться к ней близко не было возможности: безумные зрители напозлали по два-три ряда сверху друг на друга. Вывели заключенного – в отличие от всех на его лицо была натянута маска интеллигента.

– Суд требует молчание, – раздался суровый крик палача. Его лик я узнал сразу – это был темный-темный человек.

– Всмотрись в его пустое лицо, – шепнула сзади по-обыкновенно возникшая из ниоткуда собака. – Теперь видишь?

Прищурившись, я стал разглядывать его лицо. Там, где раньше не было ничего, стал вырисовываться нос, рот и змеиный разрез глаз.

– У него моя внешность.

– Да, это твоя тень.

Площадь стала мертвецки тихой.

– Сей человек виновен в пропаганде губительной ереси среди честного народа.

Толпа взревела. Осужденный молчал.

– Ты развязал ему руки, когда избавился от Феликса Флеймана. Он – порождение всего, что ты не можешь принять в своей личности. Теперь он метит на трон твоего эго, – разъяснила мне собака.

– Как заставим его страдать? Как накажем его по заслугам? – голосил, точно ведущий со сцены, темный-темный человек.

– Забьем его до смерти камнями, – отвечала ему толпа.

Я почувствовал, что пора снимать маску волка.

– Твой выход, – шептала собака.

– Камень, камень, камень, – повторяла толпа.

Бросив голову Феликса Флеймана в грязь, я повернулся в обратную от площади сторону и побрел по направлению указателя «На Замок». Собака последовала за мной.

– Ты уверен? – спокойно, словно ожидала подобный исход, спросила она.

– Темный-темный человек – часть меня. Если он считает нужным казнить инспириста – пусть будет так.

Понимающе кивнув, собака побежала вперед.

– Встретимся там, – произнесла она, прежде чем скрыться.

Я посмотрел вдаль – замковая гора казалась настолько крошечной, что едва ли была соизмерима со спичечным ко-

робком. Но то был обман зрения – на самом деле я уже стоял у входных ворот.

Опустив глаза вниз, я заметил у моих ног голову мертвой собаки – брошенную маску моей спутницы. Теперь, стоя в одном метре от заветного места, где должна быть «принцесса», я осознал, что *она* все это время пребывала со мной в своей собачьей форме.

Я шагнул вперед и толкнул ворота. Они, вполне предсказуемо, вернули меня обратно в синеватую комнату. Преодолев порог, я обернулся назад – как и в прошлый раз все заволочло черным туманом. Вдоль стены оставалась последняя дверь – куда она ведет уже не было тайной. Сон провидчески открывался на пару шагов вперед.

Станция «Палкино». Пустой перрон близ железнодорожных путей. Одинокая девушка сидит на скамье, ожидая кого-то с покорностью верной собаки.

– Василиса Воскресенская? – присаживаясь рядом, спросил я ее.

– Вы ошиблись – меня зовут Марией Лучезарской.

Я понимающе кивнул.

– Я наконец-то нашел тебя.

– Зачем искать того, кто все время и так был рядом с тобой?

Я испытующе посмотрел ей в глаза.

– Почему ты умерла?

– Ты сейчас разговариваешь со мной – не это ли доказы-

вает обратное?

– Ты жива только в этом мире.

– Неужели, ты до сих пор ничего не поняла?

– Что именно?

– Расскажи, почему ты так боишься смерти?

– Однажды я поверил в слова безумки, что кроме бабушки должны умереть еще двое. Первым был отец. Вторую смерть я жду с тех пор уже много лет.

– Хочешь открою тебе секрет?

– Какой секрет?

– Что никакой смерти нет.

Она рассмеялась.

– И что теперь?

– Не знаю. Может вернешься назад, а может и продолжишь свой путь.

– Вместе с тобой?

Она помотала головой.

– Дальше ты отправишься один.

– Но мне нужна ты.

Раздался напоминающий крик петуха зов паровоза.

– Ты всегда знаешь, где меня найти.

Я смотрел ей в глаза, и сам того не замечал, как совершал это уже сквозь тусклое стекло вагона поезда.

– Я не понимаю.

– Ищи меня там, где накрепко сжимается солнечное сплетение.

В последнее мгновение я впервые увидел, как ее лицо расцвело в лучезарной улыбке. Дальше за окном плыл только белый густой туман.

Пустой вагон стремительно мчался в неизвестность. Казалось, что время вовсе не идет, что в данной реальности в нем нет никакого смысла. Теперь, когда не осталось степного волка и инспириста, я перестал понимать, кто я есть на самом деле.

– Ты состоишь из всего, что любишь.

Голос был незнакомый. Его хозяина тоже не было видно.

– Кто ты?

– Проводник.

– Проводник? Значит, ты знаешь, куда мы движемся?

– Сейчас мы стоим на месте.

– Почему?

– Ты до сих пор не понял самого главного.

– Это чего?

– Почему смерти нет.

– Объясни мне.

– Посмотри подле себя.

Я огляделся вокруг. На сиденье справа лежала раскрытая книга – Священное Писание. Страницы из середины были вырваны так, что на обложке осталось только Бытие и Откровение.

– Что это?

– Альфа и Омега.

– Объясни мне.

– Мир с самого начала пребывал в уже совершённом состоянии. Он бесконечен подобно замкнутому кольцу, где Альфа и Омега – лишь промежуточные точки. Созданный в Откровении Иерусалим – Эдем из Бытия. Что было – есть, что сейчас существует – есть, и что только будет – есть.

– Значит, даже если я умру, то все равно останусь в состоянии бытия?

– Смерть – это лишь неуловимая точка на вечно движущемся колесе. Сам факт того, что ты жил и живешь невозможно удалить из общего потока уже совершённого времени.

– Поэтому и не надо бояться смерти?

– Ты говоришь.

Раздался очередной крик петуха.

– Выгляни в окно.

Я сделал так, как велел Проводник. Где-то вдалеке среди бесконечного света начал проклевываться тонкий луч тени. С каждой секундой он становился все шире и шире, пока не заполнил собой все пространство.

Наступила тишина и молчание. Последняя мысль проскочила в моей голове, что возможно, когда я умру, может и не получу роскошные сады или вечное пребывание в Боге, но хотя бы мне будет дарован покой в совершенной темноте. И только бы там не было мыслей, поскольку нет хуже ада, чем голова человека.

Петух закричал в третий раз.